

БЕЛАРУСЬ:

ни Европа, ни Россия

Мнения белорусских элит

Беларусь: ни Европа, ни Россия
Мнения белорусских элит

Беларусь: ни Европа, ни Россия
Мнения белорусских элит

Под редакцией Валера Булгакова

Издательство „ARCHE”
Варшава 2006

Издательство „ARCHE”

Редактор

Валер Булгаков

Корректор

Людмила Щерба

Художественный редактор

Марта Куштра

Дизайнер по обложке

Тереса Олешчук

Верстка

TYRSA Sp. z o.o.

© Copyright by ARCHE

ISBN 83-89406-78-0

Распространяется бесплатно

Варшава 2006

Содержание

От составителя	7
Виталь Силицкий, Дилеммы выбора	9
1. Что для вас значит Европа?	25
2. Является ли Беларусь (такая, какова она сегодня) частью Европы? Может быть, ей только предстоит ею стать? Что следует сделать в этом направлении в Беларуси?	41
3. Что Беларусь может принести в Европу?	69
4. Должна ли Беларусь осуществить какой-либо стратегический выбор? Если да, то какой: Союзное государство Беларуси и России/Евросоюз/СНГ? Являются ли эти альтернативы взаимоисключающими? Что следует сделать, чтобы воплотить их в жизнь?	93
5. Существует ли белорусская идентичность? Если да, то что ее определяет? Что такое белорусскость? Что значит быть белорусом?	127
6. Существует ли для вас такое понятие, как славянское сообщество/сообщество бывших советских народов?	157
7. Как вы оцениваете политику России в отношении Беларуси?	181
8. Как вы оцениваете политику других соседних государств, за исключением России, в отношении Беларуси?	201

9. Как вы оцениваете политику Евросоюза в отношении Беларуси?	221
Андрей Казакевич, Четыре корпорации белорусской элиты	247
Об авторах	259

От составителя

Интервью, помещённые в этой книге, записывались в марте–мае 2006 года, т. е. во время и сразу после третьих президентских выборов в Беларуси. Поэтому неслучайно в ряде их присутствуют аллюзии на эту политическую кампанию.

Весной 2006 г. независимые социологи констатировали, что проводить социологические опросы стало невозможно, поскольку в стране не созданы условия для производства социологических мнений. Эта констатация прозвучала после того, как примерно 25% опрошенных во время «экзит-полов» отказались сообщить социологам, за кого они проголосовали. С тем же пришлось столкнуться и реализаторам этого проекта: более половины тех, к кому мы обратились с просьбой об интервью, отказались дать его. В частности, на интервью не согласились все спортсмены и бизнесмены, которым мы адресовали такое предложение, подавляющее большинство деятелей культуры и искусства, журналистов и представителей государственного аппарата. Между прочим, этот отказ показывает, в каких сферах белорусского общества прессинг государства наиболее силён.

Этот материал не претендует на полноту и всеохватность, но будет интересен тем, кому не безразличны взгляды белорусской элиты на темы становления белорусской идентичности, взаимоотношений Беларуси с европейскими странами и Россией. Он выявляет противоречивость и неоднородность мышления и ментальности даже тех, кого принято называть самой демократической и проевропейской частью белорусского общества. Все интервью были авторизованы и печатаются без купюр и редакционных правок.

Дилеммы выбора

Виталь Силицкий

Один из авторов ответов до гениального просто и коротко сформулировал, ради чего этот проект задумывался. По мнению экономиста и бизнесмена Павла Данейко, «надо кем-то быть!» Формулируя вопросы, авторы проекта явно подразумевали и ещё одну, непосредственно связанную с предыдущей, потребность: «Надо где-то быть!»

Почему при определении «кем быть?» мы всё время обращаемся и к другому вопросу – «где мы?»? Возможно, потому, что дело не только в чрезмерной политизации идентификационных проектов, которые теперь существуют или обсуждаются, но и в том, что на стадии нациостроительства и в тех политических, социальных, географических и геополитических условиях, в которых существует Беларусь, такой политизации избежать невозможно. В любом случае та или иная форма определения самих себя как государства и как нации (либо отказ от такого определения) неизбежно приводит к перераспределению власти, статуса, влияния между теми или иными политическими, социальными и интеллектуальными акторами. В большой степени ответ на вопрос «где мы?» должен также помочь определить содержание национальной идентификации: какие моменты в собственной истории мы будем считать героическими, а какие – позорными; кого будем ставить в пример детям как героев, а кого характеризовать как предателей; что решим уважать, а чего сторониться и так далее. Можно спорить, требует ли белорусский национальный проект этих составляющих национальной мифологии. Однако очевидно, что их активно определяет

в известном направлении существующий сегодня в белорусском государстве политический режим. Очевидно и то, что он это делает в явно политических целях – ради как можно более долгого самосохранения. Можно считать, что Лукашенко бросил вызов. Нам остаётся либо ответить на него, либо принять то, что предлагается (или, скажет кто-то, навязывается).

Итак, совершенно естественно, что, определяя белорусов как нацию, мы стремимся отнести её к той или иной идее, обозначающей цивилизационный строй, такой как «Европа», «Россия», «славянское сообщество» либо что-то другое. Я умышленно говорю именно об идеях, хотя и Европу, и Россию, и славянский мир можно обозначить, проведя совершенно реальные географические или политические границы. (Хотя, скажем, с Европой, в отличие от Европейского Союза, это тоже сделать трудно: то, как мы проводим эту границу – то ли после Буга, то ли около Орши, то ли за Уралом, то ли даже захватывая Австралию с Новой Зеландией, – прежде всего характеризует наше представление Европы.) Но, определяя, «где мы», каждый из нас также апеллирует в первую очередь к «воображаемому», а не реальному сообществу, цивилизации и т. д. Приведу простой пример: представления и белорусской правящей элиты, и общества о России зачастую просто не соотносились с тем, какой Россия была и есть на самом деле. В значительной степени это и вызывало все те несуразицы, которые проявляются во время спектакля под названием «белорусско-российская интеграция». По этой же причине не сбылись и надежды пророссийских демократов на некоторые сдвиги в политическом развитии страны благодаря влиянию с Востока. То же самое, и даже в большей степени, можно сказать и о Европе. Разговоры о месте Беларуси в Европе или о перспективах её интеграции в Евросоюз будут бессмысленны, если мы представляем её иначе, чем остальные европейцы (так же как если представления других о нас не совпадут с тем, как мыслим себя мы сами). Вопрос здесь не только в нашем знании или незнании других (хотя тут приходится с горечью вспоминать о чрезвычайно низкой интенсивности наших политических, интеллектуальных и даже человеческих контактов с окружающим миром; это больше касается Европы, но не только её). Другая сторона, так же как и мы, – это не какая-то затвердевшая конструкция, она также в процессе переделки, переопределения самой себя,

она тоже может быть растеряна и дезориентирована. Причём если наши собственные представления о самих себе могут стать поводом и даже толчком к определённой социальной инженерии, переделыванию действительности под идею (из этого в основном и состоит реализация национального проекта), то переделать других значительно труднее либо вообще невозможно. Можно разве что изменить восприятие самих себя в большем мире, том, частью которого мы себя представляем или стремимся стать.

Формулирование национальной идентичности и решение вопросов цивилизационного выбора – это прежде всего задача национальных и культурных элит. «Живое творчество масс» при этом не отрицается, но понятно, что обозначить и достичь очевидных моральных и интеллектуальных прорывов способны немногие. Можно сказать и так: кто в состоянии их осуществить, тот и становится настоящей национальной элитой.

Элита, таким образом, – это не те, кто говорит больше других. Элита – это те, кого больше других слушают. По этому критерию современную белорусскую элиту можно было бы ограничить Александром Лукашенко и дикторами государственного телевидения, да ещё теми, кто пишет и редактирует их тексты. В данном издании, однако, представлены мнения и видения политической, культурной и интеллектуальной среды. Это среда людей, которые в нормальных условиях по своему статусу, по своим достижениям *обязаны* быть элитой. В основном тут представлены взгляды «контрэлиты» – той среды, которая противостоит политическому доминированию и идеологическим дискурсам, предлагаемым сегодня существующим политическим режимом. Представители «официоза» – деятели по-своему яркие и безусловно известные публике именно благодаря своему отношению к вопросам, поднимаемым авторами книги. Представительство «иной» Беларуси довольно широкое – от политических до культурных деятелей, от журналистов до экономистов, от писателей до правозащитников.

Иными словами, по составу респондентов можно сказать, что авторам проекта удалось собрать среду, которая должна стремиться дать обществу содержательные и понятные ответы на вопросы, о которых упоминалось выше; предложить не только видение самих себя, но и видение будущего. Видение, устанавливающее

в определённой степени моральный код общества, легитимирующее либо отрицающее те или иные политические или культурные практики. Настоящая элита не может и не должна это видение навязывать. Скорее она должна продумать и сконструировать способы, через использование которых это видение было бы принято. Это и отличает её от режима, хунты или вертикали. Но если в погоне за признанием она будет просто воспроизводить стереотипы массового сознания, то её уже трудно будет отличить от массы. В этом и скрывается хитрая черта между прагматизмом и интеллектуальной трусостью.

Было бы неуместным ждать формулирования национального проекта в одной книге. Даже без этого она представляет большую ценность как индикатор готовности или неготовности белорусских элит (здесь мы прежде всего, конечно, говорим о контрэлите) давать ответы. Анализ высказываний может приобрести форму полемики, потому что у автора этих строк тоже есть мнения, которые могут не совпадать с теми, что высказали респонденты. Я ни в коей мере не хочу, чтобы мои мысли воспринимались как критика. Вместо этого, заострив внимание на нескольких наиболее актуальных, с моей точки зрения, вопросах, вокруг которых, очевидно, не существует консенсуса ни внутри общества, ни среди элит, я попробую определить, где мы находимся на сегодняшний день в нашей рефлексии и в наших устремлениях, и стремимся ли мы вообще, как когда-то сказал Владимир Мацкевич, «думать Беларусь» и, добавлю, окружающий мир.

Кто мы есть?

Как мы думаем самих себя? Кто мы есть, или же, в другой постановке вопроса, кем нам быть? Ответы на эти вопросы мы получили самые разные. Мнения респондентов скорее подтверждают, что становление белорусского самосознания только свершается. Многие в своих ответах (Калинкина, Литвина, Бугрова, Вардамацкий) об этом и говорят. При этом скорее идёт процесс осознания отличия от других, чем определения того, что объединяет белорусов внутри самих себя, своего мира, своего социума. По мнению Ирины Бугровой, процессу самоидентификации способствует прежде всего дистанция от других

государств и народов (насчёт подобной негативной самоидентификации также высказывается, в ином контексте, Кася Камоцкая). Однако внешняя дистанция не снимает вопроса о внутреннем состоянии, консолидации, чувстве родства и единства. Как отметила, немного растерянно, Кася Камоцкая, «может быть, извне другие народы сказали бы, что для них значит белорус, но для себя белорус... Мне кажется, что процесс ещё идёт».

Так в какую же сторону идёт процесс? Лишь несколько респондентов (Дынько, Вячорка, Буравкин, в определённой степени Санников) подчеркивают существенность национального языка и культуры. Интересно, что наиболее ёмко и смело этот тезис сформулировал представитель официоза Евгений Бабосов (тот самый, который безуспешно пытался втиснуть «белорусскость» в фундамент лукашенковской идеологии): «Белорусская идентичность как раз и есть *беларуская нацыянальная мова*». Очень немногие (кроме, как ни странно, представителей правящей элиты) ссылаются на коллективную память, исторический путь белорусов (правда, в трактовке Всеволода Янчевского главное отличие белорусов – это их «советскость», с чем, кстати, многие могут согласиться). Остальные обходят вопрос либо стремятся доказать, что классического языково-этнического национализма в Беларуси не возникнет: «На мой взгляд, в начале XXI века белорусская идентичность, основанная на принципе этничности (включая его базовые элементы, такие как общность территории, крови, истории и культуры), не то чтобы неадекватна, но не имеет ясной перспективы» (Манаев). Или же в ещё более жёсткой форме: «Если не скатываться на „ура-патриотические“ лозунги, то быть белорусом – значит, чувствовать свою принадлежность к этому пространству» (Абрамова).

Господин Манаев говорит прежде всего о невозможности реализации так называемого «белорусскоязычного национального проекта», или же построения государства и нации на языково-этническом и культурно-историческом основании в версии белорусских националистов (хотя есть большие сомнения относительно того, что такой единый проект на самом деле существует). Однако, отклонив язык и культуру, мы должны тогда ответить на вопрос «что вместо?» либо «что ещё?». В самом деле, отсутствие уникального национального языка у «гражданских наций» ещё не означает того, что они не базируются на общем

культурном коде (и пример Соединённых Штатов Америки, на который у нас любят ссылаться, наилучшее подтверждение этому). Апелляция к гражданству также не снимает полностью проблемы. Пожалуй, каждый может согласиться и подписаться под прекрасными словами, которые озвучил Василий Леонов: «Быть белорусом – любить прежде всего белорусов, Беларусь, содействовать процветанию своей земли». Однако любить белорусов и Беларусь можно было и в составе Российской империи, и в Советском Союзе.

В основном в рефлексии относительно национального своеобразия белорусов у потенциальной элиты наблюдается превалирование определённых внешних, психологических (доброта, толерантность) либо поведенческих (склонность к приспособленчеству), факторов. Вот характерные примеры: «Может быть, это и правильно, но если ты человек – существо социальное, то должен и божьими принципами руководствоваться» (Фролов). Или: «Я знал сельский тип белоруса или такой, на окраине города, где фактически жили, как в деревне. Это серьёзный, рачительный хозяин» (Шушкевич). Опять же, эти примеры, как положительные, так и отрицательные, пожалуй, отражают восприятие самих белорусов, представления, распространённые среди нас самих. Сама по себе такая рефлексия, однако, создаёт основания для довольно шаткой мифологизации самих себя. Действительно ли мы такие уж толерантные, как себя рисуем? Если мы рачительны, то по сравнению с кем?

Таким образом, проблема определения того, что делает белорусов культурной нацией, определения, не побоюсь этого сказать, содержания национальной культуры остаётся открытой. Значительная часть потенциальной белорусской элиты (и особенно контрэлиты) пока что описывает белорусскую самоидентификацию преимущественно в негативных терминах, по отношению к «значимым другим», по принципу «мы – не они» (см. выше характерные высказывания Бугровой и Камоцкой). Это нормальная стадия самоидентификации любого сообщества, можно сказать, это та стадия, в которой теперь преимущественно находится белорусское общество в целом. Однако действия – постановка и достижение определённых коллективных целей – возможны только при условии позитивной самоидентификации («мы – это...»). Просто идентифицировать себя с «пространством» (по словам Ольги Абрамовой) явно недостаточно, потому

что такая идентификация не решает вопроса легитимации этого пространства. Легитимировать его может только сообщество, которое на нём проживает.

Вопрос культурного определения нации вновь, таким образом, встаёт, и нам от него никуда не деться. Это не значит, что я заранее отдаю предпочтение тому или иному проекту. Но если мы, например, останавливаемся на двуязычии, то надо сформулировать, что это двуязычие означает (в практике сегодняшних властей, очевидно, двуязычие просто прикрывает русификацию) и как мы интерпретируем и установим двуязычие именно в качестве национально-культурной особенности. Вопрос в том, что не решить этого и других вопросов означает оставить почву для «идентификации широких слоёв людей с этим необычным политическим режимом» (Дынько) – и для его (режима) конструирования этого культурного кода, чем он сейчас относительно успешно и занимается.

Где мы?

Насчёт славянской общности содержательно высказались лишь некоторые респонденты (что в какой-то степени отражает эфемерность самой концепции), о России вопрос стоял только в плане политики, поэтому поговорим о нашем видении Европы. Европу белорусам можно пока что лишь представлять. Находясь в ней по крайней мере географически, мы имеем на это полное право. Так же как и другие европейцы имеют полное право считать нас частью своей общности и культуры либо нет. Общих правил в определении культурных, цивилизационных границ Европы, пожалуй, нет. Есть более-менее общепринятые географические границы (несмотря на это, Европейский Союз в своих официальных документах, посвящённых программе «нового соседства», заявляет, что вопрос о дальнейшем расширении ЕС может быть решён только после определения «окончательных границ Европы»). Есть европейские институты, членами которых мы либо являемся (ОБСЕ), либо нет (Совет Европы и ЕС). Принадлежность к большинству этих институтов (очевидное исключение – Евросоюз) только формально устанавливает принадлежность к европейскому пространству, однако формальности время от времени играют весьма неожиданную роль. Автор этих строк как-то заявил брюссельской публике, что белорусов невоз-

можно лишиться европейской идентичности (или мечты), пока Беларусь является членом УЕФА. Брюссельская публика реагировала очень живо!

Европа – это не нация (что бы там ни говорили Хабермас или Дерида, конструируя «европейскую идентичность» на противопоставлении американизму), и определить, что делает нас европейцами (если мы вообще хотим это определить), невозможно, не установив, что делает нас нацией. Конечно, можно попробовать просто договориться, что, скажем, с первого октября такого-то года мы будем в одностороннем порядке принимать все «талмуды» европейского права в качестве национального законодательства. Однако, столкнувшись с первым же проявлением идиотизма европейской бюрократии (скажем, чтобы клубника была именно такой длины, а для того чтобы заменить лампочку на высоком потолке, надо ставить строительные леса стоимостью в несколько тысяч долларов), мы неизбежно зададимся вопросом, почему это надо именно нам и кто мы есть, чтобы нам это было надо? Поэтому общее может быть понято только в частном, и прав господин Вячорка, когда говорит, что «европейская идентичность проявляется только в идентичностях национальных». (Скажем, Френк Фукуяма показывает в одной из своих последних статей, что именно размывание национальной идентичности в странах «старого» ЕС приводит к определённой эрозии, казалось бы, устоявшихся цивилизационных ценностей европейцев; в свою очередь это приводит к особым социальным проблемам и кризисам, наиболее очевидной из которых является проблема интеграции этнических и религиозных меньшинств: аборигены «старой» Европы всё менее и менее в состоянии сформулировать и, следовательно, предъявить остальным то, что характеризует данное сообщество, что является его культурным кодом, «гражданской религией» и во что и как, в конце концов, иммигранту из Марокко или Сенегала интегрироваться.)

Представление нашей потенциальной элиты (прежде всего – контрэлиты) о Европе в первую очередь основано на признании факта существования европейской цивилизации и на восприятии так называемых европейских ценностей («христианство, рационализм, диалог» – Данейко; «тип цивилизации, которая в значительной степени навязала себя всему миру» – Шушкевич; «понятие демократии и понятие цивилизации, которая, как я считаю, подходит

для Беларуси» – Буравкин; «Европа – это мир мудрой взаимной терпимости» – Вардамацкий). Очевидны также тенденции к идеализации Европы («Европа – это также и место, где была сформулирована и где реализуется новая система человеческих ценностей. Это место, где живут так, как мне бы хотелось жить» – Протько; «это и образец во многих отраслях общественной, государственной, экономической жизни» – Калякин; «это общие культурные ценности, это общецивилизационные ценности» – Абрамова), которые, правда, не всегда разделяются представителями «правлящей элиты» («Европа уже не раз накликала на многочисленные народы беду, войны и кровь. Посмотрите, кто только за всю историю ни шёл на наши земли!» – Костян). Есть попытки определить её как «не-Америку» («Если сравнивать США и Европу, Европа более демократична, более близка нам, и все проявления демократии гораздо мягче, чем в тех же Соединенных Штатах, которые сейчас усиленно пытаются помочь даже тем, кто не хочет стать демократической страной» – Фролов) и даже «не-Беларусь» («Но лично для меня в первую очередь это общество, в котором отсутствует бешеное, неразумное, аморальное пропагандистское оболванивание населения и общественного сознания» – Литвина).

Размышляя на тему принадлежности Беларуси к Европе, наша потенциальная элита, за исключением нескольких поклонников «географической» концепции Европы (Улахович, Кебич), считающих, что Беларусь Европой была, есть и будет, также мыслит в категориях ценностной или цивилизационной гармонии. Среди этой группы лишь небольшая часть готова рассмотреть в белорусском обществе расположение к европейским цивилизационным ценностям («это христианская страна, строящая свое поведение на основе рационализма и склонная к диалогу» – Данейко); остальные подчеркивают, что до них еще надо, что называется, «дорасти» («Идеи о том, каким должно быть это пространство, европейские идеи сформулированы небольшой частью интеллигенции, но они не прочувствованы до конца народом» – Алексиевич; «Я думаю, что это просто историческое недоразумение и с течением времени (через десять, пять или пятьдесят лет) всё встанет на свои места» – Калинкина) или к ним «вернуться» («Сегодня мы – европейская аномалия», но «Беларусь никуда не денется с карты Европы. Беларусь в Европе – это традиция, это история» – Милинкевич), либо приходят к выводу, что Европа,

говоря словами одного белорусского политика, – это «не наше» («На мой взгляд, как раз на границе Беларуси, России проходит такой цивилизационный разлом, который связан с ментальностью в России, Беларуси и той, другой части Европы, у которой ментальность совершенно другая» – Фролов).

Определить свою принадлежность к тому или иному сообществу – это прежде всего вопрос выбора («Вы когда-нибудь слышали, чтобы белорус сказал: „Я европеец“? Очень редко. А от других народов можно это слышать, они говорят: „Мы европейцы, и потому...“» – Бугрова). Коллективный выбор всегда возникает из совокупности выборов индивидуальных. Возможно, и белорусам пока что суждено двигаться к европейской цивилизации в индивидуальном порядке, что, кстати, не является чем-то необычным. По меткому определению известного социального философа Тимоти Гертон Эша, демократические диссиденты Польши, Венгрии или Чехословакии советских времён имели, вследствие их острого ощущения и интернализации декларируемых ценностей «западного мира», больше оснований считаться индивидуальными членами европейского сообщества, чем иные страны – коллективными. Поэтому сетования госпожи Абрамовой, что контакты Беларуси с ЕС «приватизированы» частью политической оппозиции, как минимум неуместны. Это естественно, что общий язык находят прежде всего схожие духом и ценностями, и иначе быть вряд ли может.

То же самое относится и к другой стороне, которая должна нас признать частью своего сообщества. Другие европейцы тоже должны решить для себя, являемся ли мы тут «своими» и, как говорит Винцук Вячорка, «неэкзотикой». Однако здесь проблема даже шире, чем то, сможем ли мы убедить французов, поляков или киприотов в том, что мы «неэкзотика». Сами понятия европейских ценностей, европейской идентичности и вообще Европы не являются чем-то статичным. Бесконечные и часто напрасные поиски собственной идентичности, демографический кризис и экономический застой, патологический страх «старой» Европы перед польскими водопроводчиками, разорённые пригороды Парижа, «карикатурные скандалы», убийства политиков и журналистов в Нидерландах, политкорректность, заставляющая не называть имя женщины, которая собиралась использовать собственного ребёнка в качестве бомбы,

– это тоже Европа. Ведь и нас могут признать или не признать «своими» только целиком, со всеми нашими проблемами и несуразицами, нашей «покладистостью» и «толерантностью» и Чернобылем...

Надо сказать, что европейская интеграция – это процесс в своей идеологии очень консервативный. Присоединение к ЕС новых стран неизбежно оживляло определённый дискурс, базирующийся на таких понятиях, как свобода, демократия, права человека, рыночная экономика, толерантность, равенство, наконец оживляло само понимание европейской цивилизации как цивилизации свободного мира. Это возвращало, по крайней мере интеллектуально, всю остальную Европу к своим первоначальным идеям, назад от всяческих «пост-» и «анти-» концепций (постмодернизма, постхристианства, постнационализма, антиамериканизма, антиглобализма и т.д.), которые стремительно охватывают сознание тех, кто «думает Европу» в самой Европе. Поэтому, должно быть, главное, что может привести Беларусь в Европу, – это не свой добродушный характер, трудолюбивое население, стабильность или даже человеческий потенциал и культуру (что может с таким же успехом предложить, скажем, и Россия), а именно тот импульс к переосмыслению и воспроизводству этих ценностей – если мы, конечно, сумеем дать такой импульс.

Но каждый виток этой интеграции ослабляет актуальность концептуализации Европы как «цивилизации свободы», и призрак потенциального врага, которым в своё время был Восток или советский коммунизм, постепенно слабеет, а потому каждому, кто опаздывает на уходящий поезд, оживить вновь этот романтизм отцов-основателей и героики 1989 года становится всё труднее и труднее. На самом деле то, что Беларусь – это последний кусок ушедшего в небытие «Востока» (Россия – это всё-таки отдельный вопрос), совсем не означает, как бы того ни хотел Вячеслав Кебич, что остальная «Европа» только и думает о том, чтобы добавить к своей мозаике этот отсутствующий кусок.

Присоединение к чему-то, достижение определённого культурного и цивилизационного единства – это не торг и не «предпродажная подготовка». Естественно, мы «предлагаем» (если предлагаем) себя такими, какие мы есть, – со всеми нашими особенностями, недостатками и привлекательными чертами, реальными или воображаемыми.

Что мы выбираем?

Если действительно можно определить «белорусский национальный характер», то, видимо, одна из бесспорных его черт – это стремление избежать жёсткого выбора, боязнь исторических и политических Рубиконов. Кто-то из опрошенных видит именно это спасением для Беларуси («Наш интерес – это отказ от окончательного цивилизационного выбора. И это – тоже выбор. По крайней мере, не надо с ним спешить. Пусть мировая политика станет более определенной» – Абрамова), хотя некоторые не согласны, что такая боязнь действительно существует («Кроме явного, осознаваемого нами знания есть неявные представления о реальности, которые актуализируются в моменты выбора. Поскольку у белорусов ещё не было выбора, они ещё не стояли перед этой проблемой, то до сих пор это представление не актуализировано. Но моё ощущение такое, что выбор в Беларуси сделан однозначно большинством населения, абсолютным большинством. И тотально» – Данейко).

И всё-таки отношение к проблеме большинства элиты опять-таки напоминает то, что делается в головах и душах «неэлит». Не все признают саму актуальность выбора («Думаю, сейчас неправильно ставить вопрос в терминах „или – или“. Сейчас было бы адекватно ставить вопрос в терминах „и – и“. Адекватно с точки зрения национального характера, ментальности, экономической ситуации, нашего геополитического положения» – Вардамацкий). Некоторые надеются на то, что выбор, вследствие изменения внешних факторов, отпадёт сам по себе («Дело в том, что Евросоюз имеет тенденцию развиваться. И если Россия вступит в Евросоюз, то и Беларусь рано или поздно туда вступит. Куда ж она денется? Если Украина будет, допустим, и Россия, и Литва, и Латвия, и Эстония, и Польша, куда Беларусь денется? Никуда не денется, она будет частью Евросоюза» – Бабосов; «Понятно, что если мы будем рассматривать идеальные схемы, то место Беларуси – в Европе и Евросоюзе. Но я думаю, что это возможно только в том случае, если и Россия вступит в Евросоюз» – Калинкина). И лишь некоторые готовы чётко определиться в ту («Нужно что-то выбирать! Я, в общем, сторонник того, чтобы мы были в достаточно тесном союзе с Россией. Безусловно, чтобы и Россия несколько другая была» – Фролов) либо иную

(«Я уверен, что Беларусь должна быть только в объединённой Европе, в Евро-союзе» – Санников) сторону.

Вопрос выбора респонденты понимают по-разному. Одни – больше в смысле «с кем интегрироваться» (налаживать экономические и политические взаимоотношения), другие – как приблизить Беларусь к той или иной общности внутри самой себя. Между этими двумя аспектами существует определённая взаимосвязь, но она неполная. Цивилизационный выбор – это не выбор соседей (их, по крайней мере с 1945 года, не выбирают) или экономических партнёров: географию не обманешь, поэтому нефте- и газопроводы, а также другие транспортные коммуникации бегут из России в ЕС именно через Беларусь. Экономическая интеграция «и с Россией, и с Европой» тоже вполне возможна, да мы её и теперь имеем (что с горечью отметила Кася Камоцкая, которая определила политику России по отношению к Беларуси как однозначную поддержку диктатуры «при помощи газа и нефти» и добавила, что политика Европы – это тоже «поддержка диктатуры. Они покупают у нас нефть и радостно повизгивают!»). Таким образом, существование «и с Россией, и с Европой» в некотором смысле возможно (к сожалению некоторых белорусских политиков и интеллектуалов, такое существование может нести не только решение политических и цивилизационных вопросов, но и проблемы, способствовать укреплению авторитарного президентского абсолютизма). Однако совмещение «Европы» и «России» в политических институтах, в гражданской культуре, в отношении к гражданским правам и свободам, во всём том, что и определяет цивилизационный выбор, менее вероятно. Такое совмещение возможно лишь временно: оно приводит к возникновению нестабильной гибридной формы, которая рано или поздно оказывается в состоянии внутреннего кризиса и в конце концов вынуждена трансформироваться во что-то более чёткое (примеры наших соседей, России и Украины, это подтверждают). Финляндизация, о которой говорит Андрей Дынько, – это не совсем то же самое. Финляндия в советские времена была ограничена в определении своих военно-политических и частично экономических отношений, но внутренне она полностью принадлежала к западному, европейскому миру. Также вызывает некоторые сомнения высказывание Олега Манаева о том, что прежде всего надо решить

вопрос о власти (подыгрывая, если можно так сказать, электорату) и лишь потом решать вопрос выбора. Подобный выбор на самом деле скорее является не последствием, а фактором политической борьбы, его актуализация как раз и имеет тот мобилизационный и легитимационный потенциал, который предопределяет результаты политических баталий и трансформаций. Предложение, не находящее спроса, безусловно осуждено на поражение. Но его отсутствие ещё более определённо программирует на поражение тех, кто избегает его сформулировать и продвигать.

Возможно, это нахождение «между двумя мирами» – естественная ступень в политическом развитии и в процессе нациостроительства, через которую Беларуси суждено пройти. Однако у меня есть серьёзное основание сомневаться, что это будет именно так. Существование на цивилизационном разломе было возможно тогда, когда по обе стороны бывшей советской границы ещё сохранялись представления (оказавшиеся в конце концов иллюзорными) относительно возможности некоего более широкого сообщества – скажем так, «Европа + Россия» (а по определению и всё то, что между ними), когда эти две стороны сами ещё не до конца определились в направлениях собственного развития. Этот процесс определения и оформления – политического, институционального, культурного – идёт теперь стремительно. Мир меняется, и если мы не меняемся вместе с ним, то вероятность того, что мы останемся с тем, что имеем сейчас, повышается с каждым годом.

* * *

Очевидно, что белорусская элита, и прежде всего контрэлита, в большей степени лишь начинает искать ответы на вопросы, кем и где быть Беларуси и белорусам. Пока мы очень часто сталкиваемся скорее с репродуцированием некоторых элементов массового сознания, чем, собственно говоря, с ответами или поисками ответов. Пожалуй, это лучше всего отражает неуместность разговоров о существовании «национальных проектов» (белорусскоязычного, русскоязычного или иных), о чём время от времени говорят аналитики и политики. Нам только предстоит их сформулировать. Как потом прийти

к единому знаменателю – этот вопрос ещё более не определён. А как его или их реализовать – до этого ещё весьма и весьма далеко.

Это в целом естественное отображение состояния, в котором находятся сегодня как белорусское общество вообще, так и интеллектуальная элита в частности. Атомизированность всего общества ведёт и к разорванности элитного поля, отсутствию или почти отсутствию площадок и медиа для дискуссий и диалогов внутри интеллектуального и политического сообщества, не говоря уже об обратной связи между ним и гражданами. Да и, кажется, текущих политических и иных проблем столько, что не время думать о высоком. Но не вырваться из этого замкнутого круга, не инициировать этот диалог, не начать поиск совместных ответов на вопросы – значит просто смириться с тем, что Беларусь в конце концов возникнет как нация, сконструированная по образу и подобию её сегодняшнего вождя. Альтернатив и времени, чтобы избежать этого, у белорусских элит и всех нас остаётся очень и очень мало.

Виталь Силицкий – род. в 1972 г. в Минске. Независимый политолог. Магистр Центральноевропейского университета в Будапеште (1994). Доктор Ph.D университета Ратгерса (Нью-Брансвик, штат Нью-Джерси). В октябре 1998 – сентябре 2003 гг. доцент Европейского гуманитарного университета в Минске. Был уволен за публичную критику режима Александра Лукашенко. В 2006 г. – приглашённый исследователь Центра изучения демократии, развития и правового государства (Стенфордский университет, США). Редактор «Исторического словаря Беларуси» («Historical Dictionary of Belarus», Scarecrow Press), издание которого запланировано на начало 2007 года.

1. Что для вас значит Европа?

Ольга Абрамова

Я не могу сказать: Европа – это наше всё. Но судя по тому, где мы пребываем, так должно быть. Это культурные ценности, это общецивилизационные ценности. То, что значимо для большинства населения. Жизнь человеческая коротка, – это стремление наших граждан достичь хотя бы средневропейского уровня жизни и иметь высокую степень социальной защиты, что тоже характерно для очень многих европейских государств. При этом сохранить самобытность Беларуси и то, что характерно для белорусской культуры. (Я не беру политические аспекты противостояния, потому что в сегодняшней жизни это очень сильно взаимосвязано, тот водораздел, по которому проходят претензии сторон друг к другу.) И кроме того я бы хотела, чтобы было большее понимание специфики Беларуси, особенностей национального характера со стороны европейцев.

Как политик, я мыслю за пределами своей человеческой жизни. С тех пор как я пришла в политику, я стала представлять себе стандарт, прикидывать развитие страны на 50 лет вперед. То есть не такая, какая она сегодня (обязательно это учитывать), но такая, как было бы желательно, чтобы она стала через 50 лет. А через 50 лет, с моей точки зрения, это должна быть полноценная средневропейская страна с высокими жизненными стандартами, с высокой комфортностью для проживания людей. И единственное, что мне не хотелось бы заимствовать у европейцев, это евробюрократию и некоторые мещанские

ценности. Если сравнивать сегодняшнюю жизнь в Беларуси и в европейских странах, я могу сказать, что большинством (особенно тех, кто бывал в Европе неоднократно) европейские стандарты жизни рассматриваются как то, к чему следует стремиться. Но что касается самого образа жизни на бытовом уровне, на уровне восприятия жизни, мне бы хотелось, чтобы люди были более критичны в отношении информации, не воспринимали так слепо то, что преподносит обществу «четвертая власть», и чтобы люди не успокаивались на достигнутом, а жили более интересной жизнью. Это не есть то, что политик может предлагать обществу, а лишь пожелание того, чтобы сохранился большой интерес к жизни. Чтобы не только и не столько материальные ценности либо то, что с ними связано, были самыми значимыми.

Конечно, в любой стране каждый человек думает прежде всего о своей семье: способен ли он повысить уровень ее потребления, в состоянии ли он ее защитить, может ли он обеспечить для своей семьи тот образ жизни, который поддержит ее здоровье, высокий уровень образования для детей, достойную старость?.. Всё это так, но в то же время (это пожелание холерика и экстраверта, коим я являюсь) – чтобы люди сохранили неизбывный интерес к жизни. Чтобы они находили для себя всё новые цели, всё новые вершины, которые надо брать. И чтобы так было до глубокой старости.

Светлана Алексиевич

Чем больше в Европе живешь, тем меньше понимаешь, что же это такое. Я в ней живу уже 5 лет в разных странах – во Франции, в Германии, теперь в Швеции...

Это кусочек Земли, земного мира, который более-менее совершенно устроен, где главной ценностью признается человеческая жизнь. На Востоке более важными считаются государственные проблемы. В постсоветских странах преобладает сейчас философия выживания. Америка – это всё-таки империя... А Европа имеет нормальные человеческие размеры, она устроена для человека.

Евгений Бабосов

Европа – самый удивительный в мире континент. Почему? Потому что христианская культура, на которой основаны современные знания, современная техника, современное понимание государства, современное понимание человека, его любви, – это всё сделано в Европе. Поэтому Европа – это та сердцевина, из которой выросла вся современная цивилизация, основанная на христианстве. В этом смысле Европа является прародительницей современной цивилизации, современной культуры. Цивилизация шире, чем культура: она включает в себя и культуру, и науку, и технику... Европа – это сердцевина современной цивилизации, построенной на основе христианства и его различных толкований, в том числе и марксистских, атеистических.

Анжелика Борыс

Культурно-историческое пространство, в котором сосуществуют народы, придерживающиеся общей системы ценностей, правил поведения и признающие уникальный вклад каждого из народов в формирование того, что принято называть европейской цивилизацией.

Ирина Бугрова

Что касается меня, то я «испорчена» научными знаниями, «испорчена» бесконечным потоком литературы, которую я читала, когда изучала этот вопрос – о становлении понятия «Европа», о ментальности Европы, о том, что больше вкладывается в это понятие: география ли это, политические ли функции. Когда Европа формировалась, период становления территории, создание и разрушение блоковых систем, естественно – культурологический и религиозно-этнический варианты... То есть всё! Сама Европа – это понятие достаточно неопределенное и не определившееся до сих пор. Дискуссий много, и я не могу быть в стороне от них: я слишком уж в них погружена...

Для меня Европа связана, конечно, с определенной территорией. Безусловно, территориальная идентификация играет свою роль и имеет свое значение, но все-таки ментальность на первом месте. Сейчас, когда мы говорим о Европе и говорим «европейское сознание», «европейская культура», «европейские ценности», то мы, безусловно, внедряемся в культурный пласт, вглубь веков и устанавливаем, как происходило становление Европы, на базе каких культурных смыслов, значений, кодов шло ее формирование. Для меня, конечно, это в первую очередь смысл, связанный с культурными кодами европейскими, в которых есть христианство, какой-то небольшой мавританский, мусульманский элемент (вне всякого сомнения, он присутствует в ней) и балканский элемент, субстрат. В ней присутствуют и славянский, и балтский, и скандинавский элементы, и всё, что связано с культурами других племен и народов.

И конечно, это религиозный контекст. Мало того что в Европе сошлись две очень мощные христианские ветви, они и сформировали Европу. И, безусловно, я не могу не говорить о том, что Европа приняла, впитала в себя (особенно в южной части – Балканы, Испания, Португалия) некоторые элементы мусульманской культуры. И мы не можем не замечать этого.

Для меня сегодня, как сказала болгарка Мария Тодорова, профессор Парижского университета, Европа есть понятие вариативной геометрии. В зависимости от того, с какой исходной точки ты смотришь, ты вычерчиваешь свою фигуру, лепишь свою скульптуру. Поэтому до сих пор есть желание придать Европе расширительное значение, в том числе включить Россию, особенно европейскую часть. Теперь Россия выталкивает Европу: включая Россию, мы теряем Европу. Но есть желание иногда в расширительном смысле подумать о Европе...

С другой стороны, европейское ядро сформировалось в западной и центральной частях Европы – на уровне маленьких государств, которые входили в какие-то союзы, составляли части империи, но свою роль играли. Очень хочется отвлечься от политики. Но не получается, потому что Европа – очень политизированная структура, в отличие от Африки, например.

Поэтому для меня Европа – это, в первую очередь, самоощущение, самосознание и чувство принадлежности к некой культуре, где я чувствую себя хорошо. Где мне нравятся языки, где мне нравится ценность человека. Цен-

ность человека для меня очень важна. Только чтобы это было не абсолютным антропоцентризмом, а ценность человека как уважение к высшему проявлению Божественного творения.

Т. е. для меня Европа – очень многослойное понятие, но в первую очередь важны культурный и ментальный аспекты.

Генадзь Буравкин

Если коротко говорить, для меня Европа олицетворяет понятие демократии и понятие цивилизации, которая, как я считаю, подходит для Беларуси. Почему? Потому что так сложилось исторически. Мы были не только географически, но и духовно – хотя нам не очень везло в истории, не всегда белорусы получали возможность выразить себя духовно, полно, – но всё-таки мы были частью Европы. Я, бесспорно, не могу не вспомнить, если речь идёт о европейской цивилизации, такие фигуры, как Скорина, Гусовский. А если речь идёт о демократии, я не могу не вспомнить такие фигуры, как Калиновский и Врублевский. Все они не только были сыновьями своего времени и той цивилизации у себя в Беларуси, но и засвидетельствовали даже физически своё присутствие в европейских процессах. Скорина – тем, что он был признан как выдающийся деятель в Италии, Чехии и ином европейском мире. А Врублевский – своим участием в соответствующих революционных событиях во Франции, без которых традиции демократии, проверенные и горьким, и славным опытом, не могут существовать. Это я упомянул только две фигуры. А если оглянуться на нашу историю и вспомнить тех сыновей белорусской земли, которых мы подарили другим народам и странам, то для меня присутствие белорусов в Европе – бесспорно. И то очень интересное и неповторимое, что выработала для человечества в мире Европа – и в смысле цивилизационном, и в смысле законов демократии, – я прежде всего связываю с Беларусью.

Алесь Бяляцкий

Очень многое значит. Как бы ни банально звучало, 90% информации, которой владею на сегодняшний день я как личность – я воспитывался на определенных понятиях, читал много различной литературы, у меня есть исторические знания и ориентация и т. д., – так вот, 90% этой информации связано с Европой. Это касается европейской культуры, европейской литературы, европейской истории и всего того, что можно было бы назвать «цивилизованным миром». Всё-таки более молодые «культуры переселенцев» (американская, канадская, австралийская), имеющие европейское начало, для нас понятны, но это более простые варианты, схемы, «кальки» настоящего развития. Чем различаются тот хлеб, который пекут в печи, и тот, что пекут на хлебозаводах? Вот примерно таким же образом можно сравнить европейское культурное пространство и американское культурное пространство.

Александр Вайтович

Европа для меня – это колыбель цивилизации – эллинской, а затем христианской, к которой принадлежат и мои предки, и я. Гуманитарные ценности современной Европы – продолжение и развитие ценностей этой нашей общей цивилизации.

Андрей Вардамацкий

Европа – это мир мудрой взаимной терпимости. Та толерантность, о которой говорится применительно к белорусскому национальному характеру, – это на самом деле характеристика европейских ценностей. Правые и левые, консерваторы и либералы, представители самых разнообразных течений как на общефилософском уровне, так и на уровне чисто политическом мирно соседствуют друг с другом, уживаются и ломают копыта только на уровне аргументации, на уровне дискуссий и споров. Никому в голову не приходит арестовывать человека за то, что у него другие взгляды, или характеризовать его в терминах «отморозок» и т. д.

Но плюс влечет за собой и минус, который сейчас стал очевидно проявляющимся. И выражается он в том, что процесс принятия решений в Европе неадекватен темпу современной жизни. Все согласования, которые происходят в 25 европейских странах, – это нечто не соответствующее реальному менеджменту. Всякая положительная черта имеет и минусы.

Я не буду говорить тривиальные вещи по поводу того, что это более «старшая» культура, нежели молодая, «подростковая» североамериканская. Хотя и эта подростковость имеет свои плюсы.

Винцук Вячорка

Прежде всего скажу, чего Европа для меня не значит. Не значит «европейской идентичности» как самодостаточной. Европейская идентичность проявляется только в идентичностях национальных. А что значит? Европа – это то, что может восприниматься ментально и культурно как «своё» (в смысле, не экзотика).

Павел Данейко

Христианство, рационализм, диалог. Наверное, эти три характеристики.

Андрей Дынько

Для меня это родина. Мой отец родился на левом берегу Буга, который теперь находится в Евросоюзе, в Польше. А мать родилась на правом берегу Буга. Оба они родились в 10 километрах от Бреста. Но сегодня, чтобы попасть на родину, мне надо брать польскую визу. Эта граница, проведённая Сталиным по Бугу, почти никогда в истории не существовала. Эта сталинская граница повлекла массовые переселения. Мой дед, отец были вынуждены уехать оттуда: православные репатриировались в Беларусь, тогда как католики – в Польшу. И только в 1990-ых годах мы смогли туда попасть, увидеть то место, где отец вырос.

Я рос под рассказы родителей, моей бабушки про речку Буг. Буг для меня – это какая-то мистическая река, которой я никогда не видел, так как она была

ограждена колючей проволокой советской границы и нам было к ней не подойти. Я верю, что наступит день, когда колючая проволока, стоящая на этой сталинской границе между Беларусью и Польшей, будет снята.

Я родом из культурного пограничья, поэтому Европа для меня – понятие не столько географическое, сколько духовное.

Европейская идея для меня – это прежде всего идея солидарности. Идея солидарности разных наций, разных людей, разделяющих общие ценности. Не только общие экономические или политические интересы, а ценности. Поэтому Европа для меня – это ценность.

Светлана Калинкина

Я считаю Беларусь европейской страной – и географически, и исторически. Поэтому Европа для меня – большая родина, а Беларусь – малая родина.

Сергей Калякин

Для меня это многогранное понятие. Европа – это и континент, Европа – это сегодня и одно из крупнейших государственных объединений (если мы говорим о Евросоюзе), Европа – это и средоточие проблем в истории человечества. С другой стороны, это и образец во многих отраслях общественной, государственной, экономической жизни.

Кася Камоцкая

В первую очередь, это культурное понятие, культурно-социального плана. Я была в Англии – она конкретно отличается от остальной Европы. Вот что удивительно! Европа – это некая культурная общность.

Сейчас, когда размыты границы между всеми странами, открыты границы, конечно, Европа – не географическое понятие. Я не согласна, что Европа кончается Уральскими горами. Как по мне, она кончается раньше – на восточной белорусской границе.

Сергей Костян

Для меня Европа – понятие географическое, потому что если говорить о культуре, об истории Европы в целом, то надо заметить: Европа не одинакова. Европа Южная (с Балканами), Европа Западная, Европа Северная и Европа Восточная – это разные культуры, разные истории, разные традиции и обычаи. Поэтому говорить о какой-то единой европейской цивилизации – это означает показывать свою невежественность. Подчёркивать такое обобщённое понятие, как европейская цивилизация, – значит оскорблять многочисленные европейские народы. Поэтому для меня Европа – это конгломерат разных культур, разных историй, языков, обычаев и порядков.

Вячеслав Кебич

Прежде всего для меня Европа – это моя родная страна, моя родина Беларусь. Она никак не отделима от Европы, и поэтому для меня Европа прежде всего там, где я живу. Я помню, когда я был в Швейцарии на форуме в Кран-Монтано, где собираются политики, бизнесмены (хоть это ни к чему не обязывающая встреча, где просто обмениваются мнениями), тогда я, выступая с 15-минутным докладом, сказал: хватит делить Европу на Восточную и Западную. Есть одна Европа, никто же не делит Азию на Восточную и Западную и т. д. Есть единый материк, единое пространство, которое не надо делить на Южную, Восточную, Северную и т. д. Тогда эти мои предложения, в общем, находили понимание среди многих политиков, в том числе и среди политиков (если толковать «по-ихнему») чисто Западной Европы.

Это единое экономическое пространство, я бы даже так сказал. Люди, между которыми давным-давно сложились отношения – неважно, француз ты, или русский, или белорус, украинец. Это давно сложившаяся общность людей, я бы так сказал. Не расовая, а общность людей по своему общению друг с другом.

Анатолий Лебецько

Долгое время на наших знамёнах был лозунг «Беларусь в Европу!». Я думаю, что пришло время произвести небольшую коррекцию: по существу, более правильно будет сформулировать его так – «Европу в Беларусь!». Это означает, что первым шагом для Беларуси как страны является прививка европейских ценностей к белорусскому древу, которое и так находится на европейском континенте. Мы не должны никуда идти, мы должны оставаться здесь, на этой земле, географически – в самом центре Европы.

Для меня Европа – это в первую очередь именно европейские ценности. И если мы говорим о перспективе интеграции, о вступлении Беларуси в Европейский Союз, моя позиция немножко отличается от классической. Когда мы встречаемся с европейскими политиками в Брюсселе и Страсбурге, то просим их – вспоминаем историю, говорим, что мы европейцы, что мы европейская нация... Всё это правильно, но сегодняшние реалии требуют от нас другого подхода и другой постановки вопроса о перспективе интеграции Беларуси в Европейский Союз. Просить – это позиция слабого! Мы должны сами сделать что-то реальное для того, чтобы войти в Евросоюз. Европейские ценности, которые придут в Беларусь, – это первый шаг к интеграции в Европейский Союз.

Другой шаг (который тоже зависит от нас! Не от европейцев, не от чиновников в Брюсселе, Страсбурге или в какой-либо другой стране!) – это европейские стандарты. Когда у нас будут европейские ценности – это значит, что у нас будет принцип разделения властей, что мы будем избирать президента и депутатов, а не назначать их. Плюс стандарты в экономической сфере, в повседневной нашей жизни...

Когда мы сделаем эти два шага, то мы приедем в Брюссель – и не будем просить! Мы не будем стоять там в прихожей и навязывать себя, будто бы для нас надо сделать какие-то поблажки. Мы будем говорить: «Мы европейцы! У нас европейская история. И первая писаная Конституция появилась здесь, на этой земле».

У нас есть много примеров в различных сферах, доказывающих нашу принадлежность к европейской цивилизации. Но это всё в прошлом. Что-то должны

сделать мы сами, сегодняшнее поколение. И когда мы скажем, что у нас есть европейские ценности, которые можно, приехав в Беларусь, увидеть, что мы подходим к европейским стандартам, тогда у нас будет совсем иной формат для переговоров. Мы просто скажем всем: «Простите, вот решения, которые принимались Европейским Союзом, – копенгагенские критерии. И мы соответствуем этим копенгагенским критериям! Мы не просим – мы просто говорим, что соответствуем им. Как европейская нация, с европейскими корнями, наше место – в этой структуре».

Вот такое моё видение и перспектив взаимоотношений с Европейским Союзом, и того, чем Европа является для меня. Прежде всего это ценности, стандарты и совместное решение всех проблем – начиная от политических, безопасности, экономических и т. д.

Василий Леонов

Это моя страна, земля моих дедов и отцов, «мой родны кут».

Жанна Литвина

Отвечая на этот вопрос, можно было бы говорить и про абсолютно иной уровень европейской политики, и про европейские ценности, и т. д. Но лично для меня в первую очередь это общество, в котором отсутствует бешеное, неразумное, аморальное пропагандистское оболванивание населения и общественного сознания. Для меня признак цивилизованности, европейскости – прежде всего в этом: человеку не навязывают стереотипы, человека не загоняют в какую-то безвыходную ситуацию, не навязывают ему ни образ жизни, ни строй мыслей.

В нашей стране больше всего раздражает присутствие этой беспринципной пропагандистской машины, навязывающей человеку мышление.

Олег Манаев

Я вкладываю в это понятие и географический смысл, и культурный. Географически – это континент, на котором мы живем, и в центре которого находится Беларусь. Многие континентальные особенности тоже важны – ландшафт, климат и пр. Но прежде всего, конечно, Европа – понятие культурное, т. е. это система определенных ценностей, которая возникла и стала формироваться в античные времена. Это та система ценностей, на которой сегодня зиждется весь западный мир.

Александр Милинкевич

Есть малая родина, есть просто родина, а Европа, безусловно, моя большая Родина. Я себя чувствую европейцем, это колыбель культуры, в русле которой развивалась Беларусь. Для меня это континент, прежде всего, большого цивилизационного наследия. Беларусь ожидает время великого возвращения туда, откуда мы родом.

Анатолий Михайлов

Помимо того что Европа является географическим континентом, существует не всегда нами самими отчетливо артикулируемое представление о специфическом историко-культурном и интеллектуальном развитии Европы, о его отличии от других цивилизаций. Разумеется, сама возможность идентификации себя как «европейца» отнюдь не заключается в приписывании себе наличия каких-либо определенных качеств. На протяжении многих столетий на европейском континенте существовали определенные способы трансляции от поколения к поколению ценностей европейской культуры. Вместе с тем XX век продемонстрировал беспрецедентный по своему характеру радикализм переоценки всего того, что на протяжении более чем двух тысяч лет формировало смысловое поле европейского пространства. В итоге в настоящее время многое существенно усложнилось для тех, кто, подобно нам, стремится осмыс-

лить содержание того, что еще не так давно обладало для воспринимающего сознания витальной силой.

Алесь Михалевич

Европа для меня значит определённый общекультурный фундамент, объединяющий различные народы, которые населяют пространство, более-менее близкое к географической Европе. Для меня это понятие в большей мере ценностное, культурное и в меньшей мере – географическое.

Татьяна Протьюко

Для меня лично Европа – музей, в котором накоплено всё то прекрасное наследие человечества, которое оно создало за всё время своего цивилизованного развития. Европа – отличный показатель того, чего может достигнуть человечество, если оно развивается по определённым принципам – законности, демократии и прав человека.

Европа – это также и место, где была сформулирована и реализуется новая система человеческих ценностей. Это место, где живут так, как мне хотелось бы жить.

Андрей Санников

Прежде всего Европа для меня – это культура, история, традиции, нашедшие и находящие воплощение в архитектуре, музыке, музеях. Там материально можно ощутить, что это действительно что-то довольно чёткое, своеобразное, что отличается не только географически, но и прежде всего культурно, цивилизационно от других – Азии, Северной Америки, Латинской Америки.

Владимир Улахович

Часть общего жизненного пространства. Идея общеевропейского дома, хотя и звучит сегодня затерто, а не романтично, как в 1989 году, очень точна с точки зрения общих намерений, желаний и перспектив.

Валерий Фролов

Европа – это часть материка, где расположены страны Западной и (теперь) Восточной Европы, которые, объединившись в Евросоюз и расширив его, руководствуются определенными подходами (зачастую принятыми совместно), позволяющими этим странам существовать достаточно безбедно, серьёзно развивать экономику и благодаря ей обеспечивать очень высокие социальные стандарты. Это часть всего материка (я говорю о Западной и Восточной Европе), где благодаря многолетней борьбе людей (в том числе и за свои права) действительно стали нормой демократия, общечеловеческие ценности (у нас их иногда клянут и называют иначе).

Но, к сожалению, на мой взгляд, Европа потеряла динамику в развитии. Когда-то Маяковский говорил: «Капитализм был хороший парнишка, пока не боялся, что у него засалится манишка». Вот и сейчас определенная часть Европы почитает на лаврах, «черную работу» выполняют пришельцы, неевропейцы, что создает определенную напряженность в этих странах. Хотя, на мой взгляд, если сравнивать США и Европу, Европа более демократична, более близка нам, и все проявления демократии гораздо мягче, чем в тех же Соединенных Штатах, которые сейчас усиленно пытаются помочь даже тем, кто не хочет стать демократической страной. У нас тоже коммунисты хотели всех за уши притащить сразу в коммунизм. Если человек не созрел, зачем его куда-то тащить? И вот так отрывали уши, а иногда и голову вместе с ушами, и исчезали люди. Наверное, всё-таки слишком жёсткие меры США принимают (Европа в этом отношении лояльнее), чтобы затащить всех в лоно демократии и свободы слова, создать гражданское общество.

Хотелось бы, конечно, чтобы и в Азии были демократические государства, но, наверное, методы при этом должны быть гораздо более мягкими. Нельзя,

например, человека из первого класса пересадить сразу в восьмой, чтобы он комфортно там себя чувствовал. Какие методы для этого? Наверное, нужен диалог. Наверное, нужна какая-то помощь. Наверное, можно в какой-то определенной степени проявлять и свою силу, но это настолько тонкий и деликатный вопрос. Мне кажется, деликатности Соединенным Штатам и не хватает.

Станислав Шушкевич

Европа – это определённый тип цивилизации. Она, кстати, не одинакова всюду, потому что образовалась из ряда культур. Но в конце концов стала общей культурой. До недавнего времени я думал, что она базируется на христианских ценностях, но теперь я вижу, что это более широкое понятие.

Та Европа, которую я знал по книгам, довольно сильно отличается от Европы, которую я увидел своими глазами. Так что это тип цивилизации, которая в значительной степени навязала себя всему миру.

Всеволод Янчевский

Европа... Европа относится к многозначным понятиям. Есть такие слова в нашем языке, в которые каждый вкладывает смысл по своему произволу. Иными словами, кто как хочет, так и понимает.

Многие, когда говорят «Европа», подразумевают прежде всего Западную и Центральную Европу, то есть страны, сформировавшиеся в католической и протестантской традиции.

Россиян, например, такое определение смущает. Им нравится называть себя европейцами и повсюду торжественно провозглашать: «Россия – это Европа». В Беларуси также немало людей, которые обидятся, если сказать им, что они не европейцы (а если такое заявить украинцу, то он вообще откажется иметь с вами дело).

Скажу сразу, мне лично ближе узкое определение Европы.

Конечно, можно без конца доказывать самим себе, что «мы – европейцы», «у нас все должно быть по-европейски» и т. д. Но нас выдает... наш собственный

язык. Обратите внимание. Когда мы едем в Австрию (Голландию, Данию, Испанию и пр.), то говорим – «еду в Европу». А вот, например, француз, отправляясь в Германию, никогда не скажет – «я еду в Европу». Таких интересных речевых «проговорок» можно привести очень много.

То есть даже на уровне языка мы подсознательно ПРОТИВОПОСТАВЛЯЕМ себя Европе. А язык, лингвистика – очень точные и очень чувствительные показатели. Они часто выдают то, в чем мы сами себе не можем (или не хотим) признаться.

2. Является ли Беларусь (такая, какова она сегодня) частью Европы? Может быть, ей только предстоит ею стать? Что следует сделать в этом направлении в Беларуси?

Ольга Абрамова

Смотря по каким критериям оценивать. Если оценивать по географическому, конечно, является. Если вы будете оценивать по стародавней истории и по тому вкладу в европейскую культуру, который внесла Беларусь, то, безусловно, является. Если вы будете рассматривать с точки зрения евробюрократии, то нет, не является. Если вы будете рассматривать с точки зрения доминирующего общественного мнения, которое сформировано в европейских странах, то, безусловно, не является. Я думаю, не всё так трагично, как видит одна сторона, и не всё так прекрасно, как видит другая. Я всегда говорю так (особенно когда общаюсь с западными партнерами): попытайтесь себе представить страну, в которой не всё так хорошо, как пишут государственные газеты, и не всё так плохо, как пишут негосударственные, – и вы получите тот результат, который есть. Это движение – не статика, а динамика, вопреки тому, что говорят о застое!

Попробуйте применить другую систему координат. Я не скажу, что это моя система координат, но она имеет право на существование. Правды не бывает одной. У меня философское образование, и это позволяет мне воспринимать многие вещи более сдержанно, чем воспринимают люди, которые хотели бы получить всё сразу и сейчас, – и в политике, и в экономике. Если перефрази-

ровать реплику известного классического героя, то я скажу так: я согласна взять частями.

Светлана Алексиевич

Это еще не Европа, это деформированное постсоветское пространство с массой различных проблем. Идеи о том, каким должно быть это пространство, европейские идеи сформулированы небольшой частью интеллигенции, но они не прочувствованы до конца народом.

Мы еще очень рассредоточенная нация. Я наполовину украинка. И когда я бываю в украинском селе, то чувствую, что это всё же очень цельная нация, единая. А у нас в восточной части в деревне больше чувствуется Россия, в западной – Польша...

Мы еще даже не начали идти в сторону Европы, мы всё еще топчемся в старом социалистическом времени. Возможно, это не так и плохо, потому что мы не попали в дичайший капитализм, к которому пришла Россия.

Евгений Бабосов

Беларусь и географически, и геополитически, и в цивилизационном смысле, и в культурном является частью Европы. Кстати, не самая окраина, как некоторые считают. И никакая не «черная дыра», как некоторые говорят. Беларусь – это Беларусь! Это нормальная страна, которая имеет большие традиции, которая имеет свою национальную культуру, которая имеет свои базовые белорусские ценности: толерантность, «добрасумленнасць», «добразычліваасць», «памяркоўнасць», трудолюбие. Это ценности народа, который сохранял свою независимость от всяких нашествий и присоединений к Польше, Литве или России. Вот эти белорусские ценности, традиционные, которые идут со времен Евфросинии Полоцкой и Кирилла Туровского, делают Беларусь Беларусью, кроме того что она географически принадлежит к Европе. Потому что и Евфросиния Полоцкая, и Кирилл Туровский – личности европейского уровня. Я уже не говорю о Великом княжестве Литовском, о том Статуте, который был написан на белорусском

языке. Это то, что цементировало в духовном смысле Европу. И это в варианте Евфросинии Полоцкой, Кирилла Туровского, Литовского статута и Полоцкого княжества – это как раз уровень X–XI веков, когда Беларусь была Беларусью, и была в Европе, и играла совсем не последнюю роль. Я не думаю, что она особенно уступала Германии, которая была сильно раздроблена. Не думаю, что она уступала Франции. Может быть, во Франции была немного другая культура, но в то время все было нормально.

Другое дело, что Беларусь оказалась сначала под властью Польши, потом России, и тут было какое-то пренебрежение к белорусскому языку, белорусской национальной культуре, университетов тут не было, кроме Виленского. В этом смысле Беларусь пострадала. Но не потому, что она не хотела – просто не было социально-экономических условий для того, чтобы Беларусь создавала университет типа Сорбонны или английского Кембриджа. А Франциск Скорина? А Сымон Будный? Это же люди европейского уровня!

Значит, Беларусь была, остается и будет Европой! И никуда ей не деться из Европы. И она никуда не должна деваться.

Насчет восточных границ Европы по границе Евросоюза говорят члены Евросоюза. Но дело в том, что Евросоюз имеет тенденцию развиваться. И если Россия вступит в Евросоюз, то и Беларусь рано или поздно туда вступит. Куда ж она денется? Если Украина будет, допустим, и Россия, и Литва, и Латвия, и Эстония, и Польша, куда Беларусь денется? Никуда не денется, она будет частью Евросоюза.

Она обычная европейская страна, не хуже других. Я во многих странах был, в европейских – почти во всех. Беларусь ничем не уступает ни Словении, ни Словакии, ни Чехии... Таким крупным, как Германия или Франция, – может быть. А таким, где примерно 10 миллионов населения, – ничем. Абсолютно! В некоторых отношениях, может, даже лучше! Ей ни в какую Европу лезть не нужно. Она – в Европе! Некоторым европейским странам, типа Венгрии, типа Болгарии, особенно типа Румынии, еще учиться и учиться у нас. Я знаю эти страны в смысле культурном, в смысле цивилизационном, в смысле науки, в смысле обычного повседневного поведения. Сейчас показывают наводнение в Румынии. Как они живут?! У нас так жили 20 лет назад или 15, когда был развал...

Что надо делать Беларуси? Ей надо оставаться самой собой, развивать свои национальные традиции, дать широкое пространство белорусскому языку (больше, чем у нас сейчас есть!), больше – национальной культуре. Таким величинам, как Быков, к которому у нас по-всякому относятся, как тот же Рыгор Бородулин, которого я прекрасно знаю (мы с ним на «ты» давно, учились вместе, на целину ездили). Вот таких людей надо поддерживать и поддерживать всеми силами. И создавать условия, чтобы приток молодых был. Притока молодых вот такого уровня я пока не вижу, к сожалению. Что надо делать Беларуси? Делать так, чтобы талантливые молодые люди не уезжали в Европу – ту, Западную, а оставались здесь и служили своему народу.

Анжелика Борыс

В некотором смысле частью Европы являются даже США или, например, Австралия. То есть территории, колонизированные европейцами, принявшими за основу своей идентичности европейскую систему ценностей. Беларусь как сообщество людей, считающих себя потомками жителей, например, Великого княжества Литовского, безусловно является частью Европы. Если же считать, что настоящая история Беларуси началась только после (и благодаря) большевистской революции 1917 года, то принадлежность к Европе выглядит уже сомнительнее. В этом случае Беларусь скорее можно определить как уцелевший обломок эксперимента по созданию общества советских людей. Чтобы не стать, но остаться частью Европы, белорусскому обществу следует вновь осознать, что оно Европу не покидало. То есть отказаться от советской самоидентификации.

Ирина Бугрова

Сложный вопрос. Если понимать Европу, в первую очередь, как самоидентификацию, как понимание «я принадлежу к этой территории», то я не могу сказать, что у белорусов существует четкая европейская идентичность, четкая грань: «я европеец». Вы когда-нибудь слышали, чтобы белорус сказал:

«Я европеец»? Очень редко. А от других народов можно это слышать, они говорят: «Мы европейцы, и потому...» Существуют очень известные исследования «Евробарометра», где жителей разных государств сравнивают, у кого больше уровень идентичности: скажем, итальянцы – большие европейцы, чем французы. Существует четыре шкалы измерения, «Евробарометр» в этом отношении очень хороший специфический инструмент, который может измерить динамику движения людей к большей европейской идентичности, или к новой волне национализма, или к консолидации внутри государства, внутри нации.

Мне кажется, в Беларуси сейчас очень сложный период. Он и начался-то очень сложно... Вообще идентичность белорусов – очень сложный процесс. С 1995 г. она гораздо более противоречива и с очень большими негативными моментами. Т. е. даже на уровне отсутствия идентификации, на уровне идентификационного вакуума. У нас было время, когда люди не могли понять, где они живут: речь шла о союзе России и Беларуси, в прошлом у них был Союз ССР, впереди у них – как бы нет Беларуси, но она всё-таки есть, потому что заставляют подчиняться законам. К тому же развивается европейская составляющая. Наконец, был проект гражданства БНР.

Я помню, был полный *irreal house*, маленький шизо, потому что идентичность была какая-то «завернутая». Поэтому, конечно, была и поляризация, и группы разные, которые пытались консолидироваться по принадлежности именно к этим разделам.

Мне сегодня сложно сказать, насколько Беларусь преодолела эти линии, насколько выровнялся процесс, идет ли консолидация внутри государства на уровне нации (т. е. сначала государственная идентичность, потом национальная). Но этот процесс есть, причем он гораздо более четок. Какие-то линии национальной идентичности определяются.

И вот здесь уже, мы видим, происходит идентификация Беларуси как государства, которое будет определяться: оно больше европейское или про-русское. Гораздо более интересные и более четкие позиции!

В этом плане я могу сказать, что нет сегодня явного явления, которое мы ощутили бы очень сильно. Беларусь, безусловно, к Европе принадлежит. Но в том виде, в каком она сейчас есть, ее принадлежность получается, как говорил

Эриксон, противоречивой. Это как дуэль. Мы принадлежим к Европе, но мы там не сидим. Мы хотим быть европейцами, но нас не пускают. Какие-то наши права или готовность взять на себя ответственность за то, что есть... Поэтому я, скорее всего, разделила бы население Беларуси на какие-то группы, которые более готовы воспринимать себя европейцами, и группы, которые не то чтобы тяготели к союзу России с Беларусью, а просто не готовы. Для них не важна эта идентичность, для них важна другая идентичность. Для них не приоритетна национальная идентичность или европейская. Эти люди довольствуются тем, что они, скажем, могилевские, или витебские, или даже полоцкие. Это земляческие варианты локальной идентичности. Я исследовала большой массив материалов на эту тему: у людей локальная идентичность была и остается весомым элементом.

В современной локальной идентичности мы очень часто видим экономический элемент – региональный, продвинутый, глобалистский. У белорусов глобалистский элемент пока только-только появляется. Они остаются патриархальными, с патриархальными истоками, корнями, прежней принадлежностью. Плохо это или хорошо? Я никогда не ставлю ни плюсов, ни минусов. Я просто говорю, что это естественный процесс. Для меня Беларусь как страна сегодня не готова нормально и гармонично войти в глобальный мир. В ней существует локальная идентичность, которую можно характеризовать как региональную.

Принадлежим мы Европе или нет? Думаю, да. Но всё это белорусский человек ощущает не через государственную политику, а через обыденную жизнь. Вот такая ситуация!

Генадзь Буравкин

Безусловно, является. Иное дело, если мы говорим о неких глубинных, глобальных процессах – и если говорим о политической, экономической и культурной реальности здесь. К сожалению, совпадения нет. Но то, что это часть Европы или, скажем так, желание быть частью Европы, ощущение себя частью Европы в наиболее просвещённой и наиболее демократической среде, – для меня бесспорно. Если на то пошло, какое в Беларуси наибольшее знание культуры

и политической истории? Американское? Нет. Азиатское? Нет. Европейское знание! Мы больше всего знаем то, что связано с Францией, Италией, я уже не говорю о близких к нам России, Польше. И нас, если уж говорить, хоть и недостаточно (это большая наша беда, может быть, одна из самых серьёзных), но нас знают в мире. Но если нас сегодня где-то хоть немного знают, то прежде всего в Европе. Поверьте мне, даже из моего небольшого дипломатического опыта, это так. Европа больше всего знает. И если брать в глубинном отношении то, что происходит с нами сегодня, всё-таки в Европе мы чаще находим понимание этих процессов. Хотя политически Америка иногда кажется более готовой поддерживать стремления наших демократических кругов, чем некоторые европейские страны, европейские государства. Но я считаю, что и сегодня чувство единства с Европой (может быть, пока ещё скрытое в глубине где-то, не поддержанное пока официальными структурами, чиновниками) ощущается. Поэтому, видимо, и наши демократические круги, демократические организации и демократические политические партии открыто ориентированы на Европу.

Я бы не сказал, что Европа заканчивается на границе Евросоюза. Евросоюз – это структура. Политическая, межгосударственная структура. А когда я говорю о Европе, для меня Европа – прежде всего цивилизационное единство. И в этом единстве, довольно широком (и это счастье, что оно широкое, не узенькое, поскольку это означает и больший потенциал, большие возможности), внутри могут быть разные процессы. Вспомним историю европейскую. То Рим выходил на первое место, то Франция, то очень серьёзно заявила о себе русская культура. Поэтому внутри этого пространства могут быть какие-то изменения. Наша Беларусь, к сожалению, может быть, не самая заметная на этом пространстве – она может то удаляться, то приближаться, то (не дай Бог!) совсем на периферии оказываться.

Алесь Бяляцкий

Безусловно! Я абсолютно в этом уверен: со всеми зигзагами и постсоветским стёбом (иначе эту белорусскую власть трудно назвать. У нас происходит определённый постсоветский политический стёб), я считаю, мы на сегодняшний

день являемся абсолютно органической частью этого культурно-исторического пространства. У нас есть какие-то отставания, какие-то выходы вперёд. Как это ни странно звучит, но они были: и в юридической мысли, и в мысли культурной (переводческой – Библия Скорины)... Я уж не буду говорить о роли в геополитических процессах, которую играло Великое княжество Литовское, – это всё было. Но я уверен, что это всё ещё будет впереди. На самом деле оно есть и сегодня, просто с ходу трудно определить... Я не думал над этим: не моя задача – сидеть и искать, что есть в Беларуси самое лучшее. Может быть, у нас самая лучшая водка на сегодняшний день, какой больше нигде нет в Европе, – я не знаю. Это не является задачей культурологов – сидеть и думать, чем мы можем похвалиться на сегодняшний день.

Несмотря на определённые отклонения в историческом процессе, как бы то ни было, этот кусок территории всегда был в европейском контексте. И это самое удивительное! Даже во времена коммунизма, брежневизма и т. д. всё равно основная база, основная «матрица», по которой развивался народ и развивалась ситуация на этих землях, не сильно отстали от общеевропейского сообщества. На сегодняшний день достаточно изменить общественно-политическую ситуацию в Беларуси, и я уверен, что по экономическим формальным параметрам через 15 лет мы будем соответствовать всем европейским стандартам. По ментальным аспектам, по привычкам, по уровню массовой культуры мы, может быть, немножко позже нагоним: нужно, чтобы прошло два поколения. Но для истории народа, для истории нации, для того, откуда мы берём своё начало, это – ничто, капля в море.

Данные различия настолько малы, и транспарентность, существующая на сегодняшний день, настолько сама по себе мощна, так много «капилляров», которые «пробивают» границу между Брестом и Европейским Союзом, Гродно и Европейским Союзом, что нет никаких шансов построить здесь нечто такое, что пошло бы по какому-то другому пути по сравнению с тем, по которому сейчас идёт Европа.

Насчёт географического понятия Европы, от которого следовало бы отталкиваться. У нас нет такой проблемы, как у стран, которые формально относятся к Европе – имею в виду Азербайджан, Грузию, Армению, – но у которых

ментальных проблем значительно больше. В первую очередь это касается Азербайджана, который является мусульманской страной на 90%. Фактически они относятся к европейской части цивилизации географически, но реально настолько сильно влияние их турецко-иранского «подбрюшья» (и более далёких стран – Ирака, Сирии), что этот процесс на сегодняшний день у них не решён. У них ещё ближайшим одному-двум-трём поколениям надо будет определяться, каким путём идти. Для нас такого вопроса нет. Что мы можем? Даже несмотря на самые невероятные представления и гипотезы об уничтожении белорусской независимости, об инкорпорации Беларуси в Россию и т. д., – у этих проектов исторически, по логике развития событий, просто нет никаких шансов, чтобы они осуществились и дали какие-нибудь плоды. Поэтому у нас ситуация в этом плане, я бы сказал, очень «льготная» и комфортная по сравнению с теми странами, которые будет ещё довольно длительное время трясти.

И по сравнению с Россией, в конце концов. У нас состоялась беседа с известным российским правозащитником Сергеем Ковалёвым, который наполовину белорус. Отец его родом с Рогачёвщины, но сам Ковалёв уже воспитан в русской культуре. Однако есть у него определённые черты белорусской ментальности. Он говорил так: «Я абсолютно чётко понимаю ситуацию, складывающуюся на сегодняшний день в России. (Он имел в виду ситуацию культурную и ситуацию европейской ориентации – как они любят делить на «западников» и «славянофилов». – А. Б.) И то, чем я занимаюсь, сбудется – через сто лет. Я абсолютно в этом уверен». Так сказал Сергей Адамович Ковалёв.

Если перефразировать его слова, то цели, ради которых мы работаем, будут достигнуты не через сто, а через двадцать лет. Ну, чтобы уже окончательно этот процесс «возвращения блудного сына» в европейское сообщество завершился – пусть сорок лет. Это и есть тот срок, через который мы сумеем, думаю, всё поставить на свои места.

Александр Вайтович

Европа, с одной стороны, географическое понятие. С другой же, несомненно, сегодня она воспринимается как общность, основанная на единстве ценностей. И в значительной степени это обусловлено тем, что сейчас большинство стран Европы объединено в Европейский Союз. Это политический и экономический союз, в его фундаменте лежат общие цивилизационные ценности.

К сожалению, в нынешний период своей истории Беларусь только географически является частью Европы. Существующая власть изолирует её от общего цивилизационного развития. И делается это с целью удовлетворить непреодолимую тягу диктатора к пожизненному руководству страной. Такая политика властей очень опасна и вредна для Беларуси. Она отрицательно влияет на наше экономическое развитие, скрывает в себе угрозу нестабильности, катастрофы и обвала. Исторических примеров-аналогий много: Советский Союз, Китай в период «культурной революции» и другие.

Андрей Вардамацкий

Пока что о Беларуси как о части Европы можно говорить только в чисто географическом смысле. Но вместе с тем можно утверждать, что европейский потенциал Республики Беларусь выше, чем у какой-либо из стран-соседей – бывших республик СССР. Он больше, чем у Украины, в известном смысле, может быть, выше, чем у балтийских стран. Я имею в виду инфраструктуру, компактность и вытекающую отсюда управляемость страны, я имею в виду уровень образованности, квалифицированности и того, что называется *skills* населения. Население Республики Беларусь – одно из самых образованных, я бы сказал, самое образованное на территории бывшего Советского Союза после Москвы и Ленинграда (если понимать их как территориально-административные единицы). И этому есть объективные причины, которые заключаются в том, что Беларусь была завершающим звеном, сборочным цехом всесоюзного конвейера. А именно эти производства предполагают наибольший уровень квалифицированности производительных сил, человеческого ресурса.

Возможные реформы в Республике Беларусь произойдут очень быстро, потому что страна, как я отмечал, компактная, управляемая. По сравнению с Украиной, в Беларуси существует одна страна, а не две ментальные «страны», как там. В этом смысле можно говорить об очень высоком европейском потенциале Беларуси.

Толерантность, которую я назвал как одну из базовых европейских ценностей, является и одной из базовых ценностей национального белорусского характера. Другое дело, что сейчас эта толерантность национального характера белорусов пребывает в состоянии некоего своего инобытия, которое можно охарактеризовать словом «конформизм». Вот такое проявление: толерантность не как терпимость, открытость к другим мировоззрениям, другим ценностным структурам, ориентациям по политическим направлениям, а толерантность как конформизм.

Винцук Вячорка

Бесспорно, Беларусь была, есть и будет Европой в обоих упомянутых смыслах. Также, как Европой являются Грузия, Мальта, Португалия, Черногория и даже Албания (умышленно называю тех, кто на географической границе). Потому «в этом направлении» надо решительно прекратить деевропеизацию Беларуси, которой системно занимается нынешняя власть.

Павел Данейко

Конечно, я рассматриваю данный вопрос с цивилизационных позиций. В Беларуси есть все названные мной характеристики. Это христианская страна, строящая свое поведение на основе рационализма и склонная к диалогу.

Когда-то «Европа» заканчивалась на границе Германии и Польши. Польша тоже не была «Европой»: не входила в Евросоюз. Я думаю, этот вопрос был рожден границами, по которым себя определяло Российское государство. Мне кажется достаточно очевидным, что европейское сознание сильно расширилось: изменение ситуации с российскими границами заставляет по-другому смотреть

на границы Европы. Я бы так сказал, наверное: для европейцев граница России – это и есть окончание Европы. Насколько я понимаю, сейчас эта точка зрения принимается Европой. Идея общей Европы всё же достаточно сильна. И идет поиск, где же эта общая Европа заканчивается.

Андрей Дынько

Современная Беларусь однозначно является частью Европы, хотя и очень-очень бедной. С одной стороны, бедной, а с другой – сильно поражённой советскостью, которая поставила под сомнение основополагающие ценности Европы. Но белорусы остаются европейцами ментально.

Светлана Калинкина

Нынешняя Беларусь географически, понятное дело, – часть Европы. Сейчас мы можем говорить лишь о географии, когда утверждаем, что Беларусь – европейская страна.

Если рассматривать проблему в цивилизационном ракурсе, то понятно, что мы сейчас наблюдаем какое-то азиатское руководство и существование общества у себя. И в этом смысле говорить о «европейской Беларуси» очень трудно. Но я думаю, это просто историческое недоразумение и с течением времени (через десять, пять или пятьдесят лет) всё станет на свои места. Мне кажется, что и наши люди (даже те, кто сегодня кричит о том, что нужен Союз и восстановление бывшего Советского Союза) всё-таки мыслят себя представителями Европы.

Чтобы стать нормальной европейской страной, Беларуси на самом деле не хватает многого. И в первую очередь – в руководстве. Потому что, как и в любой стране, в Беларуси элита – это максимум 10% населения, а все остальные – это собственно население. А сейчас мы наблюдаем, что элита белорусская, руководство Беларуси – совсем не европейские. И вообще, эта прослойка, элита общества, в отличие от развитых европейских стран, у нас очень-очень мала.

Сергей Калякин

И да и нет. Мы и являемся частью Европы и не являемся, выпадаем из общего контекста – на мой взгляд, не только европейского, но и мирового.

Географически мы, безусловно, находимся в самом сердце Европы – это никак не оспаривается. А вот с точки зрения цивилизационного развития, с точки зрения того, что сегодня делается в нашей стране, – вне Европы, безусловно. Кроме того, мы всё более быстрыми темпами изолируемся от внешнего мира, и в том числе – от Европы.

Для того чтобы приблизиться к Европе, как это тривиально ни звучало бы, мы должны провести политические реформы в собственной стране. Мы должны сделать нашу страну соответствующей тем стандартам, которые сегодня существуют в организации общественной и политической жизни, тем обязательствам, которые взяла на себя Республика Беларусь в европейском сообществе (в частности при вступлении в ОБСЕ). Мы должны были бы принять на себя обязательства и выполнять их в рамках Совета Европы. Парадокс: Беларусь – единственная страна Европы, не входящая на сегодняшний день в Совет Европы! Все остальные европейские страны, включая и Россию, которая является страной евро-азиатской, находятся в Совете Европы. Мы единственная страна, которая не входит туда, потому что мы не соответствуем стандартам, существующим сегодня в объединенной Европе.

Кася Камоцкая

Безусловно, сегодняшняя Беларусь – часть Европы. Я не говорю о Евросоюзе, но культурно – безусловно, является. И за годы советской власти и лукашенковского режима не может измениться ментальность людей, которая была у этого народа на протяжении всей его истории. Всегда Беларусь была частью Европы, даже в мрачные времена царизма или Советского Союза – это чувствовалось всегда.

Достаточно посмотреть на быт, на деревни – белорусские, русские и польские. Сравнить, к чему ближе белорусская деревня. Конечно, к польской

ближе, чем к русской! По всему: по быту, по архитектуре, по обустройству самого участка... Например, в России сажать цветы перед домом считается дебилизмом. Там люди недоумевают: «Зачем это?»

Сергей Костян

Беларуси не надо никуда входить, так как она всегда была европейским государством, есть и будет. И если говорить о Западной Европе, то надо помнить, что в XVI веке Беларусь, которая находилась в составе Великого княжества Литовского, имела свой Статут. А Британия (или, как её теперь называют, Соединённое Королевство) и до настоящего времени не имеет своей Конституции. Все остальные страны Западной Европы получили свои Конституции в конце XIX – начале XX веков. Поэтому нам нечему учиться у Западной Европы в этом смысле. Особенно в плане демократии и в плане политики. Если нам и есть чему поучиться, так это достижениям новейших технологий.

Поэтому Беларусии не надо никуда входить, а надо жить так, как она живёт. Единственное, что надо делать – ещё раз показать, и экономически, и политически, что мы страна, которая может разговаривать на равных с любой европейской страной. Поскольку и наша история, и нынешняя образованность наших граждан дают нам полное право сказать, что мы по многим позициям на целую голову выше всяких европейцев.

Вячеслав Кебич

Я давно говорил и еще раз повторяю, что Беларусь давно является единой и неделимой частью Европы. Конечно, с точки зрения политической, это еще не Европа, и надо действительно в нее войти.

То, что Европа кончается на границе Евросоюза – это их понятия. Представим себе, что мы уже в Евросоюзе. Тогда что ж, мы до сих пор не были Европой, а как только вступили в организацию, сразу стали Европой? Чепуха это! Это вовсе неправильное толкование понятия Европы. Когда мы говорим «Север-

ная Америка», автоматически понимаем, что это Соединенные Штаты Америки и Канада, хотя это два разных, совершенно самостоятельных государства. Если мы говорим «Южная Америка», или «Латинская Америка», то там же разные политические взгляды и прочее, но мы это понимаем как материк.

Сегодня появилось настолько много государств, что говорить о том, что это какая-то цивилизационная общность, я бы не решился. Давайте вспомним историю. Когда мы в Беларуси еще жили племенами и у нас не было религии как таковой, тогда уже были другие цивилизованные страны. В том числе к этим цивилизованным странам тогда уже относился и Китай. Меняется время, меняются годы – меняется и понятие о цивилизации. Цивилизация – это очень обширный исторический период. Поэтому я бы сказал, что Европа – прежде всего территориальное объединение.

Анатолий Лебедев

Географически – да! И, конечно, есть часть людей – носителей европейских ценностей. Если бы этого не было, у нас не было бы перспективы. Если мы сегодня возьмём, например, Россию, там бессмысленно ставить вопрос о европейских ценностях: есть попытки привить, но они там не приживаются. Российское «древо» отторгает эти прививки.

А в Беларуси – есть такая перспектива! И есть значительная часть общества, являющаяся носителем европейских ценностей. Если рассматривать социологические данные, у нас есть склонность к Европе. Позитивное отношение – сколько бы ни говорила пропаганда о приватизации, или рыночных отношениях, или демократии – у нас всё же прочно (я думаю, что даже на генном уровне) и потому, что мы близко от Европы, и потому, что у нас есть определённая история.

Василий Леонов

Беларусь – это лишь географическая часть Европы. Она должна быть и будет частью единой европейской общности (политической, культурной)

и экономической). Для этого нам, белорусам, надо делать Беларусь европейской страной. Всем политическим партиям, общественным объединениям, всем гражданам Беларуси нужно определиться, договориться, какой должна быть Беларусь сегодня, завтра. Это очень сложный вопрос. Наша страна расположена на границе двух геополитических сил, двух цивилизаций. Этот «разлом» из географического перешел в ментальный. Очень многие мыслят у нас категориями «в Россию», «в Европу». Прежде всего Беларусь должна стать сама собой. При этом мы обязаны учитывать интересы как Востока, так и Запада. Прошедший выборный фарс (выбора в Беларуси не было) наглядно подтвердил наличие неразрешаемых противоречий во взглядах на будущее нашей страны у Запада и России. Лукашенко умело играет на этих противоречиях.

Европа – это сообщество, основанное на единых ценностях, которые выработаны и осуществляются на практике, к которым пришла Европа после многочисленных, многовековых кровавых конфликтов, резни и раздоров. Там научились договариваться.

Жанна Литвина

Беларусь на сегодняшний день, мне кажется, очутилась в каком-то промежуточном времени абсурда, в ситуации раздвоенности общественного сознания. С одной стороны, белорусу сегодня очень бы хотелось быть потребителем тех благ, которые накопило европейское общество. А с другой – видимо, наличие эффекта принудительной советизации делает нас поклонниками российского образа жизни. Нас ещё ностальгически тянет в те, советские времена – это для меня совершенно непонятно. Может быть, причины и корни этого стремления сравнивать свою жизнь и восхищаться советскими временами продиктованы в первую очередь тем, что люди не знают, как можно жить иначе. Сегодняшняя власть, сегодняшний режим не дал человеку этой духовной раскрепощённости и возможности мечтать и стремиться не назад, не к советской системе, а искать раскрепощённости своего духа и искать духовные ценности, духовную опору.

Белорусы теперь ездят за границу, но возвращаются – и оказываются вновь в когтях пропаганды. Наши люди (и это последствия принудительного внедрения государственной идеологии) попросту неискренни. Есть ряд фактов, которые свидетельствуют: люди могут говорить одно (читать лекции по государственной идеологии), а параллельно у них существует своё мировоззрение. Это где-то глубоко закопано и может выходить на свет, проявляться, например, в том факте, что только за прошлый год Беларусь покинули 64 тысячи белорусов. Кстати, это официальная статистика, которую выдал телеканал ОНТ в конце марта. 64 тысячи людей, несмотря на формирование стереотипов, что мы на Западе никому не нужны и нас там никто не ждёт, всё равно свою жизнь и завтрашний день связывают с Западом и ищут свою судьбу вне пределов Беларуси.

Олег Манаев

В культурном смысле Беларусь является частью Европы пока только частично. Начиная с XII века (не будем углубляться в более древние времена), т. е. с Полоцкого княжества, а потом и ВКЛ, эта территория в определенном отношении – религиозном, правовом, политическом, экономическом и пр. – уже входила в европейское культурное пространство. Но, в то же время, она принадлежала и другому, евразийскому миру. Это геополитическое и культурное «раздвоение» длилось столетиями, но особенно усилилось за последних три века, когда Беларусь фактически была частью Речи Посполитой, а затем Российской империи и Советского Союза. Сегодня мы имеем то же: на самом деле Беларусь является двусоставным культурным образованием. В ней есть немало людей, разделяющих европейские ценности. И с этих позиций наша страна принадлежит к европейскому культурному пространству. Но есть и другая Беларусь. И разница между ними, с точки зрения ценностей, огромная.

НИСЭПИ уже 10 лет назад публиковал данные, доказывающие, что условно белорусское общество состоит из трех частей. Одна часть – проевропейская, не в полном, конечно, смысле, но разделяющая многие ценности, о которых говорилось. Это примерно треть населения (напомню, что в Беларуси живет около 10 миллионов человек, и когда я говорю «треть» – это значит около

3 миллионов). Если бы этих белорусов сегодня каким-то волшебным образом перенести в Европу, думаю, они вписались бы в европейскую политику, экономику, менеджмент, образ жизни...

Вторая часть – также примерно треть общества – не понимает и не принимает эту систему ценностей. Это так называемая «советская Беларусь». И есть еще одна треть. Она в некотором отношении, например экономическом, ориентирована на европейскую систему ценностей, а в другом, например правовом, – на евразийскую. Так что в этом смысле можно сказать, что Беларусь как была двусоставным культурным образованием, содержащим разные системы ценностей, так и осталась.

Что стоит делать в этом направлении? Я не политтехнолог и, тем более, не политик и давать рекомендации, как организовать общественно-политический процесс соответствующим образом, не собираюсь. Каждый должен заниматься своим делом. Для нашей команды, т. е. бывшего НИСЭПИ, и меня лично задача состоит в том, чтобы укреплять позиции «евробелорусов», способствовать тому, чтобы на эти позиции переходили и «колеблющиеся», чтобы «советские белорусы» спокойно жили, не чувствовали себя ущемленными, но и не тормозили развитие страны. По опыту могу сказать, что сделать из них «евробелорусов» – задача практически невыполнимая. Но это не так важно, если «евробелорусов» будет большинство, то реальное вхождение нашей страны в Европу как в культурное пространство станет вопросом техники – политической, экономической, правовой, информационной и пр.

Александр Милинкевич

Безусловно, Беларусь в сегодняшнем виде выпадает из контекста Европы. Сегодня мы – европейская аномалия. То, с чем трудно иметь дело. Настоящая диктатура в Европе. Но я не придавал бы большого значения такому состоянию Беларуси, не считал бы, что это большая проблема. Ведь в контексте времени проблемы Беларуси – просто небольшая болезнь, словно температура поднялась. Беларусь никуда не денется с карты Европы. Беларусь в Европе – это традиция, это история. Иностранцы часто спрашивают: а у вашей Беларуси

есть азиатский уклон или она склонна скорее к европейским тенденциям? Я тогда рассказываю о Магдебургском праве, которое в Беларуси было больше распространено, чем в Германии, – через нас все стили искусства прошли, а, например, в Россию только барокко попало. Напоминаю, что это белорусы на белорусской земле и по-белорусски создали образец первой в Европе Конституции. Как бы то ни было, а белорусы – европейская нация, это вытекает прежде всего из ментальных и культурных особенностей. Мы мост между Востоком и Западом, но всё-таки с европейской традицией.

Анатолий Михайлов

В географическом плане, разумеется, да. Но не думаю, что в этом заключается содержание вопроса. Приходится с грустью констатировать, что на сегодняшний день мы, скорее, преуспеваем в нашей неспособности интегрироваться в Европу, чем идентифицировать себя с ней. Страна, которая вроде бы в силу своего геополитического положения, находясь на перекрестке путей и встречи различных культурных традиций, могла быть местом диалога и продуктивным мостом взаимодействия, оказалась в состоянии конфронтации с Европой и остальным цивилизованным миром. Абсурдность этого положения дел очевидна. Оно является результатом нашей предшествующей длительной изоляции и доминирования идеологии противостояния и противодействия тому, о чем мы по-прежнему знаем очень мало. Однако расплачиваться за эти наши просчеты придется и нам, и нашим потомкам, причем крайне высокой ценой.

Алесь Михалевич

Я думаю, что сегодня Беларусь одной ногой в Европе, а другой – где-то вне Европы. Потому что для меня европейской страной может считаться только та, где граждане сами берут на себя ответственность за свою судьбу. То бишь это цивилизация, возникшая через активное участие граждан в принятии решений. Пока что в Беларуси таких граждан, возможно, процентов 30. На мой взгляд, вот на этот процент мы «в Европе». И это очень хороший процент: от этих 30% не-

далеко до большинства. Как только нас будет большинство, мы сможем уверенно сказать, что являемся полноправной частью Европы.

Нам надо сегодня воспитывать таких людей, которые не будут бояться брать на себя ответственность за своё будущее.

Татьяна Протько

Географически мы – центр Европы. Беларусь – это не только территория, но и люди, и государство. Каждая из упомянутых частей должна принять лучший вид, чтобы стать частью Европы. У гражданского общества есть одни возможности воздействия на людей, у государства – другие. И если гражданское общество (такие люди, как я, например) чувствует себя частью именно европейской цивилизации, нам понятно, что мы должны в обществе распространять прежде всего систему ценностей, касающихся этой цивилизации.

Но многие из белорусских людей, к сожалению, не приняли тех ценностей, которые были выработаны и которые дали такой высокий европейский культурный и технологический уровень. Мы не приняли ценности «демократия», мы не приняли ценности «законность», мы не приняли ценности «права человека». Последнее понятие у нас вообще очень ограничено: дальше «чарки и шварчки», к сожалению, не идёт – даже у руководства страны. Социально-экономические права являются главными, а «человеком зваться», иметь свободу – второстепенное.

У государства возможностей намного больше, чем у гражданского общества. Наше государство публично приняло европейскую систему ценностей, а на деле сейчас лавирует между восточным, так называемым «славянским», сообществом (с немного иной системой ценностей) и западноевропейским. Складывается впечатление, что та элита, которая сейчас у власти, западноевропейского выбора ещё не сделала. Поэтому мы сегодня сидим на двух стульях. С одной стороны, мы говорим: мы в центре Европы, и мы сторонники европейских ценностей. С другой – мы от них в настоящей жизни отходим.

И уже возникает новое понятие – «Евразия». Будто бы новое сообщество, где находят место и западноевропейские ценности, и какие-то другие, восточные,

«славянские» ценности. Но тогда мы должны знать, что Беларусь никогда не будет с городами-музеями, никогда у нас не будет европейского порядка. Это будет другое государство с другими возможностями.

Андрей Санников

Географически – бесспорно, Беларусь является частью Европы. Там сохранилась преемственность даже в образе жизни. Конечно, сегодня мы можем говорить об объединённой Европе, где каждая страна и регион нашли своё место. И чтобы мы вернулись в Европу (я хотел бы говорить именно о возвращении в Европу), мы должны пройти прежде всего путь демократизации, как ни банально это звучит. Только это, я уверен, даст нам шанс построить страну, которая будет считаться частью Европы. Без демократических политических институтов (и наша сегодняшняя ситуация – яркий пример этого) невозможно развитие почти ничего: ни экономики, ни культуры, ни исторической науки...

Европа – понятие цивилизационное. Я говорю «объединённая Европа», потому что это уже жизненный факт. Это не механическое объединение государств, стран. Это форма, закрепляющая принадлежность к цивилизации в данный исторический период.

Владимир Улахович

В любом случае Беларусь – это часть Европы. Европы очень разной, многоликой, противоречивой, стесненной бременем исторических опасений и обид, современных фобий. Европы нелегко формирующейся в новом качестве лишь в последние десятилетия.

Беларусь неизменно является частью Европы. К сожалению, существует много европейских политиков и экспертов, которым это надо доказывать. Абсолютно не нужное занятие. Если кто-то считает, что Европа заканчивается на Ланд-Штрассе в Вене, Одере или Буге, либо Европа – понятие исключительно ментальное, то к этому стоит относиться как к узости и ограниченности личных интерпретаций.

Валерий Фролов

На мой взгляд, как раз на границе Беларуси, России проходит такой цивилизационный разлом, который связан с ментальностью в России, Беларуси и той, другой части Европы, у которой ментальность совершенно иная. А географически мы вроде в центре Европы. Но до тех принципов, которыми руководствуются европейские страны, мне кажется, нам еще очень далеко.

Нас нельзя, конечно, сравнить с азиатскими странами, где мусульманство и прочее. В Азии – свои традиции, взгляды, даже религия, достаточно резко отличающиеся от европейских подходов. Мы всё-таки европейские люди, элемент европеизации в нас присутствует. Я думаю, мы способны пройти этот этап и «достать» по всем позициям Европу. Пока что мы где-то посреди, между Европой и Азией.

Станислав Шушкевич

Нет жёстких требований относительно того, что такое «европейскость» и что такое «не совсем европейскость». В основном Беларусь принадлежит к Европе, является европейской структурой. А то, что временно у нас, пару столетий, тут строй нечеловеческий (всё время не устраивается, хотя попытки устроить были), – это не означает, что Беларусь отделилась от Европы. Я считаю, что Беларусь и люди Беларуси являются европейцами.

Я вам скажу, даже там, где не оспаривается, что это Европа: в Португалии, Греции, определённых местностях в Италии, – там тоже сильные отличия от того, что мы привыкли видеть в классической литературе – французской, немецкой. Так что Беларусь принадлежит к Европе и белорусы являются европейцами. Это для меня однозначно.

Всеволод Янчевский

Мы опять запутаемся в терминах. Формальный ответ на первый вопрос прост.

Если мы говорим о Европе как о странах, выросших из католическо-протестантской цивилизации, то, безусловно, нет. Если же мы понимаем Европу шире и включаем в нее византийско-православную традицию, то, безусловно, да.

Конечно, Беларусь – это часть мира, выросшего из большой христианской цивилизации.

Но мы еще и часть большого евразийского пространства – того, что было в свое время Российской империей. И, главное, мы часть большого постсоветского мира. Мы – один из обломков гигантской советской империи, которая сама по себе была целой цивилизацией (кстати, довольно уникальной для человеческой истории).

Советское влияние оказалось для нас наиболее существенным. Советский строй перепахал всё и вся – и у нас, и на Украине (не считая западных областей), и в России. Более того, советское влияние было столь мощно и кардинально, что оно безвозвратно разорвало связь с любыми предыдущими традициями.

Об этом можно сокрушаться или этому можно радоваться, но факт остается фактом. Белорусская история – это прежде всего и более всего советская история.

В какой-то мере правы те политики на Западе, кто считает, что Европа заканчивается на восточной границе Евросоюза. Это, возможно, обидно кому-то в Москве и Киеве, но чересчур широкая трактовка понятия Европы неверна. А если такая трактовка обретает конкретные политические контуры, то она еще и губительна.

Беларусь, Украина, Россия – это иной мир.

Всё это опять-таки проявляется в языке. Мы, например, по тому или иному поводу часто говорим: «В Европе делается так, а у нас вот так». То есть, еще раз повторю, мы подсознательно противопоставляем «наше» и «европейское».

Ничего плохого в этом нет. Наоборот, именно попытки изобразить из себя то, чем ты не являешься, всегда комичны. Тот, кто пытается во что бы то ни стало доказать свою «европейскость», на самом деле демонстрирует провинциальность и комплексы.

Попытки же самой Европы «затянуть» к себе явно неевропейские элементы добром не кончатся.

Например, все разговоры о включении Турции в Евросоюз мне кажутся очень странными. Для Европы они губительны. Если это будет иметь практические последствия, то будет очень плохо. Сама идея «европейскости» обесценится.

Есть и другое измерение этого вопроса. Те, кто излишне горячо стремится «в Европу», почему-то совершенно игнорируют одно печальное обстоятельство. К сожалению, Европа постепенно перестает быть Европой. И чем дальше, тем отчетливее это проявляется. Европа теряет себя, становится все более секулярной, атеистической, потребительской. Она уже почти до основания разрушила свой культурно-исторический фундамент – христианство.

Возможно, этот процесс естественный. Но Европе от этого не легче. Он идет – и Европа теряет культурно-исторические корни. Европейская традиция (в самом широком смысле) мощно прессуется современным техногенным миром. Всё историческое, все устойчивое, все традиционное, все, что делает Европу Европой – все это уносится вихрем глобализации.

Но после гибели европейской культуры придет черед и самих европейцев. Новое «великое переселение народов» приносит сильнейший элемент мусульманской культуры. Но когда большинство в Европе окажется мусульманским, то воспримет ли это новое большинство европейские ценности? Поймут ли они их так, как понимают европейцы? Сохранят ли они европейский образ жизни, европейское миропонимание и т. д.?

Это всё большие вопросы, и категорического ответа на них нет.

При всем том Европа не мобилизуется – она отступает. И наступление новой культуры, нового агрессивного менталитета (условно назовем его исламским) – всё это не подстегивает европейцев к мобилизации, а наоборот – приводит к постоянному соглашательству, к уступкам, к абсурдистскому пониманию прав человека.

Замечательное достижение европейской цивилизации – концепция прав человека – начинает превращаться в посмешище и вызывать недоверие к самой себе. Наркотики? Пожалуйста! Сексуальные извращения? Пожалуйста! Разрушение семьи? Пожалуйста! Глумление над христианскими ценностями во имя ложно понятой свободы слова или коммерческого успеха? Пожалуйста!..

Любую идею можно довести до абсурда, и в частности такую замечательную, как идея терпимости. В Европе именно это и происходит.

Европа очень слаба, Европа безвольна. Европейцы напоминают умирающие, стареющие нации. Они не способны сопротивляться внешнему влиянию.

Давайте вспомним. Уже после Второй мировой Европа отдала себя на милость победителям. Одна часть ушла «под СССР», другая – «под США».

Кстати, без американской мощи Италия и Франция стали бы коммунистическими. В истории нет сослагательного наклонения, но тем не менее!.. Представляете, континентальная Европа была бы советской!

У Европы после окончания Второй мировой войны уже не было собственных европейских сил. Была сила американская. И отгородившись американской силой, под американским «зонтиком», европейцы жили и развивались. Да, был де Голль, самостоятельная политика Франции и прочее. Но всё равно они шли в основном в русле американской политики.

В Европе очень слабая политическая воля. Европа богата, она может составлять достойную конкуренцию США... Но не хочет! Потому что менталитет европейцев – это менталитет уходящих, стареющих наций.

Еще один момент упускают из виду сторонники европеизма. Абсолютно некорректно ставить знак равенства между европейскостью и идеями либеральной демократии.

На самом деле у Европы исторически очень непростые отношения с демократией.

Европа родила самую чудовищную деспотию – нацистскую. Европейские диктатуры – германская и итальянская – были разрушены ТОЛЬКО силой оружия. Демократия в Германии была водворена силой, т. е. против воли народа. А между тем немцы – это центральная европейская нация.

Франция два века металась между деспотией и демократией, проходя через череду кровавых и ПО-АЗИАТСКИ жестоких революций... И ее обильно политый кровушкой «путь к демократии» кое-как завершился только во второй половине XX века.

Испания, Греция освободились от диктатур буквально лет 30 назад.

Либеральная демократия – это в основном англо-саксонское изобретение. Может быть, объяснение этому кроется в морском характере народов. Исторически первые демократии – это всегда творения морских народов. Греки – мореплаватели, первый европейский парламент образовался в Исландии – стране, освоенной викингами... Первые европейские демократии (Голландия, Англия) создали нации, могущество которых основывалось на флоте... И, наконец, США – государство, созданное изгнанниками и эмигрантами, отправившимися за океан в поисках лучшей жизни.

Мореплаватель, путешественник, колонист, изгнанник – это прежде всего индивидуалист. Это сильный человек. Человек, связанный с морем, рассчитывает только на себя. Море – чуждая для человека стихия. Здесь всё против него – и своевольный ветер, и соленая, непригодная для питья вода, и неустойчивая палуба, и палящее солнце. В море не на кого рассчитывать.

Менталитет моряков, путешественников, первопроходцев – это менталитет индивидуалистов. Менталитет морских наций – это менталитет демократий. Потому что демократия начинается с индивидуалиста, с человека, который надеется только на себя. В США демократию создали индивидуалисты. Туда приезжали отчаянные и сильные люди – наиболее активная часть, которая отрубалась от каждой европейской нации: наиболее активные англичане, наиболее активные голландцы, наиболее активные немцы, наиболее активные ирландцы... Те, кто не пригодился у себя на родине. Те, кто вступил в конфликт с властью. Те, кто не желал смиряться с судьбой. Эти люди верили только в себя, надеялись только на себя и работали только на себя. Такие люди, сильные, жесткие, – только они создают демократию.

Демократия – это стиль правления индивидуалистов, способных выжить самостоятельно (без чьей-либо опеки) и не желающих признавать над собой сильную власть.

Исторически менталитет оседлого земледельца (крестьянина) противоположен менталитету моряка и колониста. У одних под ногами шаткая палуба, у других твердая почва.

Моряк (колонист) стремится к перемене мест, крестьянин привязан к земле; моряк отчаянно смел, крестьянин нетороплив и осторожен; моряк (как правило,

человек без роду-племени) рассчитывает на себя, крестьянин на свою семью, общину; моряк ищет новое, крестьянин держится за старое.

Поэтому континентальная, земледельческая Европа очень тяжело воспринимала демократию – через кровь, через революции, через войны и истребление миллионов (как в Германии).

В заключение скажу главное.

Основная проблема нашего отношения к Европе в том, что многие не понимают всю сложность этого организма. Мы не совсем понимаем, что Европа – это не идеальный и даже не близкий к идеальному проект. Более того, у многих создается видимость, что Европа если не в начале своего пути, то где-то в зените... На самом деле Европа – в закате.

Чем дальше, тем острее становятся беды Европы. Системные, фундаментальные проблемы будут нарастать. Этим, мне кажется, должно определяться отношение Беларуси, белорусов к Европе.

Старушка-Европа превращается в музей. Музей надо почитать. В музее, видимо, есть какие-то полезные вещи, которые можно брать на вооружение в будущем. Но в музее нельзя жить!

3. Что Беларусь может привнести в Европу?

Ольга Абрамова

В материальном плане она может дать (если сохранится относительно высокий уровень образования) прибавку к человеческому потенциалу Европы. Любая новая нотка заставляет по-новому звучать весь оркестр. Белорусская культура, думаю, тоже не будет забыта, не будет нивелирована: она слишком самобытна, она просто не может раствориться, даже если бы процессы интеграции приняли нивелирующий культуру характер, если бы глобализация дошла до абсурда и если бы она охватила сферу культуры. Я думаю, что в Беларуси всегда останется интеллигенция как совесть нации, которая будет отстаивать именно эту версию развития: самобытность Беларуси должна продвигаться, отстаиваться и в то же время обогащать общеевропейское развитие.

В плане человеческого потенциала, я уверена, Беларусь могла бы дать в пределах этих 50 лет прорывы, в том числе и в сфере науки. Думаю, наше развитие в научно-технической сфере в ближайшее время примет именно такое направление: ставка будет сделана на развитие науки и образования, на повышение качества человеческого потенциала, на прикладную отдачу (хотя мне очень жаль фундаментальных наук!). Будет развиваться хай-тэк: в Беларуси всё предназначено для этого, весь потенциал уже имеется. Здесь нужна политическая воля: не просто вкладывать средства в развитие именно этих направлений, но привлекать эти средства отовсюду, откуда возможно. На

сегодняшний день для этого есть все возможности, но пока нет понимания. Сравним: есть понимание на государственном уровне, что нам нужна лёгкая промышленность, хотя я не понимаю, зачем сейчас она нам нужна, за исключением народных промыслов и каких-то вспомогательных вещей, к которым привыкли и без которых сложно обойтись. А в целом понятно, что белорусская лёгкая промышленность, как и повсеместно, не будет выдерживать конкуренции с китайской лёгкой промышленностью. По целому ряду параметров она обречена. Отдельные направления могут удержаться на плаву: там, где хороший маркетинг, где первоклассные менеджеры, где они имеют личный интерес, а не работают на государство.

Но в общем понятно, что именно надо развивать: Беларусь – страна с огромным человеческим потенциалом, его надо использовать.

Я бы не хотела приземлять вопрос о том, что Беларусь могла бы дать Европе. Я назвала навскидку два направления. А в целом интегративные действия всегда лучше, чем действия поодиночке. Лучше евроинтеграция, чем (утрируем ситуацию) хозяйственная автаркия.

Светлана Алексиевич

Это очень сложная постановка вопроса...

Я выросла в деревне, в белорусской деревне. Я писала о деревенских старухах – я очень люблю эту тему. А позже я жила в Париже, где встречалась с арабскими, африканскими старыми женщинами. Как это красиво! В Швеции я разговаривала с иранскими старыми женщинами. Когда мне переводили то, о чем они говорили, – какая это философия!

Поставленный вами вопрос – всё-таки внутрисемейный. А мир сейчас разделен иначе. Мусульманский Восток может питать Европу. Или, например, был всплеск интереса среди западных интеллектуалов к Индии, индийской культуре. Этот интерес и сейчас еще не угас. Или возникает интерес к Китаю. Культурная энергетика сохраняется на больших территориях и в старых цивилизациях! Белорусская же культура на сегодня не может конкурировать даже с польской.

Единственное, что мы можем предоставить Европе, – это нашу патриархальность. Да еще чернобыльскую философию. Это то, что может заинтересовать мир, потому что чернобыльский взгляд – это мир, полный будущих страхов. Поэтому сегодня это наш единственный текст, который мы можем предоставить миру. Мир сейчас очень жестоко устроен, и надо отдавать себе в этом отчет. Мы, конечно, можем себя утешать и жалеть, говорить о себе очень хорошо, но надо реально оценивать себя.

Евгений Бабосов

Беларусь может принести свои традиционные ценности: толерантность, «памяркоўнасць», уважение к любой религии, уважение к любой культуре – у нас это есть. У нас же нет таких конфликтов, как в Армении (Нагорный Карабах) и т. д. Вот эта самая «памяркоўнасць» белорусская, вот эта толока, если хотите, вот эта самая «добразычліваць» – это всё одно и то же, вот это можем принести в Европу. И в этом смысле Беларусь может обогатить духовный потенциал европейцев. Она не последняя страна, она где-то в среднем ряду. Не самая главная, хотя некоторые у нас говорят, что Беларусь – центр славянского мира. Я в это не сильно верю, но знаю, говорят. Потому что быть центром славянского мира сложно. Россия претендует на центр, а почему тогда Польша не центр, допустим? Это надо доказать, а это недоказуемо!

Я думаю, что Беларусь – обычная стандартная европейская страна, соответствующая европейским стандартам – в культуре, образовании, науке, религии, в чем хотите. В этом смысле она может то, что есть у нее ценного – особенно, повторяю, традиционные ценности, – принести туда. И это будет нормальный вклад! И за это ее будут ценить еще больше, чем ценят сейчас.

Другое дело, что есть нелояльное отношение к нам по некоторым политическим мотивам. И это препятствует более плотному вхождению Беларуси в европейскую цивилизацию. Но это не культура, не цивилизация, это политика.

Анжелика Борыс

Смотря какая Беларусь... Мне кажется, что богатство и привлекательность Европы заключается в единстве разнообразия национальных культур, традиций и идей. Беларусь, как и любая другая страна, может обогатить эту палитру. Достаточно развивать национальную культуру, возродить традиции и сформировать неагрессивную по отношению к окружающему миру национальную идею.

Ирина Бугрова

Я не сторонник такой постановки вопроса. Беларусь же не невеста на выданье! Если я понимаю, что я хочу понравиться кому-то, то я думаю: что бы мне такое надеть? Надо изучить сначала всех и быть хорошей тому, кому хочу понравиться...

Поэтому для меня в первую очередь тут важен взаимный интерес. А он появляется тогда, когда страна живет полнокровной, полноценной жизнью, когда она общается. Потому что идентичность, если вы посмотрите во всех нормальных словарях, формируется во взаимодействии. Т. е. идентификация – это постоянное взаимодействие. Я все время анализирую: я сегодня одета соответственно ситуации – будь я в лесу, на лугу или в офисе? Я в лесу могу ходить в какой угодно куртке, а здесь – нет. Я всё время себя идентифицирую со средой, с обстоятельствами, со временем суток и т. д. Человек все время находится в какой-то идентичности. Существуют периоды, когда у него идет ресоциализация, периоды большой ломки или кризисных явлений. И точно так же происходит с обществом. Почему мы говорим, что в той же Европе политический маятник качается то вправо, то влево? Это тоже своеобразная идентификация и переидентификация. Или дезидентификация и потом реидентификация людей, народа. И мы видим, какие сейчас процессы происходят во Франции, в Германии на уровне политики по отношению к эмигрантам, к миграции, к меньшинствам (которые уже становятся «большинствами»)...

Что может дать Беларусь? Я бы хотела сказать: Беларусь будет интересна тогда, когда она станет взаимодействовать с другими людьми. Тогда откроются

ее абсолютно невероятные возможности. Я считаю, что в первую очередь Беларусь может показать свой гибкий, очень тихий нрав, который таит в себе очень большие открытия. Беларусь может быть интересна совершенно необычным умением быть конформистом и быть первооткрывателем. Если вы посмотрите на карту мира и начнете изучать биографии знаменитых людей, то окажется, что истоки их в Беларуси, они выходцы из Беларуси – будь они евреи, поляки, непосредственно белорусы, русские...

Генадзь Буравкин

Во-первых, как каждый народ, белорусы привносят свой неповторимый менталитет, свой национальный характер. Отсюда – интересное явление. Вы заметили, что некоторые уважаемые европейские страны с богатыми культурными традициями очень осторожно, а то и враждебно относятся к процессу глобализации? В этом мне видится своеобразие и счастье Европы. Она ориентирована довольно серьёзно на развитие национальных культур, национальных особенностей. И поскольку у белорусов, как и у каждой нации, свои неповторимые черты, свой менталитет, то для Европы наша доброта, наша терпимость белорусская – хотя не всегда, возможно, эти качества выгодны для жесткого нашего сегодняшнего мира, сегодняшнего времени, – что-то вносят в этот европейский букет. Поэтому прежде всего, я считаю, мы интересны Европе вот этим неповторимым национальным характером.

Во-вторых, мы интересны Европе тем, что уже довольно долгое время находимся в интеллектуальных процессах, происходящих в Европе. Возьмём то же Возрождение – счастливый период европейской истории. Мы, белорусы, в нём приняли, благодаря своим выдающимся сыновьям, очень деятельное участие. Может, не такое большое, как другие, но – приняли! То, что мы, белорусы, можем вместе с другими заявлять права на первый правовой свод – Литовский статут. Это для Европы, думаю, очень важно. И хотя мы у себя дома, к сожалению, до сих пор не оценили так, как следует, этот превосходнейший исторический документ, в Европе он оценён, он принят, он работает. На основе нашего Статута

многие демократические документы в демократической Европе принимались. Мы полезные этим.

И скажем так: такие нации, как белорусская, совершенно ещё себя не исчерпавшая, несут интеллектуальный запас, интеллектуальный потенциал на будущее. Есть нации, которые в полной мере имели и историческую, и политическую возможность себя проявить, выразить, свои таланты, как говорится, исчерпать. Беларусь, в силу тех исторических процессов, которые мы прошли, на мой взгляд, ещё не успела проявить себя так, как она того стоит. На это были очень серьёзные исторические причины. Я считаю, что каждая нация наиболее полно и глубоко может выразить себя только в рамках национального государства. К сожалению, у нас этой возможности выразить себя в рамках своего самостоятельного национального государства не было довольно долго. Когда Беларусь получала хотя бы ограниченные возможности своей государственной истории, происходил всплеск и разлив белорусских талантов. Я считаю, что наша нация ещё не отдала миру то, что она в себе несёт. И этим она интересна для Европы, которую часто называют «старой Европой». Да, действительно, Европа стара, а мы в этом смысле ещё молоды. И молодая часть Европы, Беларусь, может дать старой части Европы некую энергию и некий заряд, очень важный для всей Европы, для всей истории.

Существует довольно парадоксальное, но любопытное наблюдение. Мы будто бы в чём-то отстали, и поэтому будто бы виноваты или ощущаем какую-то свою слабость, не понимая, что то, что мы ещё можем дать, потом станет нашей выгодой. Если там уже, в некотором смысле, исчерпали возможности, то мы только-только эти возможности проявим. Поскольку мы их будем проявлять в данное время, в данный период развития человечества, то у нас будут и иные возможности. Мы будем издавать то неизданное на новом уровне. Поэтому я считаю, что в этом плане Беларусь очень интересна, важна и даже необходима для Европы и для европейской цивилизации.

В период Великого княжества Литовского, очень своеобразный период (белорусы имели там очень много привилегий: фактическим государственным языком был белорусский, многие руководители этого великого европейского государства были сыновьями, представителями, посланцами нашей бело-

русской земли, белорусской нации), поскольку оно исторически недолго просуществовало, белорусы не успели себя выразить. И они получили не более широкие возможности после тех исторических событий, которые, к сожалению, произошли, а наоборот: белорусы могли бы себя проявить, но их загнали. Загнала империя Российская, загнала Польское государство во многом. Это ведь уникальное явление, когда и польское государство, и российское издавали специальные указы о запрете пользования белорусским языком. А когда язык, как мы знаем – душа народа (это поэтическое, но, на мой взгляд, и достаточно научное определение нации, народа), когда эту душу вынимают из народа или угнетают её, то этот народ не может выразить себя так, как могут выразить другие народы, с которыми этого не происходило. Поэтому, например, хорошо зная российскую историю, мы иногда ориентируемся на российский опыт, но в России никогда не было понимания, что такое национальное унижение. Даже, простите, забулдыга русский умирает или плохо живёт, чувствуя себя представителем нации, у которой есть язык и история. А у нас даже выдающимся людям, выдающимся талантам в какой-то период не хватало ни достоинства своего национального, ни своего родного языка, ни знания своей истории (для того, чтобы историю любить и ценить, её надо знать!). Это было отобрано у белорусов. Поэтому я считаю, что период ВКЛ до сих пор достаточно полно и серьёзно ещё не изучен... Великое княжество Литовское не было чисто белорусским, оно было полиэтничным. И те народы, те части, которые входили в Великое княжество Литовское, получили свои государства, а значит, имеют свою историю, но часто претендуют на всю историю Великого княжества Литовского. Это понятно – и чисто по-человечески, и по-государственному. Они начинают расхватывать, растаскивать историю Великого княжества Литовского по «национальным квартирам» (давайте тут примем это советское определение). А поскольку в белорусском характере нет агрессивности, нет излишней решительности, то этим пользуются наши милые славные соседи. Пока белорус чешется, как говорится, они себе то-сё по кусочку забирают. Как это мы видим на примере Кастуся Калиновского, которого у нас хотят забрать наши близкие соседи.

Период Великого княжества Литовского свидетельствует, что мы старая нация, старое государство, это в некотором смысле так, а в некотором – не

так. Я не считаю, что неиспользованное нами в период Великого княжества Литовского уже навек похоронено, что прошли годы, что это, как писал классик, сплыло и поросло травой. Я считаю, если народ живёт и если у него появляется возможность это всё в себе всколыхнуть и развить, то оно никуда не денется. Так, как эти чудо-случаи, когда люди перед смертью или в какие-то тяжёлые периоды вдруг начинают говорить на том языке, которого они даже не слышали. Я считаю, что и в истории нации могут быть периоды, когда то, что было в своё время не использованным, приходит, если для этого условия создаются... Я очень надеюсь, что у белорусского народа и у белорусского государства появится такая возможность, когда тому, что мы не использовали, будучи в Великом княжестве Литовском, когда хоть немножко заявляли о своих правах в Белорусской Народной Республике, и даже если мы какие-то моменты не успели реализовать в составе БССР, тому должно прийти время. Бог же есть! Должен наступить период, когда белорусам дадут возможность использовать это. И тогда, у меня такая надежда, мир удивится, как много Беларусь сможет дать Европе, человечеству и прежде всего самой себе – своему государству, своим людям, своей истории. Я думаю, этот период будет. Дай Бог, чтобы он как можно скорее пришёл.

Алесь Бяляцкий

Очень много! Побывав во многих европейских странах (и неоднократно, и довольно часто), я лишился если не комплекса, то каких-то теоретических представлений, что белорусы в чём-то не развиты, что им чего-то не хватает или они в чём-то хуже. Абсолютно нормальный средневропейский народ (как есть «средневропейское время»). Тут, как и в любом другом народе, любом другом государстве, есть то, что хуже–лучше. Но есть и достаточно много нормальных черт, которые позволят конкурировать на европейском поле и занимать свою нишу. Так, как на сегодня, например, белорусы нашли несколько своих ниш в спорте, где мы конкретно есть: пара дисциплин лёгкой атлетики, ещё что-то. То тут, то там вдруг какие-то прорывы происходят: наша девчонка

вдруг пробежит стометровку на «золото», что вообще фантастично – такого не бывает! Если делать ставки, то это один к тысяче, может быть...

Пробиваются! И самое главное – есть определённый оптимизм. Белорусы – не пессимистичный народ. Этот оптимизм заложен не сегодня и не вчера, это закладывалось, может быть, тысячи лет назад. Мы бодрый народ, который не хочет сидеть, плакать, не хочет ничего не делать (а есть и такие народы!). Мы народ, который всегда найдёт свой участок, будет там копать, возить туда кирпич, будет там что-то строить, заливать, что-то выращивать – и что-то будет с этого иметь. Я абсолютно уверен, что если посмотреть всю карту, начиная с Португалии или Исландии и заканчивая Беларусью, то в данном пространстве мы смотримся с очень хорошими шансами выжить, сделать свой вклад, продвинуть свои идеи, занять свои ниши, и с этим будут считаться. Тут не может быть никаких сомнений, будто бы мы погибнем или нас будут эксплуатировать, за наш счёт будут строить чьё-то богатство.

Я не говорю о культурном вкладе – это более сложная проблема. Потому что проблема с культурным вкладом более тонка: это не экономика, не спорт, не то, что можно выстроить за 5–10 лет. Она потребует больших усилий, больших духовных вливаний. И в этом плане мы сейчас находимся позади всей Европы. Если брать другие моменты (возвращаясь к экономике, спорту, к каким-то социальным схемам), то мы даже на сегодняшний день конкурентоспособны: мы что-то вкладываем, что-то получаем, что-то показываем и т. д. В культурном плане – полная пустота, полная «дичь». Мы владеем достаточно классными вещами – от фольклора, которого давно уже нигде нет, и до нормальной прозы, нормальной музыки, нормальной художественной школы, однако на сегодняшний день это всё абсолютно попусту теряется, абсолютно не ценится, не репрезентуется, не ставится, не пропагандируется таким образом, как это должно быть. Полностью отсутствует имиджевый план, без которого на сегодняшний день не прыгнешь выше и не перепрыгнешь. Поскольку для любой вещи, если ты хочешь, чтобы о ней знали, нужно иметь конкретный маркетинговый план: как её «продать»? Кроме того, ещё надо подумать, в какую «обёртку» её завернуть, чтобы купили. У нас полное отсутствие всего этого на государственном уровне. На любительском, безусловно, что-то делается, но этих усилий недостаточно.

Тут нужны деньги, серьёзные деньги! И чтобы государство финансировало всё это – только тогда оно может дать какие-то серьёзные плоды. Хотя перспективы очень неплохие. Но сделать надо столько, что просто нет слов!

Александр Вайтович

Беларусь может привнести в Европу прежде всего своё культурное и духовное своеобразие. И это весомый вклад, так как богатство цивилизационной культуры – в её разнообразии.

Андрей Вардамацкий

Если говорить о том, что кроме того, что у нас европейский характер и европейские ценности, то привнести в Европу Беларусь могла бы очень много даже в чисто экономическом смысле. Ее транзитное, центровое геополитическое положение делает ответ на этот вопрос очевидным. Само место определяет, что Беларусь могла бы привнести.

Но здесь речь идет не только о транзите в тривиальном смысле слова: дорога, железная дорога, труба, – но и в смысле индустриально-экономическом. Здесь может быть сосредоточено большое количество производств, которые своим рынком могли бы иметь в виду евразийское пространство. И по ментальности, и по образовательному уровню белорусы более открыты и готовы к новым технологиям.

Винцук Вячорка

Если не затрагивать историю и говорить только о синхроническом срезе, то уже «привнесла» – себя как проблему, связанную с границами Европы, с правом не только на демократию, но и на идентичность и независимость.

Павел Данейко

Это хороший вопрос, но, может, поставим его по-другому: чем важны чехи для Европы? Или болгары? В каких категориях мы можем разговаривать? Что, болгары кусок Черного моря дадут, чехи – Высокие Татры? Ну, тогда мы – леса!

Если мы будем мерить в культурных ценностях и спецификах национальных характеров, то нам тоже есть что предложить. Если мы смотрим на Европу как на некую синергию различий, которая позволяет создавать больше многообразия, иметь больший потенциал развития, то я не думаю, что вклад Беларуси меньше, чем вклад любой другой центральноевропейской страны, которая уже является частью объединенной Европы.

Андрей Дынько

Беларусь – это 207 тыс. км² территории, не очень густо заселённой. Это также неисчерпаемые источники пресной воды: многие реки Восточной Европы берут начало у нас. Беларусь – важный элемент в системе безопасности Восточной Европы: это территория, через которую проходят магистральные коммуникации и можно проводить новые коммуникации.

Нет такой сферы, в которой Беларусь не имела бы своих козырей. Возьмите искусство: у нас пульсирующая художественная жизнь. Возьмите экономику: белорусские товары, от нефтепродуктов и калийных солей до сельскохозяйственных продуктов и программной продукции белорусской «Силиконовой долины», – всё это может быть востребовано в Европе.

Хотя сама постановка вопроса «Что Беларусь может дать Европе?» не совсем корректная. А если бы нам нечего было дать, то что? Нас тогда надо было бы оградить колючей проволокой?

Светлана Калинкина

С исторической и географической точек зрения Беларусь – своего рода транзитная территория. И тут ничего другого не придумаешь, кроме как быть транзитной, «буферной» зоной между двумя большими «континентами» – Россией, почти азиатской, и Европой, старой Европой. Поэтому ничего другого у Беларуси в геополитическом и культурном смысле, как мне кажется, быть не может. И это главная цель нашей страны, нашей территории – оставаться и сохранять такое своё предназначение.

Сергей Калякин

Для Европы наличие такого парадокса, когда только одна страна не является ее членом, само по себе ненормально. Если бы какая-то часть стран Европы не входила по каким-то, например политическим, соображениям, это было бы понятно. А вот есть одна страна – Беларусь: не самая крупная, не самая достаточная, – но она не входит... Для Европы это тоже проблема. И поэтому наше вступление во все европейские структуры дало бы Европе возможность говорить о консолидации, о продвинутой по пути создания объединенной Европы и механизмов разрешения различных конфликтов.

Мы, безусловно, интересны Европе, потому что являемся «мостом», серьёзным транзитным коридором, с точки зрения развития экономических взаимодействий с Азиатским континентом. Через нас практически самый близкий маршрут – через Россию, в Азию и дальше на Японию, в Юго-Восточную Азию и т. д. Поэтому мы интересны с экономической точки зрения, но для этого, опять же, мы должны быть предсказуемы. Должны выполнять существующие обязательства, чтобы через нас пошел транзит грузов, транзит коммуникаций и пр. Это был бы серьёзный экономический интерес у Европы кроме политического.

Белорусы являются одной из самых образованных наций и одной из наций, у которых существует квалифицированная рабочая сила. И мы в европейском разделении труда (как и в мировом) могли бы занять свою очень интересную нишу – выгодную как для Беларуси, так и для объединенной Европы.

Объединенная Европа ведь не является чем-то монолитным, она состоит из многих наций, народностей, культур... Мы бы привнесли в европейскую палитру своеобразие.

Кася Камоцкая

Как и любая другая страна... Те страны, которые теперь вступили в ЕС, очень оживили жизнь в Европе – и в культурном плане, и в иных. И то же самое – Беларусь: она может дать «свежую кровь». Европе очень скучно жить. Она была очень «старенькая», ничем не интересовалась. Поэтому как раз молодая кровь очень полезна.

Сергей Костян

Мы можем принести в Европу наш гуманизм, нашу человечность, ведь Европа уже не раз накликала на многочисленные народы беду, войны и кровь. Посмотрите, кто только за всю историю ни шёл на наши земли! Кто такие были крестоносцы? Они из Западной Европы наступали на наши земли. Различные ордены из Западной Европы шли на наши земли. А где зародился фашизм? В Западной Европе! И кто поддержал Гитлера? Кто ему развязал руки, чтобы он шёл с войной на Восток? Франция, Италия и Великобритания. А кто сегодня кричит на Беларусь, что она недемократична? Хавьер Солана, который родился и вырос в фашистском государстве Испания. А кто такой Баррозу, председатель Еврокомиссии? Он родился и вырос, с молоком матери воспринял фашизм в Португалии. И кто сегодня кричит о демократии? Это потомки бывших фашистов в Западной Европе. Поэтому мы имеем полное право сказать: мы европейское государство, и мы будем навязывать вам наши славянские ценности – братство, интернационализм, гуманизм и т. д.

Я бы хотел добавить к вышесказанному. Западная Европа почти вся католическая. А кто благословил Гитлера на войну против славян? Папа Римский Пий XII. Он дал Гитлеру божье благословение. И мы сегодня говорим, что наша православная вера – это самая гуманная вера. И наши обычаи, и наши тради-

ции, и наша культура всегда несли, несут и будут нести прогресс, гуманизм и высокий уровень славянской цивилизации.

Вячеслав Кебич

Опять-таки надо разделить этот вопрос на политическую и экономическую части. С политической точки зрения нас только и ждут там, чтобы мы стали частью этой структуры. Это понятно всем: как бы Россия ни считала себя в «восьмерке», как бы она ни дружила с другими государствами, но сегодня вся политика Евросоюза, НАТО так или иначе направлена против России. Пусть не в открытую это делается, но мы же знаем, что так или иначе Россия как была страной противостоящей, в данном случае Евросоюзу и Америке, так и осталась. Поэтому включение Беларуси в состав Евросоюза или европейского объединения с точки зрения политической – это приближение границ Евросоюза, в том числе и НАТО, к России.

А с точки зрения экономической очень трудно нам сейчас войти в Европу (в том понятии, как ее понимают члены Евросоюза). Потому что рынки сбыта уже разделены. Конечно, у нас есть товары, которыми мы можем хорошо торговать, но, скорее всего, выгоды экономической в ближайшее время (если бы мы вошли в Евросоюз) мы бы не получили. Нам надо стремиться к тому, чтобы там, где можно, постепенно завоевывать рынки сбыта путем двусторонних отношений – между Беларусью и каждой из стран Евросоюза. А просто автоматическое вхождение в Евросоюз у нас никак не получится.

Анатолий Лебедько

Прежде всего – стабильность! Стабильность и для соседей в Европейском Союзе, и для Европы в целом. Вообще вопрос европейских ценностей – это не внутрибелорусский вопрос. Безусловно, белорусская проблема должна решаться здесь. Её разрешение произойдёт снизу, изнутри, а не извне и сверху.

Но она одновременно и европейская. Почему во время различных встреч мы очень настойчиво говорим, что белорусский вопрос должен стать частью

общевропейской повестки дня? Потому что это вопрос стабильности, безопасности для Европы. Сегодня тут происходит борьба европейских ценностей и неоавторитарной идеологии, которую мы называем «лукашизмом». «Лукашизм» – экспортный товар, который очень хорошо идёт на постсоветском пространстве. Чего стоит только опрос, проведённый среди радиослушателей «Эха Москвы», когда, выбирая между Путиным и Лукашенко, 80% сказали, что они голосовали бы за Лукашенко.

Это показывает значимость проблемы для Европы. Потому что Лукашенко сегодня не только белорусский «правитель», но и лидер сил реванша на постсоветском пространстве. Проблема реванша остаётся очень актуальной. И место Беларуси тут – очень весомое. Очень! Без этого не могут чувствовать себя спокойно не только Польша и Литва, но и вся Европа.

Это стабильность безопасности – не только политическая, но и экономическая, потому что многие коммуникации идут в Европу через Беларусь. И для Европы актуальна проблема стабильности не на 3–4 года, а на более далёкую временную перспективу.

Кроме того, конечно, на некотором этапе Беларусь могла бы выполнять роль своеобразного «моста» между Европой и Россией. Концепция «моста» для Беларуси может быть эффективной с точки зрения экономики, с точки зрения благосостояния людей – нам надо это использовать. И, безусловно, это может быть сильный экономический проект с большими предпочтениями как для самой страны, так и для граждан Беларуси.

Василий Леонов

Нам никуда ничего привносить не надо, мы в центре Европы и должны у себя дома устроить достойную жизнь своим гражданам, прекратить борьбу между белорусами и нашими соседями.

Нам следует учиться и научиться уважать друг друга, не бороться, а договариваться. И еще, не надо рассчитывать на халяву с Запада или с Востока, ее не будет. Или будет, но только в виде «бесплатного сыра». Наша самобытная культура, наш белорусский уклад жизни, характер, обычаи наших предков:

трудолюбие, терпимость к мнению других – всё это и другое есть (не будет, а есть!) наш вклад в европейскую цивилизацию.

Жанна Литвина

Может быть, не столько привнести, сколько, наконец, просто занять историческое своё место, которое она потеряла два столетия назад. Просто восстановить историческую справедливость. Для меня это в первую очередь.

И я не воспринимаю эту необходимость возвращения в Европу как стремление убежать от какой-то угрозы, идущей с Востока. Видимо, всё наше будущее завязано на этих процессах идентификации – и языковой, и культурной, и национальной. Пока мы через это не пройдем, пока не осознаем, «кто мы, что мы, ради чего мы», пока у нас не появится своё мировосприятие интересов – наших интересов, белорусских, – трудно будет сформулировать, что мы можем привнести в европейское сообщество.

Если брать политический аспект, тут проблема, как мне кажется, намного более сложная. Так, внутренняя политика сегодняшней власти направлена на интеграцию с Россией. За эти 12 лет были моменты, когда можно было говорить об угрозе инкорпорации, а не интеграционных процессах. В том числе изнутри страны навязывание интеграции, слияния народов. Это подхватывает и первое лицо Российской Федерации Путин. Я считаю, это самые оскорбительные слова, что «мы один народ, белорусы и россияне». Вспомним, сколько в самой России национальностей!

А рядом – неумение нами самими сформулировать стратегию завтрашнего дня. Мы становимся заложниками международной политики европейских структур, которые сперва провозглашают пошаговую стратегию (которой так и не было, кстати, после президентских выборов 2001 года). А параллельно с ней появились ещё более опасные представления, что демократические перемены придут в Беларусь исключительно через Россию, через Кремль. И до сих пор, я считаю, настоящей стратегии, что надо делать с Беларусью, у Европы нет. Мы сами не в состоянии предложить основные моменты этой стратегии, чтобы в дальнейшем осуществлять её совместно с европейскими институтами. Евро-

пейским институтам некоторое время казалось, что мы должны воспитывать белорусскую власть. После этих президентских выборов в государственной прессе понемногу уже навязывается мысль, что отношения Европа должна иметь всё же с теми, у кого в руках власть в Беларуси. Это очень опасная штука, поскольку, я считаю, на сегодняшний день основное, что должны делать страны Евросоюза, – это демонстрировать, что Беларусь нужна Европе как независимое, суверенное государство. Думаю, для нас сегодня это основной вопрос, помимо вопросов легитимности власти, легитимности президентских выборов. Европа должна постоянно подчёркивать то, какой она видит Беларусь.

Олег Манаев

На сей счет есть два соображения. Первое, и самое важное, если рассматривать Европу как систему ценностей, как определенную культуру, одну из самых развитых в современном мире, то для Беларуси как нации, общества и государства это было бы возвращением в общеевропейскую семью. Представьте, что мы с вами члены большой семьи, у нас есть брат или сестра, которые куда-то уходили и их долго не было. И вот они вернулись. Это даст какой-то плюс семье? Конечно, даст! Все будут рады, что мы воссоединились, семья станет крепче, появятся новые рабочие руки, поддержка... С этой точки зрения возвращение Беларуси в Европу усилит не только нас, но и саму Европу. Ведь именно поэтому и происходит расширение Европы в последнее десятилетие.

Второе соображение более прагматическое, оно связано, скорее, с географическим пониманием Европы, чем с культурным. Возвращение Беларуси в Европу дало бы возможность «большой» Европе взаимодействовать (в экономическом, политическом, военном, информационном и пр. аспектах) с Евразией более эффективно, открыло бы новые перспективы. Примеров очень много. Например, экспорт энергоносителей из Евразии, не только из России, но и из Туркмении, Азербайджана. И если сегодня Беларусь входит в европейское пространство не столько культурно и политически, сколько географически, это создает определенные проблемы для всего региона. Ведь уже были такие коллизии, например газовый конфликт в феврале 2004 г. В этом

смысле возвращение Беларуси в Европу способствовало бы решению многих из этих проблем, не только транзитных. Условно говоря, граница «большой» Европы проходила бы не по Бугу, а недалеко от Смоленска. И это, повторяю, в прагматическом смысле, Европу, несомненно, усилило бы.

Александр Милинкевич

Те традиции, что у нас сохранились, даже своего рода архаичность белорусская – это большая ценность. Наш народ не испорчен богатством, лежащим под землёй и часто не дающим нациям развиваться. Мы народ, который всё добывал тяжким трудом, у которого история была и остаётся трагичной, возможно, одной из самых трагичных на континенте. В этом смысле наше своеобразие – это наш белорусский характер: добродушие, трудолюбие, та же многострадальная толерантность – не в смысле равнодушия, а в смысле восприятия иных культур.

Анатолий Михайлов

Боюсь, пока лишь негативный опыт нашей собственной неспособности установления коммуникации и диалога с европейской культурой. Что же, приходится утешать себя тем, что и из этого негативного опыта можно извлечь позитивные уроки. Очень хотелось бы, чтобы их извлекли мы сами, а не только другие.

Алесь Михалевич

Я думаю, что Беларусь будет важна для Европы (как, впрочем, и для всего цивилизованного мира) своим подходом к вопросам, например, экологии, вопросам охраны окружающей среды – вообще вопросам сохранения человечества. В Беларуси, наиболее пострадавшей от чернобыльской аварии, однозначным будет восприятие ядерных электростанций и, впрочем, всяких технических объектов, способных уничтожить человечество при своём взрыве, как чего-то отрицательного. И это то, что Беларусь может привнести в том числе

и в объединённую Европу – свой подход к тому, что люди несовершенны, человечество несовершенно и не надо шутить и играть с вещами, которые могут это человечество уничтожить. На мой взгляд, это основное из того, что Беларусь может принести уникального, того, чего в теперешней Европе пока нет.

Татьяна Протько

У каждой страны есть талантливые люди. И если бы мы жили в русле тех ценностей, которые определены европейским сообществом, конечно, мы могли бы дать много. Посмотрите, например, на наших оппозиционных политиков – как их принимают на Западе! Это ведь не потому, что, как утверждает Белорусское телевидение, они говорят о Беларуси плохое. На самом деле это люди прекрасные! Они беседуют с европейцами на одном языке и более широко понимают проблемы, стоящие сейчас перед Европейским Союзом и вообще перед европейским сообществом. Европейские политики видят, что Беларусь нужна Европе.

Также и наших художников отлично принимают на Западе. Марачкина лучше знают в Германии, чем здесь, на родине.

Поэтому если речь идёт о том, нужны ли мы Европе, я сказала бы так: Европе нужна каждая страна, так как у каждой страны есть своё место, своя неповторимость и своеобразие. Мы даём Европе не доллар и не десять долларов. Мы даём Европе то, что есть только у нас и ни у кого другого. Поэтому Беларусь Европе нужна.

Европа похожа на мозаику: у каждой страны есть своё место, свой цвет, и это составляет неповторимую картину европейской цивилизации. И когда какая-то страна выпадает, тогда появляется чёрное пятно. Это не украшает картину. Беларусь – пока что «цветной» кусочек в европейском сообществе. Но всё может быть... У Европы нет единой идеологии. А мы руководствуемся и в нашем официальном искусстве, и в литературе, и даже в шоу-бизнесе какой-то идеологией. И если мы хотим навязать это европейским странам, то они не примут ни нашей идеологии, ни наших полин смоловых, ни кого-либо другого из тех, кто нарушает европейские стандарты и принципы.

Андрей Санников

В первую очередь огромный человеческий потенциал. Несмотря на все усилия Лукашенко, у нас есть и уровень образования, и трудолюбие, и талантливость...

Белорусы теперь вынуждены уезжать за границу и оставаться там. Лукашенко продемонстрировал, что белорусский народ довольно послушный, слишком послушный. Это означает, что в Европу войдёт не проблемная страна, а страна, которая, во-первых, многое может дать, и, во-вторых, страна, которая будет соблюдать законы. Это вся история наша: был Советский Союз – подчинялись советским законам, теперь лукашенковские законы – им, а прежде – законам магнатов, князей и т. д. Мы довольно послушны. И, следовательно, можем с уверенностью говорить, что европейские законы на территории Беларуси будут соблюдаться.

Беларусь многое может дать Европе и уже дала. Если мы вспомним имена, звучащие в Европе. И не только Шагала. Много людей в различных сферах известны как выходцы из Беларуси, они многое дали европейской цивилизации. Это и единственный в Бельгии нобелевский лауреат Илья Пригожин, который родом из Беларуси, Борис Кит, которого Василь Быков называл «первейшим Белорусом из белорусов в мире». И много таких людей.

В Европе известно наше искусство. Сегодня много людей живут и успешно работают в Европе. И не только Борис Заборов, но и младшее поколение – Тишин, например, либо один из самых известных сегодня в мире художников Лявон Тарасевич. Я знаю, что много учёных (и довольно крупных!) находится там – лидеры в своих отраслях в Европе. Интересно было бы проследить эту тему, если бы кто-нибудь её раскрыл (как Мальдис занимался этим). Посмотреть, где мы и что мы в Европе.

Кстати, уже часть автохтонных белорусов в Европе – через Литву, Латвию, Польшу, где они живут.

Владимир Улахович

Себя. Собственную цивилизацию, идентичность, культуру в широком смысле слова.

Валерий Фролов

Что мы могли бы дать Европе? Ну, у нас полезных ископаемых нет... Мы могли бы дать ощущение увеличения европейской семьи, которая руководствуется одними ценностями. Думаю, что наше серьёзное богатство – это очень мощный людской потенциал. В какой-то степени и для них, и для нас интересны взаимные рынки сбыта.

Если бы мы вели несколько другую политику – достаточно предсказуемую, у них появилось бы больше спокойствия.

Станислав Шушкевич

Если от чего-то оторвать кусок, то это уже будет совсем не то. Беларусь принадлежит к Европе и всё время что-то даёт. Мне посчастливилось бывать на разных континентах. Беларусь – та страна, где можно чувствовать себя европейцем, и белорусы – те люди, которые в Европе могут чувствовать себя европейцами. Нет никаких здесь различий!

Что может дать? В культурном смысле – дала, потому что она создала свою литературу, отвечающую уровню европейской литературы. Так же, как и украинская, только, возможно, мы позже это сделали лет на 50. Наши Богданович и Купала появились на 50 лет позже, чем Шевченко. Искусство белорусское, зодчество... Мало у нас осталось этих памятников, но они остались – типично европейские дворцы, костёлы, церкви (в меньшей степени), господские дома. И крестьянский быт, крестьянские хаты! Я, например, когда был в Финляндии, которую, мне кажется, все относят к Европе, то видел там даже 10 лет назад такие же примитивные домики, как в Беларуси. Просто они ещё не успели достичь абсолютно европейского современного уровня, и у нас в Беларуси таких домиков очень много.

Всеволод Янчевский

Я – евроскептик, причем страшный.

Впрочем, скептическое отношение к проекту Евросоюза и ко многим европейским ценностям не означает, что мы должны к Европе поворачиваться задом. Это просто глупо.

К тому же многие «европейские ценности» – это драгоценная вещь для всего человечества. Терпимость, ненасилие, уважение к чужому мнению, диалог и прочее, и прочее... Это всё очень дорого! Если эти идеалы уйдут под натиском более молодых агрессивных цивилизаций, человечество может откатиться назад.

Чем Европе могла бы быть интересна Беларусь?

Европе – как большому организму – вообще всё должно быть в мире интересно, потому что Европа – это один из мировых центров.

Беларусь – рядом с нынешним Евросоюзом. Мы, Россия, Украина всегда являлись форпостом на границе с Азией. Мы и до сих пор им являемся во всех смыслах – начиная от совершенно практических вещей, нелегальной миграции, наркотиков, преступности, экстремизма...

Так сложилось: нас никто не уполномочивал, но мы всегда брали на себя эту обязанность и с честью ее несли.

Какими бы политкорректными мы ни хотели быть, всё-таки напряжение между цивилизациями существует. Напряжение, грозящее перерасти в конфликт. Мы были и до сих пор являемся неким валом, который останавливает это всё перед Европой.

В силу нашей авторитарной системы, которую многие критикуют, мы закрываем не идеально, но закрываем! Европа это недооценивает. И недооценивает по одной простой причине: потому что это дано просто так!

Давайте вспомним Чернобыль... Львиную долю расходов мы тянули и тянем на себе. Как-то так получилось (и это обидно видеть и слышать в иностранных СМИ), что в мировом мнении пострадала от Чернобыля прежде всего... Украина! Да, Украина пострадала, но мы-то пострадали больше всех! Мы были оставлены один на один с этой бедой и сами с ней справляемся.

Что же получается? Беларусь добросовестно борется с нелегальной миграцией, Беларусь добросовестно борется с криминальным транзитом, с наркоторговлей, преступностью, экстремизмом. Беларусь на своей террито-

рии обеспечила на самом деле спокойную мирную жизнь и сама не является источником каких-то конфликтов. Но это не ценится! И за это спасибо не говорят. Вообще-то в мире за это многим платят – нам же не платят ни копейки.

Поэтому мы в Европу приносим немало хорошего. Могла бы и Европа что-нибудь хорошее принести нам...

4. Должна ли Беларусь осуществить какой-либо стратегический выбор? Если да, то какой: Союзное государство Беларуси и России/Евросоюз/СНГ? Являются ли эти альтернативы взаимоисключающими? Что следует сделать, чтобы воплотить их в жизнь?

Ольга Абрамова

В военно-политическом союзе с Россией мы будем, давайте рассуждать трезво. Возможен и ряд других союзов из тех, в которых Беларусь участвует либо может участвовать (например, в Шанхайской организации). Если это выгодно – значит, там надо быть. Если это целесообразно – значит, там надо быть. Что касается альтернатив, то я, собственно говоря, не вижу, почему нельзя быть в союзе с Российской Федерацией, не входя в неё, а имея особые отношения, и в то же время установить такие же особые отношения с Западом. Более того, совершенно идеальный вариант – когда и Россия стала бы двигаться в направлении интеграции в европейские структуры на основе, конечно же, взаимного желания и взаимной выгоды.

Сегодня для Беларуси вопрос вхождения в евроструктуры вообще не стоит. В отдаленном будущем он может возникнуть. Но здесь как раз традиционный прагматизм белорусов сработает во благо: нас, как и Украину, не хотят видеть в Европе. Очень многие европейские политики (причем обладающие политическим весом, «тяжеловесы») неоднократно выступали в последнее десятилетие на различных международных конференциях, форумах высокого уровня с такими определениями: «Надо четко сказать России, Украине, Беларуси, что они никогда не будут в Евросоюзе. Не потому, что мы не хотим их там

видеть, а потому, что слишком велики обязательства Запада перед предыдущим эшелонам, перед центральноевропейскими странами, слишком велики наши материальные, финансовые обязательства. Мы просто не потянем новых членов». Это, может быть, и благо. Знаете, иногда лучше постоять в сторонке и посмотреть, во что всё выльется. Мне ни в коем случае не хотелось бы оказаться в положении просителя, касается ли это потенциального вхождения в Россию (с чисто прагматической точки зрения, хотя я не приемлю такое и политически) либо в Евросоюз. С просителем соответственно и обращаются – как с банановой республикой, которая не имеет права голоса. На что она может претендовать, если так просилась и билась во все двери, как мотылёк в стекло горячей лампы? Это не тот вариант. Очень даже неплохо, что у Беларуси будет время (я думаю, 10–15 лет) хорошо осмыслить, какова судьба соседей, вошедших в данное пространство, плюсы и минусы процесса. Такой анализ помогает в последующем (если принимается решение о вхождении в ту или иную структуру) существенно сократить путь и двигаться согласно наиболее эффективному варианту. Не методом проб и ошибок, а отбрасывая всё то, что нам не подходит, что для нас неприемлемо, и заранее оговаривая те условия, которые выдвигаются с нашей стороны, а не только со стороны принимающей.

Поскольку мы – страна, которая находится... не скажу, на разломе цивилизаций, но во всяком случае – на столкновении цивилизационных типов, у Беларуси миссия более сложная, и нам сложнее артикулировать наши национальные и государственные интересы. Наш интерес – отказ от окончательного цивилизационного выбора. И это тоже выбор. По крайней мере, не надо с ним спешить. Пусть мировая политика станет более определенной. XX век принес слишком большие потрясения, включая и распад Советского Союза. Пусть проявятся константы более четко, чем они определены сейчас. И тогда Беларусь найдет – гибко, разумно, рационально – свое место не только в европейской, но и в мировой политике.

Светлана Алексиевич

Самое реальное – союз с Россией. Но это всё-таки должны быть два отдельных государства, а не единое. Для этого должна проводиться грамотная политика, грамотное воспитание – начиная с детских садиков. Нужно готовить элиту, а не тешить себя иллюзиями. На советских кухнях тоже все время говорили, что главное – скинуть коммунистов. Скинули, и что? Оказалось, никто не готов к тому, что надо делать дальше. А страна все же гораздо больше Беларуси...

На равных в Европу для нас войти невозможно. Никто в Европе не ждет с распростертыми объятиями разоренную страну. Там идет очень жесткая борьба за рынок – даже среди тех стран, которые давно вошли в это пространство. А у нас нет никакого другого товара, кроме нашей мечты – мечты о том, что мы хотим войти в Европу...

Евгений Бабосов

Беларусь свой стратегический выбор сделала. Он состоит в том, что страна должна проводить многовекторную экономическую, политическую, культурную политику. Не только союз с Россией, но и союз с Евросоюзом. Но это должно быть сделано на началах взаимопонимания, взаимопринимания. Не только мы принимаем, но и нас должны принимать, как мы есть. В этом смысле, конечно, от России отрываться не стоит. С Евросоюзом – искать выходы туда нужно. Что касается СНГ, это рыхлая, неэффективная и, реально говоря, ни к чему не годная организация. И когда из нее выйдут Украина и Грузия (а скорее всего, они выйдут), тогда неизвестно, с кем же нам из СНГ объединяться. С Киргизией? Она тоже, скорее всего, выйдет. С Казахстаном? Да, но там половина русских и белорусов живет – я там был и знаю: северная часть Казахстана (я ездил на целину с Рыгором Бородулиным) – там белорусы, украинцы, русские, а казахов было очень мало. Сейчас они немножко там размножились...

Так что я думаю, Союзное государство Беларуси и России нужно. Но это не значит, что надо отрываться от Европы. Многовекторность: на восток, и на запад, и на юг, и на север. С Украиной – дружить! Потому что можно не дружить

с Ющенко (допустим, кто-то его не любит) или с Януковичем, но Беларусь, Россия и Украина вышли из одного корня. И когда-то Богданович говорил, что у нас один народ, но в трех ипостасях – белорусский, русский и украинский. И культура у нас не одна славянская, а три. Из одного корня, но три! И деться от этого некуда, оторваться нельзя. Я хорошо знал покойного академика Лихачева. Он говорил: «Киев – колыбель земель русских». Не «русских», а – «русских», через «Русь»: Белая, Черная, Малая и Великая. Правильно говорил, что Киев – это никакая не Украина (Украина возникла потом), Киев – это прорусская земля. Оттуда христианство пошло в православной версии. От этого же отказываться нельзя! Поэтому я думаю, что нужно искать союз не только на восток – с Россией, но и с Украиной обязательно. Можно любить или не любить правительство, но народы-то остаются.

А почему не дружить с Литвой? Жили ведь в одном государстве. На все четыре стороны должна быть стратегия направлена, на вхождение в мир. А почему нам, допустим, не развивать отношения с тем же Востоком, с тем же Израилем? Там же из пяти президентов, которые были в Израиле, трое – из Беларуси родом, свои люди. Ну, евреи. Ну и что? Если с ними поговорить, то, наверное, и *беларускую мову* даже знают, думаю.

Значит, эти стратегические выборы взаимоисключающими быть не могут. Они должны быть взаимодополняющими – на север, восток, юг и запад. Беларусь должна быть открытым государством и открытым обществом. Это не одно и то же. Открытое общество должно впитывать в себя слева и справа, с востока и с запада, с юга и севера – и отдавать туда же! Только тогда будет взаимообогащение культур, цивилизаций. И только тогда она будет уважаемой страной везде.

Для того чтобы воплотить в жизнь этот стратегический выбор, надо оставаться верными самим себе, оставаться беларусами в этом мире и всячески приумножать духовные традиции, которые делают Беларусь Беларусью. Потому что, в конце концов, чем отличается один народ от другого? Чем отличается Франция от Англии? Да культурой же отличается! Мода – та же самая, едят – то же самое, пьют коньяк – тот же самый, смотрят порнуху – ту же самую, кинофильмы голливудские, американские – те же самые. А чем-то же отличаются!

В этом смысле у французов надо учиться. Старшее поколение хорошо помнит, и младшее, наверное, знает Мирей Матье, знаменитую певицу. Когда началась американская экспансия – насаждение американизма, начиная с МакДональдса, американизация (вестернизация = американизация), она выступила с концертом. Она десять лет не пела и выступила с концертом на два с половиной часа «Made in France» («Сделано во Франции»). В этом концерте она пела и одновременно рассказывала: сравните то, что мы поглощаем, американскую культуру, американские фильмы – и французские. Понятно? Сравните американскую оперу – и французскую. Сравните американский роман – и французский. Сравните американский театр – и французский. Так что мы говорим? Кто у кого должен учиться? И после этого (она сыграла колоссальную роль!) ее любят во Франции и до сих пор. Было такое общественное мнение, что все вывески во Франции – нам надо учиться! – все вывески, кроме МакДональдса, – на французском языке. Только МакДональдс – потому что всемирно известный. Остальное всё выбрасывали, оставили только на французском. Если вы поедете во Францию и возьмете визитку, где на одной стороне будет на русском языке написано «Иванов», а на второй – на английском языке, а французского не будет, вас просто сочтут невежливым человеком. Если ты едешь во Францию – ты напиши на своем национальном, и тебя поймут. Не поймут, так переводчика возьмут! А если ты написал на своем, на английском, а поехал к французам – какого черта ты туда едешь?

И еще одна вещь. Французское телевидение (там несколько каналов) приняло решение, что кинопрокат, который идет через французское телевидение, должен иметь 20% американских фильмов, а остальные – европейские. Итальянское кино (не американское! Классики где?), французское кино, бывшее советское кино – до сих пор, кстати, оно ценится. Когда показали «Ромео и Джульетту» нашего, советского производства, за границей, там все плакали: почему мы такого не сделали?..

Так что для того чтобы воплотить эти стратегии в жизнь, надо, во-первых, оставаться самим собой. Во-вторых, знать, что ты европеец и к тебе такие же требования, как к французам, шведам. И насколько мы шведам не уступаем, ни

в чем. Если мы уступаем в чем-то, то великим нациям – Франции (прежде всего в культуре) и Англии (в цивилизации), и всё! Немцам ни в чем не уступаем.

Анжелика Борыс

Мне не нравится слово «должна». Беларусь вправе сделать любой стратегический выбор, однако он должен соответствовать воле белорусского народа. А вот для того чтобы народ мог высказать свою волю, *должны* возникнуть условия. В первую очередь необходима свобода доступа к информации, состязательность мнений и умение вести общественную дискуссию, в которой большинство научилось бы прислушиваться и уважать мнение меньшинства.

Ирина Бугрова

Самоидентификация в большинстве стран совпала с либеральным периодом.

После 11 сентября 2001 г., с началом III тысячелетия, стартовал новый период возрождения национальной идентичности. Мир возвращается к блоковой системе: если ты ходишь в мою «песочницу», то ты не смеешь, не должен ходить в «песочницу» моего соседа. Все это возвращение к блоковой системе ни к какому позитивному результату не приведет. Современный глобальный мир по своей природе открытый, а блоковая система ведет к возвращению в эпоху архаических войн («винных», «минеральных»), что мы наблюдаем уже теперь. Авторитета «Большой восьмёрки» и Совета Безопасности ООН ненадолго хватит для того, чтобы «разруливать» такие ситуации.

Если бы Беларусь занималась нормальной внешней политикой, то оптимальным выбором для нее был бы нейтральный статус. До вступления в Евросоюз нам еще очень далеко. Нам еще предстоит пройти очень непростой период адаптации.

Генадзь Буравкин

Такой выбор должен быть. Но это не значит, что он есть. Для меня бесспорно, что Беларусь должна быть самостоятельной. И поэтому никакого единого союзного государства я не вижу. И поэтому прихода в Евросоюз каким-то бедным родственником я тоже не вижу. Я считаю, что Беларусь должна быть самостоятельным государством, самодостаточным народом, который должен развиваться в интересах своих людей, и, имея ту территорию, которую нам дал Бог, и соседи, и мы сами взяли, мы должны приучить и себя и других к тому, что мы должны чувствовать себя абсолютно равными в мире и абсолютно самостоятельными. Поскольку абсолютной самостоятельности в сегодняшнем сложном мире быть не может, то, бесспорно, у нас должны быть отношения с соседями, прежде всего, и со всем миром тоже – мы ведь не какая-нибудь взезная цивилизация, мы тут, на этой земле, где столько государств, столько народов. И мы должны с ними быть. И бесспорно, у нас будут теснейшие связи и отношения – и государственные, и культурные, и даже чисто человеческие – с Россией, Украиной, Польшей, Литвой, они ближайшие к нам соседи, с которыми у нас очень много общего в истории. Пожалуйста, заключайте взаимовыгодные двусторонние соглашения, заключайте даже двусторонние союзы, только – опять же хочу подчеркнуть! – не военные, потому что «белорусы – мирные люди», как поётся даже в нашем сегодняшнем государственном гимне. Мы мирные люди, и поэтому нам не надо входить ни в какие военные союзы. Это была отличная задумка, которая, к сожалению, не осуществилась, когда, думая о судьбе суверенной Беларуси, сделали одной из обязательных записей такую: «Беларусь должна быть безъядерным, нейтральным государством». Я думаю, что тут действительно обозначен путь, по которому мы должны идти. А союзы – пожалуйста! И с Россией, и с Польшей, и с Литвой, и с Америкой, и с Францией, и с Германией. Но при одном условии: все эти союзы должны быть на пользу самостоятельному белорусскому государству, на пользу белорусам и с обязательным учётом интересов белорусов. С учётом интересов и россиян, и немцев, и поляков, но на первом месте – белорусов.

Я думаю, у нас хватит людей достойных. Это только недостаточно образованные и несерьёзные люди говорят, что у нас не хватает умных, талантливых людей. Людей у нас хватает. У нас не хватает условий, которые должно создавать государство для того, чтобы эти талантливые умные люди показывали вершины своего ума, своей образованности, своей профессиональной подготовки и чтобы им были открыты возможности занимать в государстве такое положение, как позволяют таланты, данные им Богом, или же родителями, или же землёй нашей родной белорусской. Если это будет, то я не сомневаюсь, что всё будет хорошо и мы найдём тот баланс взаимоотношений с Востоком и Западом, с далёкой Африкой и близкими европейскими странами. Думаю, если мы разумно обустроим наше государство, проблем не будет. У нас есть выгодное положение: мы на путях взаимосвязей, взаимоотношений, взаимосотрудничества очень многих развитых серьёзных государств.

У нас превосходная природа. Не зря наши болота называют лёгкими Европы. Видите – и тут Европа. Самим богом мы завязаны на Европу. Без лёгких человек жить не может, ему надо дышать. А лёгкие Европы завязаны на Беларусь...

Может быть, я немного идиллическую картинку рисую, но хотелось бы этого. Думаю, что проблем не будет: если Беларусь будет чувствовать себя самостоятельной, самодостаточной, достойной, тогда наши политики найдут реальные формальные способы как-нибудь так оформить, чтобы мы никого не обижали и нас никто не обижал.

Белорусы умеют трудиться. У нас достаточно серьёзный уровень научного потенциала. У нас есть интересная, неповторимая культура. У нас есть руки. И, как говорит один из наших политиков, мозги есть. Не у всех, но есть.

Так что я не вижу проблемы «куда». Нужно думать не о том, куда нам клониться – на Запад или на Восток, а о том, как нам самим себя обеспечить нормальной жизнью и нормальными взаимоотношениями с другими, и клониться к тому, кто (простите за это прагматичное слово) наиболее выгоден для Беларуси, для белорусского государства, для белорусского народа.

Алесь Бяляцкий

Учитывая, что я «еврофил», я считаю, что единственный путь, который может вывести Беларусь на хорошую колею и не будет слишком длинным (всё остальное будет просто замедлять этот путь), – это вступление в Евросоюз. На сегодняшний день мы находимся между двух мощных образований: с одной стороны Евросоюз, с другой – Россия. И даже если чисто логически подумать по стандартам, которые у нас существуют в данное время, выжить нам одним будет невозможно: мы всё равно будем находиться под влиянием, нас будет лихорадить, нас будет трясти, нас будет «колбасить» всё время, пока мы не определимся. Это достаточно важно для нас: определиться, как можно скорее провести реформы, изменения (это касается образования, экономики, подходов к культуре, к правам человека, всему социальному блоку). Вступление Беларуси в Евросоюз для меня просто проблема номер один. Самое главное, что нам надо было бы сделать, – «вскочить» как можно скорее туда. Так, как это сделали прибалтийские страны, этим самым обезопасив себя от кучи угроз.

Как и в НАТО! Я уверен: пока Беларусь не будет в НАТО, вступление в Евросоюз далеко не решит всех наших проблем, поскольку на востоке у нас сегодня такое соседство... Это будут определённые гарантии. Для меня как для правозащитника стандарты Евросоюза на сегодняшний день являются высшими стандартами прав человека из существующих. Стандарты по развитию национальных культур, по развитию локальных сообществ там достаточно высоки, хотя, может, они и не совершенны, но ничего совершенного нет. Всё это позволяет нам получить хороший фундамент для отстройки, для реконструкции, поднятия нашей нации после 90-летнего упадка.

Я считаю упомянутые выборы взаимоисключающими, это несовместимые вещи. Нам надо определяться! Не может быть Беларусь одновременно одной ногой там, а другой там. Иначе просто раздерут.

Другое дело, что ссориться, конечно, нельзя и не нужно. Занимать позицию тупых русофобов или ещё каких-то «фобов» абсолютно не стоит. Как бы то ни было, я не рассматриваю Россию как «потерянную страну». Это страна, у которой есть нормальный потенциал для развития, просто ещё не пришло её время.

Оно, возможно, придёт (тут я с Ковалёвым согласен) через 40 лет, через 60... С другой стороны, надо строить свои отношения, безусловно ориентируясь на Евросоюз. Не строя никаких иллюзий на ближайшие 20–40 лет, что мы можем с Россией что-то такое стоящее внимания построить.

Александр Вайтович

Несомненно, что Беларусь в своей внешней политике должна руководствоваться своими национальными интересами. Нужды экономического развития, географическое расположение требуют от нас хороших отношений как с восточными, так и с западными соседями. Нынешнее состояние этих отношений приводит меня к выводу, что необходимо сохранить стратегическое партнёрство с Россией и совместно продвигаться к единому экономическому и гуманитарному пространству с Евросоюзом.

И ещё я хотел бы остановиться на двух обстоятельствах.

Первое. Думаю, что термин «союзное государство» юридически не обоснован, так как он означает одно, а не два суверенных государства.

Второе. Почти в каждой своей речи высший чиновник страны делает недопустимые выпады в адрес различных стран – и соседних, и более далёких. Это наносит огромный ущерб нашей стране. И поскольку я вырос в деревне, то у меня такое поведение вызывает ассоциации с чересчур сварливым дядькой, которого никто в деревне не любит.

Андрей Вардамацкий

Думаю, сейчас неправильно ставить вопрос в терминах «или–или». Сейчас было бы адекватно ставить вопрос в терминах «и–и». Адекватно с точки зрения национального характера, ментальности, экономической ситуации, нашего геополитического положения. Такова наша геополитическая, ментальная и экономическая судьба! И это нормально. Тут нет чего-то унижительного в смысле «продажной девки» и т. д.

Даже если говорить на чисто экономическом уровне! Ведь у нас, с точки зрения финансовых объёмов, сейчас уже нет ориентации ни в сторону только России, ни в сторону только Европы. И там и там мы видим большие финансовые цифры. И на восточном, и на западном векторе мы видим движение расширения нашей ориентации, нашей ментальности. И там и там мы видим свои исторические корни.

Винцук Вячорка

В вопросе – формализм. Не будем размышлять о степени реальности/фиктивности «союзного государства» или СНГ. Можно формально оставаться в СНГ (как Украина), но постепенно приближаться к настоящей цели. На самом деле выбор есть цивилизационный, а в каких институциональных формах и в какой последовательности он произойдёт – сперва НАТО, а потом Евросоюз, – это уже тактика.

Другой выбор – сперва Россия, а потом (как видим) Китай, Шанхайская организация сотрудничества или что-нибудь подобное – противоречит европейской сущности Беларуси и осуждён на провал.

Павел Данейко

Я бы сформулировал этот вопрос по-другому, с ценностной точки зрения: белорусы – это Европа или Россия? То, как формулируете вы, это различные политические конфигурации, союзы. Но если ценности – это навсегда, то союзы – на время. Любые союзы. Поэтому первичный вопрос: кем себя видит и ощущает Беларусь? Я думаю, что она себя ощущает частью Европы. Мы можем проводить разные социологические исследования, пытаюсь получить лобовые ответы на лобовые вопросы. Я думаю, все они будут ложью. Кроме явного, осознаваемого нами знания есть неявные представления о реальности, которые актуализируются в моменты выбора. Поскольку у белорусов еще не было выбора, они еще не стояли перед этой проблемой, то до сих пор это представление неактуализировано. Но мое ощущение таково, что выбор

в Беларуси сделан однозначно большинством населения, абсолютным большинством. И тотально.

Андрей Дынько

Выбор между принадлежностью к Евроазиатскому экономическому сообществу и Евросоюзу – взаимоисключающий. Нельзя быть и там и там: надо выбирать. Но есть иной выбор: «финляндизация» Беларуси. Статус нейтрального государства, имеющего одинаково хорошие отношения как с Россией, так и с Евросоюзом. Я думаю, что для варианта «финляндизации» шансы были в 1990-ых годах. Теперь, после того что мы пережили при Лукашенко, фактически под российским протекторатом, и если смотреть на тенденции вокруг Беларуси и в самой Беларуси, я склонен думать, что в ближайшие 10–15 лет Беларусь сделает выбор в пользу вступления в европейские и евроатлантические структуры.

Светлана Калинкина

Мне кажется, что СНГ вообще доживает последние дни. Поэтому в какой-либо перспективе рассматривать это объединение не имеет смысла. Хотя в том или ином виде могут существовать какие-нибудь межгосударственные... не союзы, а консультационные органы стран бывшего Советского Союза. Но я думаю, что это не будет СНГ и даже не будет что-то формально строгое. Это скорее будут образования по интересам или по географическому соседству.

Сейчас актуальный вопрос – это союзное государство и вообще вхождение в состав России. Актуальный потому, что рассматриваются и политологами, и политтехнологами (и нашими, и российскими) различные варианты продолжения политической карьеры лидеров – и Лукашенко, и Путина. И понятно, что один из вариантов (по мнению некоторых, даже самый простой) – это объединение государств. Для Беларуси это очень и очень опасно. Ещё и потому, что в России сейчас какой-то ренессанс имперских настроений и очень много появилось политиков и политологов, которые именно так настроены: чтобы возродить величие

России, надо прирастать новыми землями! Понятно, что в этом смысле Беларусь для них – очень интересный «партнёр». Это большая опасность! И мне кажется, что сейчас здесь, в Беларуси, внимательно слушая нашего лидера, говорящего, что он ни в коем случае не сдаст суверенитет Беларуси, мы как-то успокоились. Но в то же время мы хорошо знаем Лукашенко: ему сегодня сказать одно, а завтра сделать другое никаких трудностей не составляет. Мне кажется, именно этому сейчас надо уделять наибольшее внимание.

Относительно Евросоюза. Понятно, что если мы будем рассматривать идеальные схемы, то место Беларуси – в Европе и Евросоюзе. Но я думаю, это возможно только в том случае, если и Россия вступит в Евросоюз. Такие варианты рассматриваются... Знаете, 60 лет назад не было НАТО. А 20 лет назад никто не мог предположить, что не будет Варшавского договора. Всё меняется, и наверняка это произойдет. И если в России не будет какого-нибудь поворота к левым позициям, если левые не придут к власти, то я думаю, что исторически в этом направлении будет идти развитие. Союз Германии, России и Франции геополитически мотивирован, и всегда, если проследить за ходом истории, были попытки создания именно таких союзов. Понятное дело, с различными результатами... Поэтому я не исключаю, что именно так будут развиваться события. Тогда, мне кажется, и Беларусь будет в Евросоюзе.

Сергей Калякин

Не надо никогда ничего опрометчиво разрушать: к примеру, сегодня Беларуси заявлять о каких-то шагах, о выходе из СНГ, прекращении членства в Союзе Беларуси и России. Потому что опрометчивые шаги всегда могут привести к очень плохим последствиям для Беларуси и ее народа. Всё нужно делать очень осмотрительно. Нужно вступать в любые союзы и заключать любые соглашения – пять раз подумав. Но когда они действуют много лет и решают определенные проблемы, то нужно ещё больше подумать, прежде чем оттуда выходить. Это очень сложный вопрос.

Что касается вступления в Евросоюз. Во-первых, здесь не всё зависит от нас. В настоящий момент вопрос о вступлении Беларуси в Евросоюз не стоит

на повестке дня Евросоюза. Сегодня не стоит и ближайшие пару десятков лет (а скорее всего, около 30) стоять не будет. Им бы завершить объявленный этап расширения Евросоюза и справиться с центробежными тенденциями, которые возникают в самой объединенной Европе в силу довольно существенного расширения за счет присоединения стран с очень разными экономическими, политическими и другими системами. Поэтому ставить в повестку дня вопрос о вступлении Беларуси в Евросоюз, на мой взгляд, большое забегание вперед и несоответствие существующим реалиям.

У нас есть другая очень важная задача, касающаяся нашего взаимодействия с расширившейся Европой. Мы единственная страна, которая оказалась вне рамок программы «Новые соседи», объявленной Евросоюзом. Нам нужно решать проблему: как включиться в программу, которая позволяет отладить взаимоотношения с расширившейся Европой. Ведь ситуация изменилась! Если раньше мы могли осуществлять взаимодействие с Польшей, Литвой, Латвией, другими государствами, которые вошли в состав объединенной Европы, «сам-насам», то сегодня мы вынуждены согласовывать всё с «большой» Европой. А там уже интересы другие. Теперь Польша должна своими интересами иногда поступаться в рамках общей Европы. И это вредит интересам Беларуси, но Польша выбрала такой путь. На данном этапе нам нужно, вступая в отношения с объединенной Европой в рамках программы «Новые соседи», пытаться получить для себя лучшие возможности взаимоотношений. Может быть, даже какие-то исключительные возможности! И сегодня в определенной части Европа на это может пойти. Я имею в виду сохранить особые отношения – экономические, политические, приграничные – с теми странами, с которыми мы раньше имели двусторонние отношения без общей Европы.

Безусловно, мы должны быть заинтересованы в том, чтобы Европа была открыта для нас – это сегодня один из самых больших рынков: 450 миллионов населения – это один гигантский рынок, куда мы должны стремиться. С нашими товарами, с нашими услугами, с нашими продуктами... Это очень непросто. Но самоизолируясь, не выстраивая добрососедских, дружественных отношений с объединенной Европой, мы потеряем этот рынок. А борьба за него идет, и яркий пример тому – экспансия Китая на рынок Европы и США.

Но мы не должны забывать, что Европа – это только одна часть наших соседей. Есть и другие – та же Украина и тем более Россия. Поэтому если сегодня у нас есть особые отношения с Россией, которые выгодны Беларуси, мы должны их сохранять. Не надо их разрушать! Ещё раз говорю: разрушив их, мы не получим ничего взамен. Ведь Россия – это не только энергоносители, не только сырьё. Это тоже рынок, и довольно серьёзный рынок сбыта для нашей продукции. По основной номенклатуре продукции он для нас является основным, хотя в торговом балансе сегодня количественно Европа, может, уже превосходит Россию по экспорту. Но если оттуда отнять реэкспорт российских энергоносителей (нефти и газа), то получится совсем наоборот. Поэтому нам не надо уходить с российского рынка, потому что туда придёт, например, тот же Евросоюз: он будет очень заинтересован в том, чтобы занять наше место.

Беларусь не должна вести политику «или Европа, или Россия», о которой мы говорим, нет! Мы должны вести отношения «и Европа, и Россия», причем учитывать, что у нас с Россией уже исторически сложились отношения, а с Европой их нужно выстраивать. Поэтому я, ломая отношений с Россией, а кое-где переводя их из спекулятивных в реальные, в то же время выстраивал бы отношения с Европой. И нужно убеждать Европу, что дружить с Европой «против России» так же вредно для Беларуси и Европы, как дружба Беларуси и России «против Европы».

На мой взгляд, Беларусь – страна, которая не может иметь геополитических амбиций. Мы по всем параметрам не Китай, не Индия, тем более – не Соединенные Штаты Америки, не Россия. Поэтому мы должны использовать свое геополитическое положение и выстраивать дружеские отношения со всеми странами, ища выгоду от них. И, может быть, пытаться оказаться связующим мостом между этими конкурирующими мировыми системами.

Кася Камоцкая

Насчёт Евросоюза и СНГ – это, конечно, взаимоисключающие выборы, но в Евросоюз нас никто и не зовёт. Я, понятно, могу заявить, что нам срочно туда нужно, но...

Я ориентирована проевропейски. В Москве я не была, наверное, двадцать лет, а изо всяких «Польш и Литв» не вылезая. Ясно, что мне это ближе.

Но российский фактор не то что не исключён – он есть! Соседей не выбирают.

Но может быть и нейтралитет. Я считаю, что нейтралитет, заявленный в Декларации о независимости, – это очень-очень важно. Невхождение во все союзы мне тоже кажется очень важным. И, может быть, это единственная возможность этому маленькому государству удержаться, не быть поглощённым. Потому что всё же Беларусь – небольшая страна, её очень легко «размыть».

Сергей Костян

Независимых государств в мире нет. Если сегодня взбунтуется Япония, то вся космическая наука и космическая деятельность Соединённых Штатов за одну неделю развалится. И если взбунтуются другие страны и откажутся экономически сотрудничать с Японией, вся её экономика обвалится в один момент. Поэтому говорить о некоей полной независимости, я думаю, неправильно. А вот какой выбор делать Беларуси – на этот вопрос ответ уже дан. Она сделала свой выбор: быть в союзе с Россией, быть в союзе с Украиной. И это надо как русскому народу, так и украинскому, и белорусскому. И, в конце концов, это надо всем тем народам, которые жили в составе Советского Союза. Не помню, на каком форуме (то ли в Афинах, то ли ещё где-то), выступал представитель Германии, он так сказал: «Если выживут и объединятся три славянских народа – русские, белорусы и украинцы, то Германия как нация сохранится и в XXII веке будет жить как самостоятельная историческая нация. Если эти народы не объединятся, уже в XXII веке никто не будет знать, что было когда-то германское национальное государство». Я думаю, что этим всё и сказано.

Вячеслав Кебич

Я уже один раз сказал и теперь повторяю: это должен быть постепенный переход. Дело в том, что упущено время. Будучи председателем Совета мини-

стров, я объездил почти все страны Европы. И тогда я был еще с партийным билетом, я был членом КПСС, но никогда никто ни во Франции, ни в Италии, ни в Испании, ни в других европейских странах мне не задавал вопрос: «Вы член партии или не член партии?». Во-первых, они отлично понимали, что председателем Совета министров по тем временам некоммунист не мог стать. Я брал кредиты в этих странах, вел переговоры на равных. И тогда не ставился вопрос о противостоянии. И не ставился вопрос тогда о вхождении. А теперь мы знаем, что все эти отношения приобретают со временем все более и более политический характер.

Насчет альтернативы отношений: по отношению к России альтернативы нет! Просто нет, потому что мы не готовы быть совершенно не зависимым от России государством. Всеми своими энергоресурсами мы завязаны только на Россию. И, как вы понимаете, на Россию с точки зрения энергоресурсов завязана не только Беларусь, а все страны Европы, почти все. Норвежского газа и норвежской нефти далеко не хватает Западной Европе. Может быть, потому и есть отношения европейских стран с Россией, чтобы не лишиться тех энергоресурсов, которые есть в России.

Но тесных связей у России сегодня нет. Был Шрёдер – была дружба, был Берлускони – была дружба. Не будет Шрёдера, не будет Берлускони – всё это надо восстанавливать по-новому, потому что сегодня российско-евросоюзские отношения покоятся на личных качествах лидеров. Меняются лидеры – меняются и взаимоотношения.

Анатолий Лебедько

У людей должно быть право осознанного выбора. Если не будет ценностей, если мы не решим этот вопрос, то не сможем и говорить, чего хотят люди. Ни один социологический опрос сегодня не даст нам зеркального среза. Люди должны делать осознанный выбор, а для этого у них должна быть информация. Что такое СНГ реально? В цифрах, в фактах, в проекции того, что есть, и того, что будет... Также – что такое Европейский Союз? Что, у наших людей есть такая информация? Нет! Если мы не решим этого, то вопрос останется только

для политологов, для дискуссии на уровне людей, имеющих эти цифры. А для остальных надо решить первый вопрос – вернуть демократию в Беларусь. Вот тогда мы сможем сказать, куда на самом деле хотят идти белорусы. Согласно социологическим опросам, получается, что у нас процентов 30–35 хотят быть одновременно и в Европейском Союзе, и иметь какие-то особые отношения с Россией. Это тоже говорит о том, что у людей нет информации, им не хватает этой информации.

Что касается СНГ, само время отвечает. Сегодня Украина и Грузия ставят вопрос о выходе из СНГ. Думаю, если бы это был сильный экономический проект, то они не предпринимали бы таких мер. Если бы это отвечало национальным интересам, такой проблемы не существовало бы. СНГ на сегодняшний день превратилось в структуру по трудоустройству людей вроде Бородина и других – с прекрасной зарплатой, и больше ничего. Фактически оно не выдерживает конкуренции с Европейским Союзом.

Думаю, что этот вопрос для Беларуси может решаться, в первую очередь, через двусторонние отношения. А выбор – Европу в Беларусь. Или что, экспорт китайской цивилизации либо азиатской? Выбор уже сделан! Я считаю нелепым, когда у нас в Минске серьёзно рассматривают перспективы, чтобы тут чуть ли не в каждой школе изучали китайский язык. Подобное мне кажется алогичным. Английский язык – да, поскольку мы часть Европы и географически, и политически, и ментально. А китайский... Это что, наш механизм разрешения демографического вопроса? Через 20 лет наши граждане, белорусы, будут вымирать, а мы будем завозить жителей Азии и делать чайнатауны в каждом районном центре? По крайней мере, такие впечатления создаются от действий белорусской власти.

Китайский вектор в экономике на будущее? Для этого надо иметь профессиональную группу специалистов, но не нужно решать проблему на уровне всей системы образования – это разные подходы. Конечно, надо, чтобы были люди, которые вели бы переговоры с Китаем, ведь Китай – большой рынок. Но это достаточно узкая специализация, хватит одного отделения на факультете в Лингвистическом университете!

Василий Леонов

Да, такой выбор нам надлежит осуществить и договориться о том, какой должна быть страна. Предложения по этому вопросу белорусско-российский фонд «За Новую Беларусь» сделал партиям и общественным организациям. Надеюсь, что по завершении «послевыборных разборок» мы к этому вернемся.

Олег Манаев

Я реалист и стараюсь реально смотреть на вещи. Если бы я не видел того социального расклада в обществе, о котором сказал вначале, если бы не видел, что у нас есть серьёзная база для европейского пути, т. е. «евробелорусов» было бы не 30%, а 3%, – я бы так не рассуждал. Вполне вероятно, что и моя реальная биография была бы другой: или я давно уехал бы на Запад, или тут занимался бы чем-то другим... Так что европейские перспективы для Беларуси дают мне вполне определенные надежды и базу для деятельности.

Такой серьёзный вопрос, как геополитический выбор страны (в любой ситуации, говорим ли мы, например, об Азиатско-Тихоокеанском регионе, Латинской Америке, Африке или Европе), – это прежде всего выбор людей, граждан, выбор общества, выбор элит, выбор руководства. И в нашей стране этот выбор должен быть сделан.

Я знаю немало людей, которые считают, что такой выбор Беларуси не нужен, давайте, мол, использовать преимущества одной и другой сторон. Даже президент как-то говорил, что «ласкавае цялятка дзьве маткі сьсе». Я считаю такую точку зрения ошибочной. Ошибочной не в каком-то абстрактно-политическом или культурологическом смысле, а в совершенно конкретном. Динамика развития мира усиливается с каждым десятилетием. Мир стремительно и глубоко глобализуется, последствия этого видны повсюду – в экономике, культуре, информационной, военной сферах и т. д. И когда страна, нация, народ, элиты, руководство не принимают такого выбора – на рациональной основе, чтобы получить определенные культурные, политические, экономические и прочие выгоды, – они отстают, не встраиваются в эти процессы. Жизнь уходит вперед,

и те народы, общества и государства, которые такой выбор не делают, не только теряют перспективы в будущем, но и упускают вполне конкретные выгоды сегодня. Причем скорость глобализации усиливается, и чем дальше наш выбор будет отодвигаться, неважно, под каким предлогом, тем больше мы будем терять (в скобках замечу, что говорю о выборе вообще как геополитическом самоопределении страны – не важно, европейском или евразийском). Это будет бесконечная потеря. Мы можем ретроспективно посмотреть на историю тех государств и народов, которые не сделали такой выбор вовремя – они либо вообще исчезали, либо становились частью другого народа, другого государства, другой культуры. В конце концов, чаша сия не минет и Беларусь, если наш выбор будет бесконечно отодвигаться.

Какой выбор нужно сделать? Это вопрос не научный, а политический. И тут уже логика рассуждения должна быть иной. Вновь подчеркну, что я не политолог и не политик. Но могу представить, как я рассуждал бы об этом, если бы был политиком. Я бы рассуждал исходя из той реальности, какая «дана нам в ощущениях» – прежде всего, из интересов белорусского народа (причем реальных интересов, а не того, как их представляют себе власти или оппозиция), из интересов Европы и, несомненно, из интересов России. Это значит, я бы поступал аккуратно, постепенно. В нынешней геополитической ситуации резко ставить вопрос о том, что Беларусь должна, как та избушка, «вернуться к России задом, а к Евросоюзу передом», вряд ли получится. Давайте представим, что завтра в Беларуси к власти приходит другой лидер – Иванов, Петров, Сидоров, Милинкевич, не суть важно. Как он сможет осуществить такой выбор? Ведь он не сможет, как в старые времена, когда важнейшие решения принимали элиты, поехать в Брюссель, «ударить по рукам» с Баррозу и Соланой, подписать с ними договор, как когда-то Гитлер и Риббентроп со Сталиным и Молотовым, да еще и скрыть от народа его суть. Думаю, что сегодня такое не пройдет, лидеру необходимо заручаться поддержкой народа. Сегодня в большинстве стран, и Беларусь вряд ли будет исключением, это осуществляется через общенациональный референдум. Значит, нужно спрашивать у людей, учитывать их мнения и настроения.

Так вот, если сегодня поставить перед белорусами вопрос ребром: «Если бы Вам пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Европейский Союз, что бы Вы выбрали?» – соотношение будет 56% vs 30%, т. е. почти 2 vs 1 в пользу объединения с Россией (в скобках замечу, что это вовсе не говорит о желании большинства наших сограждан объединиться с Россией; на прямой вопрос об объединении с Россией «за» проголосовали бы 44%, а 30% «против», а на вопрос о голосовании на возможном референдуме о Конституционном акте Союзного государства «за» проголосовали бы только 35%; но при «черно-белом» вопросе, предполагающем только две возможности, большинство белорусов проголосует все же за РФ, а не за ЕС). Поэтому если новый, проевропейски настроенный лидер сегодня поставит на референдум такой вопрос, то окажется невольным заложником его результатов. Что он будет делать потом, скажет народу: «Нет, вы ошибаетесь, надо делать по-моему»?.. Ему придется или идти против воли народа, или проводить политику, противоречащую собственным убеждениям, тому, ради чего он боролся за власть. Думаю, что любой ответственный политический лидер постарается этого избежать.

Поэтому я и говорю, что нужно действовать очень аккуратно, т. е. проводить соответствующую информационную, пропагандистскую, образовательную, организационную работу, готовить общество к этому. Люди есть люди: можно подумать, средний француз, поляк или белорус с утра до вечера ходит и только думает, куда двигаться стране – на Запад или на Восток... Большинство думает о своих повседневных делах – о семье, работе, отпуске и т. п. Напомню: когда весной 2004 г. перед «большим расширением Европы» прошла серия референдумов во многих странах, правительства готовили к этому публику несколько лет, организуя мощные кампании – культурные, образовательные, информационные. То же самое нужно было бы сделать и у нас: постепенно подготовить общество, и только потом проводить референдум.

Являются ли эти выборы взаимоисключающими? Сегодня это выглядит так, потому что, несмотря на всякие заявления и геополитические концепции, есть реальная политическая практика российского руководства. Очевидно, что оно не слишком заинтересовано в том, чтобы Беларусь и даже государства, освободившиеся от прямого российского влияния (как Украина или Молдо-

ва), уходили в Европу. При таком положении – с одной стороны Союз России и Беларуси, а с другой Евросоюз – действительно существует серьезное противоречие между возможными геополитическими выборами. Но если осуществить систему действий, о которых я сказал (а для этого нужна смена власти), то мне кажется, можно было бы найти пути решения этой проблемы. Напомню, что во время президентской кампании единый кандидат от демократических сил А. Милинкевич в своих заявлениях неоднократно подчеркивал приоритетность партнерских отношений с Россией, а его первый визит после избрания на Конгрессе демократических сил был не в Евросоюз, а в Москву.

Александр Милинкевич

Интеграция – это сегодня мировая тенденция. С Россией интеграция также должна быть, но экономическая, поскольку она нам выгодна, и никак не политическая. Независимость и суверенитет для нас несомненная ценность. Моя позиция такова: Беларусь должна интегрироваться в европейские структуры. Да, процесс долгий. И завершать его не нашему поколению политиков. А сегодня задача – максимально использовать возможности пограничного положения Беларуси, приоритетного партнёрства как соседа.

Анатолий Михайлов

Без осуществления такого рода стратегического выбора будущее любой страны не имеет перспективы. Однако этот выбор не может быть просто продекларирован. Он должен *созреть* и *произрасти*, прежде всего, в сознании интеллектуальной элиты. Но разве наше собственное сознание свободно от мифов и предрассудков идеологизированного прошлого, которыми мы слишком часто оперируем, не отдавая себе в этом отчета?

«Что следует сделать?» Прежде всего, быть критичными по отношению к самим себе. Найти в себе мужество признать совершенные ошибки. Обнаружить в себе способность быть открытыми по отношению к другим в контексте диалога. Стремиться избегать соблазна обвинять других в создавшемся по-

ложении. Приступить к реализации конкретных шагов, могущих на деле способствовать самоопределению страны. Опыт создания Европейского гуманитарного университета являлся, например, попыткой конкретного вклада в этот непростой и длительный процесс. Далеко не всегда, к сожалению, приходилось и приходится сталкиваться с должным пониманием того, что мы делали, даже там, где его можно было бы ожидать.

Алесь Михалевич

Я думаю, что СНГ будет жить вечно. Потому что оно никому не мешает. Это не есть какое-то серьёзное образование. Это образование совершенно символическое: нужен был какой-то выход из Советского Союза – несиловой, красивый, с формальным сохранением каких-то связей. Таковым и явилось СНГ.

Для Беларуси будет возникать проблема «где быть?»... Я бы, может, и не ставил вопрос так: либо Евросоюз – либо союз с Россией. Но вопрос «туда или сюда» точно есть. Либо Беларусь будет интегрирована во всё: и в экономическом плане, и в плане безопасности, в плане каждой из сфер государственного бытия – в западное сообщество, которое можно условно назвать евроатлантическим сообществом (оно включает не только Европу, но и Соединённые Штаты, и Австралию, и Новую Зеландию – те страны, которые являются «островами Европы», островами европейской цивилизации вне географической Европы), либо мы будем принадлежать к сообществу с Россией как единой, территориально целой страной. Потому что я уверен, что на переходе Беларуси в евроатлантическое сообщество процесс не завершится, и ряд народов внутри России, а также целых регионов захотят определиться в пользу евроатлантической цивилизации. Такие очень сильные тенденции уже сейчас есть в Калининградской области Российской Федерации: по этническому составу она, может, и не является особой среди от остальной России (да, там сильный компонент, большой процент белорусов и украинцев, но всё равно русские там преобладают), но значительная часть жителей этой области говорят, что они хотят быть Евросоюзом, хотят быть по ту сторону цивилизации.

Нейтральность и «мост между Востоком и Западом» – это, на мой взгляд, очень несерьёзные спекуляции, не имеющие под собой ничего основательного. Если кто-то хочет быть «мостом» – это значит, он хочет, чтобы по нему регулярно ходили, ездили, топтали. И это не самая лучшая роль.

Беларусь должна определиться: либо она в одном месте, либо в другом. На мой взгляд, будущее Беларуси – это часть евроатлантического сообщества.

Я бы не называл себя еврооптимистом – не люблю определений «еврооптимист», «евроскептик»... До того момента, пока мы всерьёз подойдём к вступлению в Европейский Союз, возникнет вопрос, будет ли существовать Европейский Союз в его нынешней форме. Евросоюз после расширения за счёт новых стран является совсем иным Евросоюзом, чем тот, о вступлении в который мечтали эти страны – Польша, Литва, Латвия или Чехия... То, что должна быть какая-то платформа для определения общих интересов внутри Европы, – бесспорно. Потому что надо максимально упрощать переток рабочей силы, переезд людей – через создание благоприятных условий с теми же визами, например. Но какой будет Европа через 10 лет? На мой взгляд, мы именно через 10 лет реально, серьёзно подойдём к моменту вступления: я имею в виду, что пройдут предварительные переговоры, мы подадим заявку на вступление и т. д. Какой будет в то время Европа – большой вопрос!

Но в этом направлении надо идти. Я не говорю, что это направление – спасение само по себе. Или что бюджет Европейского Союза – спасение для Беларуси. Нет! Но мы должны быть максимально интегрированы в евроатлантические структуры.

Татьяна Протьюко

Этот вопрос относится к политике государства: как должно вести себя государство, какое направление лучше выбрать... Дело в том, что политическая конъюнктура современного общества довольно сложная: есть проблемы в Евросоюзе, есть проблемы в СНГ. Есть проблемы так называемого «неравномерного развития стран». И моментальная политическая конъюнктура может быть довольно гибкой. В государстве всегда есть хорошие экономисты, которые

просчитают экономическую выгоду, а основываясь на ней, политики примут политические решения.

Сегодня эту гибкость использовало, между прочим, руководство Беларуси. Пользуясь тем, что у России была достаточно сильная ностальгия (и среди политической элиты, и среди электората) по советским ценностям, Беларусь предложила им эти ценности, но сама взамен взяла другие – газ, нефть. И предложила свои услуги посредника в торговле с Западной Европой. И эта довольно гибкая политика дала свои плоды: мы сейчас живём достаточно неплохо по сравнению с другими странами. Так как тот экономический взлёт, о котором сейчас любит говорить наше руководство, основывается не на развитии белорусской промышленности, новых технологиях, а на том, что мы занимались своего рода «государственным бизнесом».

В гибкости руководства нашей страны есть определённый политический цинизм: будет выгода – оно будет за европейские ценности, будет доход с чего-то другого – оно будет идти в Россию и радеть об интеграционных процессах.

Как должно быть направлено гражданское общество – вопрос более сложный. Беларусь – именно на изломе различных подходов к жизни, различных систем ценностей, различных религиозных конфессий. И есть много других сфер, где мы имеем границы, разделение на то и на это. Поэтому сказать, что у нас должно быть что-то одно, – это значит присоединить нас к чему-то и поставить проблему перед той частью, которая видит себя по другую сторону черты, в другой системе. И я не думаю, что это было бы очень необходимо и принесло бы пользу Европе или даже тому же «славянству». Может, мы так и останемся мостом между теми и другими, потому что мы достаточно хорошо понимаем недостатки и той и другой сторон и видим лучшее, что есть у тех и у других. И мы можем помочь этим цивилизациям общаться друг с другом на благо всего человечества – увеличивая то, что хорошо, и уменьшая то, что плохо.

Андрей Санников

Я уверен, что Беларусь должна быть только в объединённой Европе, в Евросоюзе. Только формально закрепив свою «европейскость», мы можем

достичь белорусского возрождения. Для меня абсолютно бесспорно, что только там мы можем стать белорусским государством.

На сегодняшний день это взаимоисключающие выборы. СНГ скончалось, и это очевидно даже из того, что происходит между государствами так называемого СНГ, из того, что они пытаются создавать другие организации, которые я даже не могу перечислить, – ЕврАзЭС, таможенные союзы, ШОС... Теперь можно заметить два центра. Первый – Россия, от которой идёт всё то, что я перечислил. Другой центр (тоже не очень удачный) – ГУАМ, Сообщество демократического выбора. Это пока что не очень удачные, но всё же попытки – я не думаю, что что-то против России либо чтобы изолировать Россию, – на европейских ценностях сделать что-то, пока бывшие республики СССР не определились окончательно с выбором.

Для меня выбор однозначен – Евросоюз. Относительно ценности всего остального для Беларуси я не могу согласиться. Для Лукашенко это игра. А белорусы попросту не получают информации.

Даже не об информации речь. В странах, где сразу после получения независимости решили идти в Евросоюз (страны Балтии), проводились кампании, чтобы разъяснить людям. Если даже не стоило убеждать людей, такие кампании всё-таки были нужны для того, чтобы люди сознательно сделали свой выбор. Если у нас будет свобода, тогда можно говорить, чего хотят белорусы – быть с Россией, быть в каком-нибудь СНГ или быть в Европе. Прежде всего должен быть выбор просвещённый, а не тот, который базируется на дезинформации и пропаганде.

Для меня ясно, что никакой союз с Россией (подчёркиваю – никакой!) не будет направлен на поддержку демократического и независимого белорусского государства. Поэтому если речь идёт именно о белорусском государстве, это может быть только в Европе и в НАТО. Потому что должны быть определённые гарантии безопасности, гарантии независимости и возможности сознательно делать выбор, которые сегодня может нам дать только НАТО. Не надо слушать пропагандистской ерунды о НАТО, а надо осознать, что членство в этой организации защищает независимость государства и позволяет участвовать в международных процессах и влиять на них. А то, что Россия отрицательно

относится к возможному нашему членству в НАТО, так для меня это показатель непризнания независимости и демократического развития Беларуси. Россия спокойно согласилась на вступление в НАТО стран Балтии именно потому, что была вынуждена признать их независимость.

Владимир Улахович

Стратегическая задача (вызов, выбор, главное противоречие текущего исторического момента) для Беларуси состоит, если говорить упрощенно, в выживании, постепенном строительстве собственной государственности.

Валерий Фролов

Мы находимся на цивилизационном изломе, и нам нужно стратегически, принципиально выбирать: или мы с Западом, у которого свои ценности, до которых нам еще расти, или с Россией. Если взять последние 300 лет, то, наверное, мы ближе к России. Наш славянский менталитет, наша религия, наша общая история, даже где-то близость языков, колоссальная экономическая связь... Нужно что-то выбирать! Я, в общем, сторонник того, чтобы мы были в достаточно тесном союзе с Россией. Безусловно, чтобы и Россия несколько другая была. И мы никоим образом себя не противопоставляли бы Европе, находили бы точки соприкосновения. Да, ни они не плохие, ни мы – мы просто разные. И не надо обезьянничать и быть больно похожим: мы такие, какие уж есть.

Поведение России, процессы, которые там происходят, неоднозначны. Есть стремление России чувствовать себя влиятельной страной. Нас хотят за уши притащить, а нужно, чтобы те страны, которые входили в Советский Союз, по добромутяготели к России, реально видели бы, что в ней происходят серьезные изменения, и видели смысл и результат от взаимодействия с Россией. Газовые войны и прочее (а прочее, наверное, всё-таки главное, и очень многое прочее хотят определять США) приводят, наоборот, к тому, что и Грузия, и Молдова, и Украина решают: лучше в своей хатке, пусть и небольшой, жить. Вот в чем проблема! Можно критиковать руководство России за это, но я думаю, что после

10 бесшабашных лет, после Ельцина, при тех определенных традициях, которые там сложились, повернуть Россию к демократии в европейском понимании, наверное, достаточно сложно даже при стремлении российского руководства. Поворачивать можно человека, который достаточно спокойно себя чувствует. Думаю, в России еще очень много проблем и достаточно сложная ситуация.

Стратегически, я думаю, Россия наш союзник. Время, в которое мы живем, не способствует осознанию и прочувствованию этого: республики СНГ, как малые дети, разбежались, и, пока (особенно руководство этих республик) не нашкодят, не нахулиганят, опьяненные свободой, трезвой оценки ситуации мы не дождемся.

Станислав Шушкевич

Выбор стоял, стоит и стоять будет. Мне кажется, взаимоисключающий выбор – это если очень категоричная форма. Между категоричной формой «быть российской колонией, непосредственно граничащей с Россией» и «быть европейской страной». Вот такой категоричный выбор! Но это категоричный выбор с точки зрения, я бы сказал, российских «ястребов», которые хотят навязать определённый тип отношений – фактически патерналистский, командный. Это абсолютно неприемлемо.

Что бы мы ни делали сегодня, последнее столетие образовало Запад и Восток, Россию и Евросоюз. И если мы будем присоединяться к тому или другому, нам будет плохо. Мне кажется, что было неплохо сформулировано ещё в 1990–1991 годах: Беларусь – как страна, имеющая опыт государственности, как страна, имеющая свою интеллигенцию, – способна стать нормальным нейтральным государством и в политическом, и в военном смысле. Но, чтобы стать такой, с этим должна согласиться Россия и должна согласиться Европа. Что касается Европы – тут проблем нет. Что касается России – тут проблема есть. И если бы Европа и Соединённые Штаты стали гарантами белорусского нейтралитета... Подчёркиваю: политического и военного, потому что об абсолютной нейтральности говорить нечего. О нейтральности Швейцарии, обусловленной её географическим положением, тоже нечего говорить. Но можно говорить

о развитии нейтральности в финляндском смысле, когда была гарантия со стороны Советского Союза и Соединённых Штатов в смысле нейтральности. Были гарантии Финляндии и Австрии. Мне кажется, что это самое логичное состояние. Резкий перепад – то ли в НАТО, то ли в новый Варшавский договор – одинаково плохо для Беларуси. Я не являюсь сторонником вступления в Евросоюз, в НАТО. Я сторонник НАТО в том смысле, а каком НАТО предъявляет претензии к самим государствам. Но против того, чтобы Беларусь была военным членом НАТО, – это неприемлемо! Ещё раз подчёркиваю: мы на водоразделе – политическом и военном, и наилучшая ситуация – дружеские отношения с Европой и Россией.

Когда Беларусь была провозглашена безъядерным государством, были гарантии со стороны США и России. Но они были преимущественно как декларативная часть в двусторонних соглашениях. Не было такого договора о статусе, как был договор об Австрии, договор о Финляндии. К этому мы стремились, но не доросли. Я бы сказал, что российские усилия это перебили. И после это фактически подтвердила доктрина, которую предложил российской власти карагановский Совет по внешней и оборонной политике. Фактически российская внешнеполитическая доктрина, принятая в 1999 году, сгладила формулировки карагановского предложения. Я говорил на встрече с Карагановым: «Как так можно? Вы теперь так хорошо относитесь к Беларуси, а что предложили?» Что они предложили? «В Беларуси и других бывших республиках Советского Союза развиваются процессы национального самосознания, самоидентификации. И чем раньше мы эти процессы остановим, тем дешевле нам будет стоить победа». Вот такие имперские порывы!

К счастью, Караганов после отступил от этого. Фактически он как бы принёс извинения, говорил: мы там многого не знали, не видели... Караганов опытный человек, он мог отступить. А что касается остальных, то они неотступно идут по этому пути: Беларусь – это часть России, а белорусский язык – это «русское наречие». Это чисто колониальная имперская политика, не имеющая под собой серьёзной почвы. Только нахрапистость...

Всеволод Янчевский

Насчет СНГ не буду говорить, потому что об СНГ и сказать-то нечего. И создано оно было странно, и существует как-то... По его поводу остается только разводиться руками. Может быть, для каких-то нестратегических вещей оно и необходимо, но это второстепенные вещи.

Всё это странно, и СНГ мы оставляем в стороне.

Беларусь оказалась между двух интересных субъектов, которые оба находятся в глубоком кризисе, – между Россией и Европой.

У России очень туманная судьба. На полном серьёзе ведутся разговоры о том, что есть огромный риск развала Российской Федерации как таковой. Есть огромная проблема азиатской части России – ненаселенной, самодостаточной по своим ресурсам и всё более ориентирующейся на Китай. Есть огромная проблема России, связанная с нефтью. Нынешние нефтедоллары губят Россию, может быть, даже сильнее, чем губил развал 90-ых. Успокоенная и убаюканная очередным нефтяным дождем Россия упускает шанс исправить ошибки 90-ых; стратегически ничего не производится для того, чтобы сделать технологический рывок и вывести страну в XXI век. Нефтегазовый наркотик ужасен! И есть опасность, есть величайший риск, что он может Россию доконать.

На белорусскую модель, кстати говоря, не зря смотрят очень многие в России. Как бы то ни было, но белорусская модель – это модель мобилизации общества. Мы существуем за счет того, что мы производим, а не за счет матушки-природы. Мы выживаем сами. Сама жизнь заставляет нас проводить более грамотную, более поворотливую политику – у нас нет ни черноземов, ни «самотлоров».

«Проект Лукашенко» – это мобилизационный проект. В этом самый главный его плюс: это проект развития.

Страна последовательно прошла этап отхода от пропасти, стабилизации и постепенного развития. Да, нет еще бурного развития. Но бурное развитие – следующий этап. Я надеюсь, что он осуществится, ведь «болевые точки» президент нащупывает очень точно: говорит о дебиюрократизации государства и экономики. Это те существенные минусы, которые у нас действительно есть.

На это, правда, можно возразить, что нельзя бюрократическими методами освободиться от бюрократии. А какими методами дебюрократизировать? Государство всегда остается государством, оно всегда действовало бюрократическими методами. Даже рыночные реформы изначально проводятся тоже БЮРОКРАТИЧЕСКИМИ методами.

К тому же есть примеры экономик азиатских авторитарных режимов (Сингапур, Малайзия и пр.). Успехи там налицо. Но заметьте! Политический режим – авторитарный (и по жесточе, чем у нас), а экономика – отнюдь не либеральна. Отнюдь! В экономиках азиатских тигров были очень существенные элементы либерализма, но были и очень существенные элементы контроля – и всё это очень хитро сочеталось.

Мне думается, президент Лукашенко идет именно этим путем (естественно, с поправкой на нашу специфику).

Думаю, что если бы Россия многие вещи делала так, как делает Беларусь, то это был бы для России шанс. Может быть, это даже единственный путь, которым Россия могла бы идти.

Но Россия продолжает следовать прежним курсом, беря худшее и из печального опыта СССР, и из не менее печального опыта 90-ых. Из советского наследия современная Россия оставила себе наркотическую нефтегазовую иглу (не позволяющую ей сделать технологический рывок) и сверхмонополизацию экономики. А от 90-ых сохранилась кланово-олигархическая система (она к тому же еще и укрепилась) плюс дичайшее социальное расслоение общества.

А Беларусь, отдавая должное почтение СССР (и не устраивая танцы на костях поверженного коммунизма), двинулась дальше. Президент Лукашенко реально уводит страну от самого страшного порока советской системы – от тотальной сырьевой зависимости. Беларусь делает ставку на высокие технологии, науку и информацию. Мы идем путем Сингапура и Малайзии, а не Нигерии или Эквадора.

Да, у нас нет приватизации. И замечательно! Пусть вырастет то поколение здешних бизнесменов, которое готово заплатить, а не взять даром. Пусть придут (не сегодня – так завтра, не завтра – так послезавтра) западные бизнесмены, которые готовы заплатить, а не – опять-таки! – взять даром. Пусть россияне

сюда приезжают и уезжают ровно столько, сколько им нужно, но если они хотят что-то делать – пусть они платят реальную цену.

Почему никто в оппозиции не ставит огромные плюсы президенту за то, что он просто не отдает каким-то негодьям задаром то, что им не принадлежит? Меня все время смешат оппозиционеры, которые укоряют: «Запросили за Белтрансгаз несусветную цену». А какую цену должен просить президент государства? Высокую! Радуйтесь, что он не запросил дешево. Мы должны президента государства обвинять и критиковать тогда, когда он дешево кому-то что-то продает. Если он пытается продать дорого – это очень хорошо!

Даже Ющенко вместе с Тимошенко показали, что «Криворозжсталь» можно было продать в пять раз дороже. Я не являюсь сторонником «оранжевых», но это замечательная была акция: она экспериментально доказала, что на просторах Украины, России и, в значительной степени, Восточной Европы произошел грандиознейший обман всех и вся. То, что можно было отдать за реальную цену, за реальные деньги (пусть даже западным бизнесменам!), то, что можно было продать честно и на открытых аукционах, отдали своим. И поэтому чубайсовская идея, что собственник распорядится лучше, не сработала. Потому что весь вопрос в том, *какой* собственник.

Да, собственник, который сам это создал, распорядится лучше. Да, собственник, который нечто купил и заплатил за это реальную цену, распорядится лучше. Но собственник, который получил даром, – это продолжение советской коммунистической системы в новых ее формах.

Россия пошла по естественному пути эволюции советской системы: номенклатура решила объявить себя властью уже и материально, т. е. приватизировать открыто то, чем раньше она управляла «от имени народа».

Беда нынешней России даже не в том, что справедливости нет в обществе. Беда в том, что новые собственники не действуют эффективно, а транжируют и паразитируют на том, что они не заработали.

Американская собственность так не выростала. Происходил естественный отбор: тот, кто мог создать фирму, самим фактом её создания показывал, что у него мозги работают так, что он может делать это дело. А когда вы просто отдаете завод любому человеку на улице (или бандиту, или бывшему чиновнику),

что он сделает с этой собственностью? Очень мало хорошего, потому что он не приспособлен к этому.

И в России, и на Украине пришло очень много таких вот неподготовленных и полуподготовленных людей. Они отлично умели захватывать что-то, но не умели им распорядиться. Люди, которые зарабатывали бы это всё сами, были бы на порядок эффективнее. Или западные собственники, которые заплатили бы реальную цену, были бы тоже на порядок эффективнее.

Поэтому нам нечему учиться у России.

Мы в очень сложном положении – между стареющей Европой и тяжело больной Россией. А потому наша тактика может быть только одной – ситуативность: каждый день смотреть, что выгодно нашему государству. Так действует Лукашенко. Позиция абсолютно разумного прагматизма!

Очертя голову бросаться туда или сюда нам нельзя! Ющенко абсолютно неправ, когда говорит: «Украина пойдет в Европу». Для того чтобы Украине пойти в Европу, ей надо проделать путь длиной лет в 10–15 минимум, может быть, больше. Все говорят, что это сложно, долго и т. д. Но не это главная проблема.

Я поставлю вопрос по-другому: а какой Европа будет к этому времени?

Это ошибка очень многих политиков. Люди мыслят статично, но мы живем не в каменном веке и не в средневековье. Мир меняется очень быстро: на протяжении не то что поколений, а 5–10 лет он может измениться кардинально. Измениться может вообще всё полностью.

Мы же все хотим стабильности и предсказуемости. И хотим строить планы на годы вперед. Это главное противоречие современного человека. Это ужасающее противоречие между природой человека (часто стремящегося к покою) и стремительнейшим темпом порожденной им цивилизации, суть и дух которой – это динамика, изменение. Здесь всё делается ради изменений, здесь всё меняется. И человек не поспевает. Может быть, когда-то это колоссальное противоречие разродится каким-то огромным катаклизмом для всей нашей цивилизации.

Мы всё не можем привыкнуть к этому темпу, нам всё хочется построить какие-то долгосрочные прогнозы. Но постепенно мы вступаем в период, когда долгосрочные прогнозы вообще будут невозможны.

Как можно наметить цель в абсолютном тумане? Более грамотно – двигаться «в пределах видимости». И только в пределах видимости. И не загадывать на годы вперед.

Советский Союз это, кстати, и погубило: очень любили загадывать на дальние перспективы и не предугадали собственную гибель.

5. Существует ли белорусская идентичность? Если да, то что ее определяет? Что такое белорусскость? Что значит быть белорусом?

Ольга Абрамова

Если не скатываться на «ура-патриотические» лозунги, то быть белорусом – значит, чувствовать свою принадлежность к этому пространству. Быть белорусом – это, бывая в других странах (даже в самых замечательных), на третий день хотеть домой. Быть белорусом – это постоянно носить Беларусь в душе, чувствовать, что это – твоё, вместе со всеми недостатками, вместе со всеми проблемами. Тебе хорошо здесь так, как не может быть нигде больше. И тебе плохо здесь бывает так, как нигде больше – потому что это твоё и ты переживаешь за всё, болеешь за это.

Ну, а красивой белорусской природы просто нет! Это то, что лечит душу, когда плохо. Заниматься в Беларуси политикой – очень стрессогенное дело. Иногда ощущение такое, будто ты плывешь в болоте. И лечит душу не только общение с близкими людьми, друзьями, но и общение с нашими лесами, нашими озерами, нашими водными просторами, независимо от того, какая погода.

Нас не зря иногда называют «ландшафтной» нацией (говоря о нации, я не имею в виду то, к какой этнической группе принадлежит тот или иной человек). Сам характер наших ландшафтов обуславливает некоторую созерцательность мироощущения, может быть, меньшую готовность к действию. Больше умеренности во всём, отсутствие склонности к радикализму, к жёстким решениям и целый ряд других вещей, если рассматривать в целом, как доминанту.

Я два года назад опубликовала в Москве свой анализ белорусского национального характера, где заодно показала, на что можно рассчитывать на этом поле, а на что – нет. Без ломки национального характера (а такие процессы рассчитаны на века) резкое изменение внутривнутриполитической ситуации просто невозможно. Потому что это не вписывается, не относится к тому, что могут принять большинство людей, живущих на этом пространстве. Я постаралась дать некую политическую философию того, что здесь возможно и что невозможно.

Почему американцы посчитали возможным после Второй мировой войны затратить время, усилия, значительные средства для того, чтобы разработать модели адаптации демократии для населения Германии и Японии? Так, чтобы это было долговременным – не искусственно привнесённым, а чтобы это постепенно вошло в плоть и кровь общества. И почему с таким, может быть, неосознанным высокомерием относятся в этом плане к Беларуси? Беларусь – уникальная страна. Если пересмотреть всю политическую историю региона, то некоторое сходство мы можем найти только со словаками.

Вообще, белорусы – уникальный народ, и они дадут не 100, а 1000 очков вперед каждой европейской нации по части выживаемости. Белорусы выживают в любых условиях и способны адаптироваться практически к чему угодно. Отсюда высокомерие в отношении сравнительно небольшой европейской страны, нежелание считаться с тем, что мы здесь имеем и от чего надо идти... И если взаимодействовать и предлагать систему ценностей, то надо ее органично вписать, вплавить в национальный характер, адаптировать их взаимно друг к другу. Ведь одной формы демократии не бывает – у каждой страны свой путь и свое направление развития демократии. Это то, с чего надо было начинать. И об этом почему-то никто не хотел думать, и никто не считал нужным этим заниматься. Может быть, хотя бы сейчас начнём?

Светлана Алексиевич

Появление Милинкевича на минувших выборах привело меня к мысли, что начинается формирование белорусской идентичности. Это был уже образ бело-

русско-польского интеллигента. Предыдущие образы председателя колхоза или советского номенклатурного руководителя уходят в прошлое.

Однако хотелось бы отметить, что этот образ складывается в противостоянии Союзу: люди определяются на фоне «цветных революций».

Образ этот пока еще не стал достоянием массового сознания, он остается приобретением культурных слоев. Его принимают и создают студенты, интеллигенция, а простой народ все еще не принял.

Причина того, что так затянулся процесс формирования национального образа, в том, что эту работу делают только энтузиасты. Власть не делает эту работу! Но такая задача не для кучки людей, какими бы благородными целями они ни руководствовались. На формирование образа должны работать и власть, и СМИ... Если бы у нас была хотя бы такая ситуация, какую мы имели во времена Шушкевича и Кебича, эта задача давно бы решалась.

Нужна программа, именно система взглядов, круг идей. Сейчас это все не привлекается в народное сознание. Этим должна была бы заниматься власть. А вместо того она культивирует какую-то грубую патриархальность.

Всё выглядит очень зыбко. Мы опоздавшая нация.

Евгений Бабосов

Белорусская идентичность как раз и есть *беларуская нацыянальная мова*. У нас лучше, чем в русском, сказано – «матчына мова». Когда мы говорим «материнская мова» – это матерщина в России, а у нас – «матчына мова»! Надо знать и любить «матчыну мову» и «мой родны кут, як ты мне мілы». Вот это белорусскость. Я называю ее «белорусскость», у Янки Купалы это «беларушчына». Белорусская идентичность – это понимание себя «беларушчынай». Это от Купалы идет. «А хто там ідзе, а хто там ідзе?» – вот откуда это начинается. Сто лет назад как раз. Вот это «Кем нам зваться? – Белорусами» – как раз белорусская идентичность. Понимание себя белорусами, которые живут в Европе, которые имеют свои национальные корни, свои национальные традиции, свои обычаи, свои обряды и всё, что хотите, – в этом есть идентичность. Есть у нас и Дзяды

– есть у нас и Радуница. Это важно! У нас и одно и другое есть! У нас католическая Пасха и православная Пасха одинаково важны.

Оставаться самим собой – это, думаю, и есть белорусская идентичность. «Матчына мова», наша «Айчына», наше государство, наша самостоятельность, наша самобытность – и есть идентичность. Ее определяет принадлежность к корням и наслаивание на корни, не вырубая ничего – ни в культуре, ни в образовании, ни во всех остальных сферах, которые менее национальны. Скажем, техника одинакова – трактор везде одинаков.

Я выступал на одной конференции, употребил слово «белорусскость». И ректор мединститута мне говорит: «Как это может быть – белорусская кость?» Он даже не знает, что такое белорусскость... Почему есть польскость, есть русскость – есть такое понятие! – почему не может быть белорусскости? А вообще это «беларушчына», как сказал Янка Купала когда-то.

Анжелика Борыс

Наверняка существует. Но белорусы еще должны ее осознать. Говоря «белорусы», я имею в виду также проживающих на Беларуси поляков, которые являются в Беларуси коренным населением и должны участвовать в формировании этой идентичности.

Ирина Бугрова

Безусловно, она еще проходит некие процессы становления. Я не могу сказать, что сегодня уже белорусов можно считать сформировавшейся нацией, нет. Потому что очень много значит идентичность на уровне государства, государственная идентичность. И не только как идентичность, очерченная границами, хотя и здесь у нас есть проблемы: с одной стороны мы размываемся, идет очень сильное давление, сильное влияние России. Причем оно очень политически конъюнктурное, отсюда и такие проблемы. На уровне государственной идентичности, на уровне выстраивания конвенционального сознания: моего согласия

с системой ценностей и правовой системой, которую государство устанавливает для этой территории. И даже здесь видим разделенную страну.

Поэтому сегодня очень трудно определить идентичность для белорусов, учитывая, что и политическая идентичность играет значительную роль в становлении идентичности. А раз есть разделенное общество, разделенная страна (часто практически на противоположные ценности) – значит, часто мы говорим: увы, сегодня с идентичностью до конца не получается. Но в целом государственная политика – с определенными идеологическими акцентами, с символами, воздействием средств массовой информации – создает некое странное явление «идентичность без идентичности». Она описана в литературе: человек внешне привязывается к каким-то символам, а внутренне не ощущает себя ни ответственным, ни «продуктом» этих символов. И надо сказать, что психологи, которые исследовали проблему индивидуальной идентичности, говорят, что люди, которые страдали «идентичностью без идентичности», часто испытывали психологический шок после того, как такая идентичность распадалась: менялись символы или еще что-то перекраивалось. Я думаю, что с народами тоже могут такие неприятные вещи происходить. В этом плане, я считаю, вкладывается сегодня какой-то вариант идентификации белорусов. Самых главных идентификационных факторов сегодня два. Первый – внешняя дистанция от других государств и народов: очень много идет сравнительного материала, часто слишком негативного. Тогда белорусы начинают думать: а кто мы? Вот эти культурные дистанции формируются в большей или меньшей близости с кем-то. Если вы заметили: как только российская политика меняется в сторону давления на Беларусь, сразу же меняется и белорусское общественное мнение в сторону большей дистанции от России. Это говорит, в принципе, о том, что белорусы не готовы к таким союзным тесным отношениям. И надо сказать, вопреки официальной пропаганде не испытывают такой уж колоссальной братской любви. Это мистификация! Наоборот, из исследований психологов, которые до Бердяева писали, известно, что культурно близкие народы (лингвистически близкие) часто нуждаются в том, чтобы отталиваться, находить разность, находить дистанцию – чтобы чувствовать себя комфортнее. Они не бросаются в объятия, а наоборот – ищут различия. Тогда идентификационный процесс интереснее.

Второй фактор – экономический. Не этнокультурный, не культурологический, а именно экономический! Через экономический фактор возникает национально, этнически интересный элемент – тип ведения хозяйства белорусов. Это вопрос формы экономики, это вопрос развития каких-то локальных сообществ на каком-то уровне и т. д. Через экономику появляется и возрождается то, что связано с этносом и культурой. Очень интересные процессы сейчас происходят, хотя они, к сожалению, мало кем исследуются. И вообще, очень мало социологических работ, посвященных этим проблемам, – раньше было гораздо больше.

На мой взгляд, пока еще идет процесс идентификации. Он гораздо более явный, чем был раньше, но пока я не могу сказать, что есть белорусская идентичность и она именно такая-то.

Я не говорю, что такой идентичности нет вообще – идет процесс. Что-то экономическое накапливается количественно, дальше идет ощущение себя каким-то этносом, каким-то народом: «Почему мы такие? Мы не хуже!»

Когда я работала в Европейском гуманитарном университете, к нам очень часто приезжали французы и немцы. И мы создавали идентификационные образы: как один народ представляет себе другой – в каких выражениях, в каких символах или ключевых словах описывает. Надо было описывать другой народ, а потом – идентифицировать себя. Самая негативная идентичность была у белорусов. Они себя описывали как закрытые. Иногда вырывались такие противоречия, как независимость и в то же время конформизм, склонность к тому, чтобы спрятать голову, как страус, и т. д. Звучали такие ключевые слова в описании, как «балота», «партизаны» и еще что-то такое. Наверное, не скажешь, что это хорошо. Создается образ: где-то в болотах сидят партизаны и т. д. Сами же люди трактовали себя так! Т. е. очень часто люди не видели себя как народ, который создает что-то историческое, который является творцом, который признают. Очень важно, чтобы тебя признавали! Мне кажется, что сейчас в этом пространстве появляется желание, чтобы нас признавали. Причем признавали не только как государство, но и как народ, который может сказать свое слово, может внести свой факт культуры и который может показать себя

как независимый, демонстрирующий какие-то иные ценности в области социальной политики.

Мы сейчас видим не только, как государство представляет Беларусь, не только образ, созданный через официальную пропаганду и официальные представительства. Мы видим сейчас и некоторые попытки определенных групп в определенной среде создать иной образ Беларуси. Я говорю не только о [Октябрьской] Площади, я осознанно говорю о другом. Например, о таких моментах, когда мы видим в науке определенные интересные аспекты, совершенно неожиданные. Люди говорят: да, мы белорусы, у нас есть очень интересная компьютерная культура, мы занимаемся туризмом... Понимаете, сейчас туризм поощряет то, что люди давно хотели делать сами. Это такая локальная гордость: вот это – у нас в Беларуси, это наши озера! Я удивилась, когда познакомилась с людьми, занимающимися краеведением и пытающимися создать настоящий, земной патриотизм – исконный, а не «квасной», как в России говорят. Я могу сказать, что есть ощущение, желание гордости, видения своей земли как достойной быть увиденной, услышанной, признанной в Европе. Для меня это очень важно! Поэтому нельзя сказать, что в обществе возможна только политическая идентификация. Я еще раз хочу сказать: политика – это квинтэссенция того, что происходит до политики. Если бы не было многих лет становления в сложной, противоречивой гамме этого чувства идентичности («я отвечаю за это государство»), то, может быть, ничего не произошло бы и в политике. А всё-таки мы увидели: выборы были очень необычными. Мы увидели очень интересные тенденции, которые, если их не замечать в Беларуси, можно пропустить главное.

У нас часто говорят: «Ой, Европа! Она хочет сделать Беларуси плохо». Это несусветнейшая и невероятная глупость! Когда бываешь в других странах и много общаешься с людьми, то, безусловно, чувствуешь, что они хотят видеть просто людей, которые могут говорить о себе и говорить в полный голос. И ради Бога, политика политикой, но на этом зацикливаться невозможно.

Генадзь Буравкин

Мне кажется, что есть. Другое дело, что это очень тонкие материи и их определить не так просто. Что такое белорус... А что такое француз? Из чего он состоит? Из ощущения своей неповторимости, своего достоинства, из ощущения своей истории. Так и белорус! К сожалению, до этого времени в массе ещё этого у нас нет. И наши беды многие сегодняшние идут как раз от того, что белорусы ещё не ощутили себе цену как нации, как народу, не ощутили необходимости некоторых ценностей – необходимости своего национального государства, необходимости своей национальной политической жизни, куда включается уважение к истории, место родного языка как государственного, демократические институты и т. д. К сожалению, этого белорусы пока что не прочувствовали. Того, что Европа во многом (а может, и в преимущественном большинстве) уже прошла. Мы этот период ещё не прошли. Беда в том, что сегодняшняя наша власть, вместо того чтобы помочь нам хотя бы с опозданием, но достойно, без экстремизма, без радикализма пройти данный этап осознания, самоидентификации, не способствует этому, а наоборот. Власти будто бы выступают против политической глобализации, но посмотрите, что они делают! Они, наоборот, тщательно поддерживают то, что делается во всём мире, – выравнивание различий, космополитичность. Другое дело, что они поддерживают не процесс всемирный, европейский, а какой-то региональный. Прежде всего имеется в виду ориентация на Россию, беспримерная, уникальная русификация, ложь, если говорить об истории, вместо того чтобы достойно отдавать ей должное.

В истории всякое бывало. Надо сегодня, будучи разумными образованными людьми, трезво всё оценивать. Да, Александр Суворов был великим русским полководцем, но для Беларуси это был один из страшных кровавых палачей. И пускай Россия ценит его талант полководческий, но мы в Беларуси не должны. Неужели мы можем простить абсолютно невинную кровь наших предков, которую рекой пролил на нашей земле этот военачальник? А мы его, простите, ценим, музей тут держим, колхозы его именем называем, улицы в городах. Вот когда мы, отдавая ему должное как российскому полководцу, его

полководческому таланту, Суворова поставим в истории российской, а в белорусской истории мы его поставим как палача, как одного из самых кровавых палачей, прошедших по нашей земле, этим самым мы нисколько не навредим нашим взаимоотношениям с русскими. Если они разумные люди, то нас поймут. А если неразумные, то стоит ли нам перед ними склоняться и переписывать или подправлять свою историю?

Если так спокойно произойдёт самоидентификация белорусская, то белорусы поймут, кто они такие. Сегодня белорусы ещё не понимают, что такое белорусы. Потому что мы вспоминаем: «Я – мужик-белорус, пан сохи и косы». Да, на каком-то этапе так было. А теперь уже белорусы – паны и чего-то более серьёзного: история идёт. И очень неправильно, что мы привыкли в советское время всё приписывать «вождям», как писал Маяковский. Если произошёл какой-то экономический рост или что-то хорошее, мы всё это обязательно связываем с вождём. Тем самым себя унижая: это ведь всё сделано людьми! И на заводах если люди хорошо трудились или на полях – это прежде всего их заслуга. Другое дело, что руководитель, в силу своего положения, может либо способствовать процессу, либо мешать или замедлять его. Но не его это достижение. Прежде всего это успех тех, кто трудится, а потом уж его. А у нас этого понимания ещё нет. Люди готовы отдать свой труд в заслугу кому-то другому. Когда мы научим людей достоинству: то, что я сделал, должно быть оценено... Как писал Твардовский о Василии Тёркине, «обеспечь, раз я достоин!». Пока этого нет.

Для меня дорого в белорусском характере то, что белорус очень искренне (может быть, не так быстро, как другие) откликается на чужую беду: он, по-народному говоря, довольно жалостлив. Если всё идёт на равных во взаимоотношениях с другими народами – превосходно. Если же эту белорусскую жалостливость, доброту некоторые используют совсем по-другому, то от того многие наши беды, потому что мы терпим то, чего другие народы не потерпели бы. Мы терпим издевательство над нашим белорусским языком, когда его с высоких трибун передразнивают. Представляете, если бы такое было в Грузии? Я не за то, чтобы так поступать, как некоторые грузины, – сразу в морду, как говорится. Но ставить на место тех людей, которые так делают, надо.

Белорусам в их национальном характере почему-то не хватает решимости, не хватает силы, воли, достоинства прежде всего. Белорусский характер в принципе очень добрый, славянский. Я подчёркиваю – славянский. Мы в славянском мире, от славянства взяли очень много. Более того, это уже давние утверждения и относительно языка, и относительно других параметров национальных, что белорусы, может, сохранили больше всего хорошего, чистого и древнего из славянских традиций у себя: в своём языке, в своём характере, в своих обычаях, в своём быте. И это хорошо!

Белорусам есть чем гордиться и с чем разбираться в самих себе. Прежде всего, повторяю, белорусы должны это с собой сделать, а после то, что они выкристаллизовали, признали, «утвердили», выносить в свет, на вече народов. Да, «свой пачэсны пасад між народамі!» Мы ещё до сих пор не поняли, что у нас такое место есть, оно почётное и не надо никому позволять на наше место садиться. Это наше место! Мы должны его занять. То, что сказал Янка Купала, к сожалению, многие белорусы, хотя официально и называют Купалу пророком, ещё не осознали. Каждый белорус должен осознать «своё почётное место среди народов». И никому не надо это место отдавать. Не вернёшь, конечно, в белорусскую литературу Достоевского, ставшего классиком русской литературы, не вернёшь Мицкевича, ставшего классиком польской поэзии. Но места своего всё равно никому уступить не надо.

Алесь Бяляцкий

В принципе, существует. Это есть и на уровне подсознательном, и на уровне бытовом, на уровне традиционном. Впервые я это довольно сильно почувствовал, когда был в армии: я шёл туда уже как сознательный белорус. Интересно было, как сбивалась наша белорусская компания и насколько мы всё же отличались от других национальных групп – от русских, украинцев. Я уж не говорю о более далёких группах.

Она есть и особенно чётко видна, когда люди группируются в мультинациональных сообществах, – тогда это очень чётко проявляется. Здесь, в Беларуси, она, может быть, не слишком видна для нас, но достаточно хорошо видна ино-

странцам, приезжающим сюда. Они тоже определяют, что Беларусь – не Россия, что Беларусь – не Украина. То же касается и людей, обычаев, традиций и т. д.

Что определяет эту отличительность? Наверное, традиции. Национальные традиции, традиции общества, которые есть на сегодняшний день. Они, конечно, сильно унифицированы (потому что процесс унификации достаточно силён), но в то же время они остаются определяющими. То, что воспитывалось поколениями, веками... Почему, например, когда ты видишь чёрного кота, ты плюёшь через левое плечо? Ты ведь не думаешь об этом. Или почему, например, когда ты здороваешься с человеком через порог, ты стараешься перейти и поздороваться с ним там, или он инстинктивно переходит? Ты тоже об этом не думаешь, потому что оно просто есть. Таких моментов, которые мы просто не замечаем, когда делаем, существуют сотни, тысячи. Со стороны они заметны – для других. А мы об этом не думаем.

Александр Вайтович

Несомненно, существует белорусская идентичность. Её определяют язык, культура, менталитет, традиции белорусов. Отсюда следует одна очень важная задача – беречь и хранить язык. А белорусскость (быть белорусом) – это и есть понимание, сохранение и развитие нашей идентичности и работа на пользу нашего отечества и его граждан.

Андрей Вардамацкий

Идет процесс формирования белорусской идентичности. Если говорить о белорусской идентичности сейчас, то главным является не ее сформированность, ее существование, факт ее наличия, а процесс ее создания, быстрый процесс ее создания и формирования.

Я не буду говорить о формировании на ценностном уровне, я могу сказать на уровне результатов общенациональных социологических исследований, которые мы проводим. Они заключаются в том, что войти в состав какой-либо другой страны хотели бы 4–5% населения Беларуси. Такое количество людей

хотели бы войти в состав, например, Российской Федерации на правах субъекта. Если такое есть – значит, можно говорить о наличии идентичности.

Описание ее – очень сложная задача. Очень легко отдифференцировать между собой национальные характеры скандинава и итальянца: там различия очевидны. Но очень трудно описать отличия белоруса от русского: это очень близкие национальные характеры. Однако мы понимаем, что разница существует, и можно называть какие-то характеристики. Разница существует в мягких формах – не так, как между медленноватыми скандинавами и экспансивными итальянцами. Но разница между русскими и белорусами на уровне национального характера существует.

Винцук Вячорка

Естественно, существует. Нормальная, полноценная национальная идентичность со всеми составляющими. В том числе – особенно подчёркиваю – с языковой составляющей. Несмотря ни на что, абсолютное большинство из нас называет родным языком белорусский, а следовательно, включает его в перечень своих ценностных опор.

Остаётся проблемой, однако, отождествление белоруса с государством. Исторически так сложилось, что последние пару веков государство было не наше и выработалось стойкое отчуждение от него как от враждебной, непонятной силы. Заново отождествиться с государством, стать *nation* в терминологическом смысле, бытующем в западноевропейских языках (нация-государство), мы сможем только в Беларуси с прозрачным механизмом демократического вершения власти.

Павел Данейко

Что такое идентичность? В моем понимании белорусы были, есть и будут. Некая ментальность белорусская существует, но вопрос в том, насколько она саморефлексируема, насколько она артикулирована для других. Этот вопрос требует проведения такой работы – по формулировке смыслов белорусскости

и по трансляции данных смыслов другим. Невозможно, чтобы про тебя что-то знали, если ты о себе ничего не рассказываешь. Мы должны что-то рассказать миру о себе. Но перед тем как рассказать, мы должны понять себя. И это не делает народ! Функция народа – выживать, жить, быть таким, каков он есть. Элиты интерпретируют это. Элиты насыщают высокими целями повседневную жизнь. Народ с задачей выживания справляется отлично, а вот элиты не справляются со смыслом выживания.

Поэтому я думаю, мы еще идем по пути формирования групп, которые готовы выполнять эту довольно сложную работу. Такая деятельность требует от элит достаточной ответственности за будущее страны и за то, что они говорят. Это формирование происходит. И оно не зависит от желания тех или иных политических групп, действий властей. Действия и желания могут только каким-то образом регулировать темп, но не останавливать сам процесс – он идет совершенно независимо, как запущенный механизм. Была поставлена проблема: надо кем-то быть! Просто очевидный факт: надо быть кем-то!

Андрей Дынько

Белорусская идентичность состоит из разных элементов. Это чувство принадлежности к белорусскому сообществу, чувство гражданства белорусского государства. Сюда включаются и такие культурные элементы, как белорусский язык, белорусская культура. Это те общие культурные коды, которыми владеют белорусские граждане. Но также есть самоидентификация широких слоёв людей с необычным политическим режимом, с которым они себя отождествляют.

Светлана Калинкина

Мне кажется, что всё-таки не существует. Всё-таки «Беларусь» как самоощущение не у каких-то единичных людей, а у общества в целом, мне кажется, не сложилось ещё.

Много, наверное, тому объяснений, но мне кажется, главное в том, что вообще за те 15 лет, которые существует независимое белорусское государство, не было однозначного направления развития этого государства. Мы то флаги меняем, то гимны меняем, то язык возрождаем, то он уже не нужен. То мы входим в состав России, то не входим. И такая суета, мне кажется, не позволила сформироваться белорусской идентичности. Белорусы как самодостаточная нация сами себя не ощущают. Они себя ощущают «при ком-то» – при России или при Европе. При ком-то!

Сергей Калякин

Думаю, что есть, и она всё больше растёт. Правда, иногда пытаются подменять понятия. Для самоидентификации надо понять, что мы белорусы, мы проживаем на этой территории, у нас есть такая-то культура, у нас есть такая история. Т. е. мы должны самоидентифицироваться как белорусы, живущие в конкретном государстве и имеющие конкретные интересы. И подмена их понятиями, что мы европейцы, или россияне, или литвины, или ещё не знаю кто, – всё это мешает самоидентификации. Мы – белорусы! И эта самоидентификация сегодня идет. Она имеет очень небольшую историю в силу особенностей нескольких последних столетий: мы не имели государственности несколько последних столетий. Нашу государственность можно исчислять (причем ограниченную) в рамках БССР в Советском Союзе. А абсолютно независимым государством в последний исторический период мы стали только с 1991 г. Всего лишь 15 лет! Но за эти 15 лет произошла уже самоидентификация.

Сегодня всё меньше белорусов хотят принадлежать к чему-либо. Хотя одновременно значительное количество хотят быть частью чего-то, причем сразу частью и одного и второго: мы хотим быть сразу и в Евросоюзе, и в России. Что говорит об определенном раздвоении нашего самосознания. В этом есть какой-то алогизм, но есть и прямая логика: происходит осознание того, что нам нужны и Европа и Россия. Поэтому мы хотим быть и тут и там. До 70% доходит число белорусов, желающих в Евросоюз и Россию, причем 40% одновременно хотят и туда и туда. Потому что они чувствуют свой интерес и там и там. Надо быть и с одними, и с другими, но оставаться белорусами. Надо оставаться бело-

русским государством, искать выгоду для этого государства, для народа, который живет на этой территории и который, собственно, составляет это государство.

Кася Камоцкая

Мне кажется, что «быть белорусом» – только сейчас формируется эта идентичность. Может быть, извне выглядит иначе. Но изнутри – она только формируется. Момент самосознания, самоидентификации, мне кажется, у народа наступает сейчас.

Может быть, извне другие народы сказали бы, что для них значит белорус, но для себя белорус... Мне кажется, что процесс ещё идёт.

Недосформированная нация? Безусловно! У нас никогда не было национального государства. Лукашенковское государство назвать национальным невозможно. Оно может быть социальным, может быть каким угодно, но не национальным. Оно антинациональную политику проводит фактически. Всё делает, чтобы только не возникла нация. А нация обязательно должна пройти через период национального государства, а только потом перейти к следующему. Скачки в истории, может быть, и возможны, но мне кажется, для наших условий необходимо, чтобы было создано национальное государство. Национально ориентированное, с одним национальным языком, с лоббированием национальной культуры. Тогда люди будут понимать, что такое «быть белорусом».

Сергей Костян

Идентичность белорусской ментальности состоит полностью в её экономическом укладе, историческом пути, традициях, обычаях, образованности, культуре и также в её природных условиях. Всё это вместе и определяет идентичность белорусской нации. И чтобы это понять лучше, мне кажется, надо напомнить о том, что через белорусскую землю проходили десятки войн – и с Запада на Восток, и с Востока на Запад. И, как видите, белорусы сохранили и свой язык, и свою культуру, и свои обычаи, и традиции, и названия деревень

и городов. На Украине, в России сколько было переименовано городов в честь тех или иных революционных деятелей! У нас этого не было. Один только Дзержинск – так он родился здесь! А всё остальное мы не меняли. Даже улиц это не коснулось. И когда Советского Союза не стало, во всех республиках опять стали менять названия городов, улиц, деревень, а мы этого не стали делать. Вот в этом и есть особенность белорусского народа, особенность его ментальности.

Вячеслав Кебич

А кто мне скажет... Я-то свою родословную немножко знаю: мне удалось установить её с 1755 г. Но вот я у вас могу спросить: вы знаете, чья кровь течет в вас? Вряд ли! Я бы сказал, что «чистых» белорусов, на мой взгляд, вообще нет. Мы находились на слишком тяжелых перекрестках исторических моментов, когда трудно установить – кто мы, по большому счету. Может быть, сегодня «белорус» больше носит значение государственности, чем расы. Такое есть и во Франции, и в Америке, и в Бразилии: там нет понятия нации... Поэтому я и сказал, что «белорус» – больше с точки зрения государственности, нежели по расовым каким-то признакам. Мы свои генные корни не можем сегодня установить. К сожалению или к счастью (не знаю, что более правильно), мало какие страны называют всех жителей американцами, или французами, или бразильцами. Большинство все-таки по-другому... Попробуйте вы немцам сказать, что они не немцы! Или попробуйте китайцу или японцу сказать, что они не японцы... Там слово «японец» подразумевает прежде всего расу, а не государственность как таковую. Потому что есть расы «чистые» – я не имею в виду чистоту нации, а то, что не было кровосмешения.

Поэтому я бы сказал, что не надо так ставить вопрос.

Анатолий Лебедько

Нет, такая идентичность ещё не сложилась. На каком-то интуитивном уровне наши люди (независимо от того, на каком языке они разговаривают) в быту всё равно говорят: мы не такие, как другие. Но меньше всего принимается мер со

стороны власти. Инструменты власти тут могут быть очень эффективными. Если посмотреть на средства коммуникации: телевидение, радио, печать, Интернет, – мы не видим со стороны государства целенаправленной политики, чтобы белорусы знали, кто они такие.

Потому что выглядит так, что наша история начинается с 1994 года, с первых президентских выборов. А до этого – такое чувство! – и истории не было. Ну, что-то было, с ветеранами связанное, – обрывок такой. И тут мы потеряли память, и больше не было ни истории, ничего.

Конечно, это сильно мешает, ведь на бытовом уровне есть желание знать, кто мы такие. Даже когда стоишь на границе в очереди, а поехал без очереди кто-то из русских – некие эпитеты идут от неких русскоязычных белорусов. Они понимают: мы не такие, как другие.

Думаю, всё очень чётко в социологии зафиксировано – насколько актуален вопрос суверенитета, независимости для людей. 15 лет назад это была тема номер один. В России проходили выборы (в Думу, президентские), и это была одна из трёх-четырёх приоритетных тем. Сегодня об этом никто не говорит. И по всем социологическим опросам только 4–5% людей на адекватно сформулированный вопрос (а он звучит в редакции Жириновского как «Беларусь – восьмой федеральный округ» – я считаю, это правильно и корректно сформулированный вопрос, не о каких-то отношениях с Россией) отвечают положительно. И хотя за эти 15 лет власть не принимала никаких мер, чтобы белорусы поняли, что они чем-то отличаются от всех остальных, тем не менее это зафиксировалось в социологии. И сам Лукашенко, и власть начинают уже приспосабливаться к данному факту. В этом плане показательна последняя избирательная кампания: Лукашенко фактически взял все лозунги оппонентов – «За Беларусь!» и другие.

Отсюда следует, что мы всё-таки европейская нация, что у нас есть свои национальные интересы. Лукашенко об этом не говорит, но ради решения каких-то своих краткосрочных интересов он вынужден это признать. Он вынужден признать, что никакое объединение с Россией сегодня невозможно не только потому, что ему не предлагают, не дают правовой перспективы, но ещё и потому, что более 90% людей искренне желают жить в своей стране. И это дорогого стоит!

Я думаю, что именно это в значительной степени и есть завоевание тех людей, которые являются носителями европейских ценностей. А одна из европейских ценностей – идентификация, знание своей истории, своей культуры.

Василий Леонов

Да, существует. Прежде всего, мы «не такие, как они». Белорусы в стремлении хорошо жить готовы соответственно и хорошо и, если нужно, тяжело работать, мы склонны к интеллектуальному, высококвалифицированному труду, терпеливы, но не бесконечно. Категорически отвергаю получившее распространение в последнее время утверждение о том, что наша терпимость переродилась в трусость. Нет, мы просто расчётливы в своих поступках. Но героев наша земля рожать не перестала.

Быть белорусом – любить прежде всего белорусов, Беларусь, содействовать процветанию своей земли, гордиться тем, что ты частичка народа, уважать другие народы, не кичиться, не впадать в изоляционизм. Не противопоставлять себя ни Востоку, ни Западу.

Жанна Литвина

Она ещё не сформулирована. Не столько, может быть, не сформирована, сколько не сформулирована. Наша национальная элита должна её сформулировать. Проговорить, прописать, сделать понятной. Она очень неопределённая, люди не понимают ценности этой идентификации. Года два назад попало мне такое сравнение, что Беларусь – это шахматная фигура, свалившаяся с шахматной доски. Где-то просто под стол выпала Беларусь. Как такое могло произойти? Почему так произошло? На этот вопрос обязана отвечать национальная элита.

Олег Манаев

На мой взгляд, в начале XXI века белорусская идентичность, основанная на принципе этничности (включая его базовые элементы, такие как общность

территории, крови, истории и культуры), не то чтобы неадекватна, но не имеет ясной перспективы. В силу самых разных причин эта идентичность так до конца и не сложилась.

В то же время нельзя сказать, что белорусской идентичности нет. Я считаю, что она уже есть, но иного характера. Например, я, человек, родившийся в России и русский по крови, идентифицирую себя как белорус. Хотя с этнической точки зрения, какой же я белорус? По моему мнению, белорусская идентичность сегодня имеет не столько этнический, сколько социально-политический, гражданский характер. Основа такой идентичности – независимое государство и права его граждан. Это значит, что белорусами по праву могут себя считать люди, живущие в Беларуси. Они считают себя гражданами – не России, не Польши, не Гваделупы, а именно Беларуси. Они пользуются определенными выгодами (не только в утилитарном смысле, но выгодами правовыми, политическими, экономическими, культурными), являются гражданами собственной страны, гордятся этим и готовы отстаивать свой статус. Это и значит – быть белорусом. А вырос ты в белорусском селе или в асфальтовых джунглях современного города, на каком языке говоришь в повседневном общении, предпочитаешь драники или морскую капусту – это вопрос второстепенный. Не незначительный, а именно второстепенный.

Формирование национальных идентичностей на основе этничности и, соответственно, национальных государств в той же Европе 150–200 лет назад проходило совсем в иных исторических условиях. Тот поезд уже ушел, и нам в него уже не сесть. Никогда! Поэтому если мы заинтересованы, чтобы Беларусь стала полноценной современной страной, необходимо не просто укреплять ее государственность, но прежде всего укреплять ее гражданскую идентичность.

Александр Милинкевич

Я горжусь тем, что я белорус. Хотя сегодня это создаёт много проблем. Нездоровая ситуация – столько намешано в головах людей, столько проблем в менталитете. Народ действительно прекрасный. Родина, которую любишь

самоотверженно, ничего не требуя взамен. Это что-то лирическое, мистическое, зелёно-голубое, нежное. Эта страна – словно красивая и привлекательная женщина, с чувством достоинства и верой в себя, которые пока скрываются под маской «тутэйшасьці». Родословную свою знаю до седьмого колена. В ней – репрессированные повстанцы 1863 года – прапрадед и прадед, – дед, который был одним из активистов белорусского движения 1920-ых годов на Гродненщине. Беларусь – это прежде всего события и люди. Чрезвычайно важно чувствовать своё место в цепочке истории.

Анатолий Михайлов

Крайне наивно уповать на то, что существует какая-либо универсальная и однозначно толкуемая формулировка «идентичности». Само осмысление идентичности есть, скорее, никогда не прекращающийся процесс, а не фиксированный и навязываемый результат чьих-то представлений или пожеланий. Проблема, однако, в том, что усилия по самоидентификации, в свою очередь, предопределены нашим собственным состоянием. И это состояние оставляет желать лучшего.

Алесь Михалевич

Конечно, белорусская идентичность есть, потому что белорусы считают себя иными, чем русские, поляки, литовцы, украинцы. То бишь есть идентификация себя как чего-то особого. Надо сказать правду, что в значительной мере эта идентичность распространилась на протяжении последних 10–15 лет. Я наблюдаю, например, за границей: всё реже и реже обычные (даже немного «советские») белорусы, слыша русский язык, бросаются к тому, кого увидели, будто он их брат, родной человек и т. д. Уже есть ощущение того, что белорусы – что-то иное, что-то особое. И когда человек встречает за границей именно белоруса, то есть большое счастье и радость: вот увидел кого-то родного!.. Это противопоставление себя другим: мы как «мы» отличаемся от того, кто «они».

Есть моменты и отрицательного различия (мы не они), и положительного, ведь нас уже что-то объединяет. Что именно объединяет? Говорят: Чернобыль и Лукашенко. Даже это уже немало! На Западе белорусов теперь больше объединяет Милинкевич: это видят намного лучше те белорусы, которые живут за границей.

Нас объединяет потребительское общество: «Покупай белорусское!» То есть отношение к произведённому здесь как к чему-то лучшему. Отношение к себе именно как к чему-то со знаком качества. То, что Лукашенко озвучил: «Белорусы – это те же русские, только со знаком качества». Я убеждён, большинство белорусов с этим не согласны, но то, что на нас есть какой-то знак качества, что мы лучше, – это однозначно есть.

Конечно, здесь очевидно сильное влияние государства. Оно очень много сделало: невозможно переоценить наличие белорусского рубля, невозможно переоценить наличие белорусских паспортов, невозможно переоценить даже то, что в белорусских паспортах нет национальности. Количество тех людей, которые определяют себя как «русские», с каждым годом уменьшается. И думаю, что лет через пять тех, кто будет определять себя как «русские», внутри Беларуси будет пару процентов, хотя ещё недавно их было почти пятнадцать.

Есть то, что действительно объединяет. Объединяют наши спортсмены, которые время от времени одерживают победы на различных соревнованиях. Помним очень известный турнир по теннису, где белорусы обыграли россиян. Это было всеми воспринято как капитальная победа и утверждение того, что мы лучше, что мы независимы. И, в конце концов, Лукашенко дал теннисистам ордена сразу – это тоже показывает, что даже для Лукашенко эта идентичность есть, что он тоже противопоставляет белорусов другим.

Татьяна Протьюко

Белорусы – люди заметные в мировом сообществе. И среди других людей они своеобразные. Это люди толерантные, как мы сейчас говорим. Они относятся к другим не с желанием переделать этих людей на свой лад, а принимают

их и стараются подстроиться под них. Всем это очень нравится, они не видят сразу врага в белорусе, а видят человека, расширяющего возможности, дающего возможность всем быть хорошими.

Я могу привести такой пример. Моя дочь сейчас живёт в Америке. И в той местности проживают люди разных национальностей: и итальянцы есть, и вьетнамцы, и американцы, и китайцы, и ирландцы... Пёстрая по национальному составу часть Америки. Но эти люди приходят и группируются вокруг моей дочери. Они какие-то ужины устраивают, приходят какие-то проблемы обсуждать... И некое сообщество этого участка территории возникло из того, что появились белорусы. Белорусы – добрые, гостеприимные, они ничего ни от кого не требуют и любят хорошо работать. Например, мой муж приезжает и обустраивает всем веранды и детские домики. Последнюю веранду сделали очень большую – для всего этого участка территории: там можно танцплощадку даже сделать. Во всём мире хорошо относятся к людям, которые любят труд, качественно работают и сами на себя зарабатывают. Именно такие белорусы за границей.

Другое дело – когда мы в своей стране. И тут мы совсем другие! Есть такое противоречие: белорус за границей, в мире, в восприятии других людей – и белорус среди своих. Просто поражаешься той зависти, которая существует у нас, в своём сообществе. Она почему-то исчезает, когда человек попадает в другие условия.

Или отношение к своей истории и языку! За границей белорус гордится своей историей и языком – как все другие народы.

Ещё одна отличительная черта белоруса – никогда не показывать свои язвы, не тянуть свои неприятности на люди. Всегда всё хорошо! Между прочим, это помогает нам быть европейскими людьми: они тоже не выставляют свои язвы на публичное обсуждение.

Мы заэксплуатировали одну нашу национальную черту, особенно государственное ТВ: у нас всё хорошо! Когда какой-нибудь иностранец к нам придет, разве мы говорим, как у нас плохо? Нет, у нас всё хорошо! В дом пригласят: сами никогда такого не съедят, а когда гость приходит – и икра на столе, и всякие лакомства...

Так мы и в политике себя ведём. С одной стороны, довольно сложная экономическая ситуация. А с другой – всему миру показываем, что у нас икра ложками...

Мы были бы, наверное, быть самым любимым народом в Европе и в мире. А поскольку у нас какая-то внутренняя «раздраенность», мы вот эту зависть друг к другу и имеем в своём доме. В своём доме у нас непорядок, а внешне – мы довольно привлекательные люди.

Андрей Санников

Сложный вопрос, я могу тут сослаться только на личный опыт. Я никогда не считал себя ни русским, ни кем-то ещё. Для меня было естественно, и я гордился тем, что я белорус. Помогло даже то, что в Советском Союзе у нас был паспорт гражданина Беларуси. Мне странно теперь, когда некоторые мои знакомые пишут в анкетах «страна бывшего гражданства – СССР». Я так никогда не пишу: всегда – Беларусь. Этому есть даже формальная юридическая аргументация: у меня был паспорт гражданина Беларуси, БССР.

Что касается идентичности, в идеале она должна опираться на культуру, историю, язык. Я бы сказал, может быть, – язык, культуру, историю. Но ведь у нас этого нет. Уничтожение белорусскости мы видели, а как её спасали – пока что не видели. Были 3–4 года относительной либерализации, а теперь белорусскость пытаются в андеграунд загонять, отрицать её. Однако идентичность есть. Даже у людей, которые, возможно, выступают за более тесные отношения с Россией. Они всё-таки ощущают себя белорусами. И если вопрос поставить ребром: «Вы становитесь губернией?» – думаю, большинство было бы против.

Считаю, что нам всё-таки надо будет пройти, тем или иным образом, через этап строительства нации-государства. Это происходило со всеми европейскими странами начиная с XVI века. Сегодня тоже есть примеры такого строительства – Словакия. Мы через это как белорусы и Беларусь не проходили.

Идентичность есть, она увеличилась. Как ни парадоксально (а может, это естественно), жёсткий режим сделал белорусскость действительно способом сопротивления, борьбы против диктатуры. И как-то расставил более-менее

по своим местам культурные явления. Взять тот лубок, который мы видим по телевидению, эстраду, попсу – нельзя сказать, что это белорусские исполнители. Нет, формально их можно назвать белорусскими, но ведь это не белорусское явление: мы это же видим и в Москве, и в других бывших советских республиках. И то, что довольно сильные художественные явления у нас есть в андеграунде в музыке, в издательском деле (те же «ARCHE» и «pARTisan»), поддерживает белорусскость. Это естественно, что андеграундная культура сегодня почти полностью белорусскоязычная. Даже такие на наших глазах происходили метаморфозы, когда русскоязычная группа начинала петь по-белорусски. И это очень хорошо, это естественная эволюция. Тут очень интересный выбор. Если ты хочешь стать попсой, у которой нет почти никакого лица, то работай на русском языке. Если ты хочешь заниматься творчеством, чтобы у тебя был свой слушатель, – естественно, белорусскоязычность.

Например, на «Славянском базаре» – та же белорусскость, которая была во время Советского Союза. Это лубок. Хуже я вообще ничего не видел.

Владимир Улахович

Современная белорусская идентичность лишь в малой степени сравнима с классической идентичностью европейских наций, выковавших свою идентичность в столкновении суверенитетов, которое продолжалось не одно столетие. В нашем случае это, во-первых, категория формирующаяся, порой не очень явно и не очень традиционно, параллельно с процессом национально-государственного строительства. И здесь не стоит преувеличивать значение традиционных параметров философско-культурологического характера. К примеру, не имеющий никакого отношения к мировоззренческим проблемам успешный матч национальной сборной по футболу или хоккею гораздо эффективнее формирует национальные чувства, принадлежность, гордость, чем сотня просветительных лекций или конференций. Во-вторых, это категория максимально близкая к обыденному сознанию, упрощенная, отражающая главную проблему – выживания нации в жёстких исторических условиях. Неявность, подвижность

и даже некоторая неуловимость современной белорусской идентичности – лишь обратная сторона драматического исторического опыта.

Валерий Фролов

Мне кажется, это самая больная тема. Многие из нас называют себя белорусами, но еще не осознали себя ни нацией, ни, может быть, народом. И не всегда понимаем, что такое белорусскость, хотя говорим о национальных чертах. Может быть, это я не до конца понимаю...

Под белорусскостью у нас чаще всего понимают толерантность, терпимость. Наверное, всё-таки в истории у Беларуси достаточно сложная судьба: то шведы туда-сюда ходили, то немцы, то поляки, то русские. Белорус как-то «хаваўся ў бульбу» и стремился пережить эти времена. Допустим, Великая Отечественная война: мы говорим «партизанская страна» и т. д. Но у нас чуть ли не столько же было и полицаев! И вот это стремление выжить в любых условиях (как говорят, «сел на гвоздь и притерпелся») настолько вошло в наше сознание, наше самощущение... Когда мы это закончим – Бог его знает!

Мы встречались с товарищем Игорем Баслыком. Он говорит: «Благодаря друзьям посмотрел, кто и что на меня писал. Про некоторых думал, что они друзья, а они на меня такие гадости написали!..» Есть у нас такой художник Алесь Пушкин. На него мужик из своей же деревни, который ни к каким звездам не стремится и в начальники не рвется, такую гадость написал!.. Это характерный показатель одной из черт белорусскости. Это стремление сохраниться, наплевав на всё. Может быть, это и правильно, но если ты человек – существо социальное, то должен и Божьими принципами руководствоваться, а не только о своей шкуре думать. К сожалению, очень много в белорусскости вот такого...

Я знаю очень многих людей в армии, ФСБ, КГБ, многие в прошлом были друзьями, с некоторыми вместе служили. Я смотрю, насколько они могут приспособливаться – это просто ужас! Некоторые, увидев меня, перебегают на другую сторону улицы – только чтобы не встретиться. Я не думаю, что они при этом думают о Беларуси, о государственном устройстве – у них просто

срабатывает инстинкт: «Отскочу! Лишь бы тихо было. Лишь бы не было войны, лишь бы тихо. В бульбе пересижу».

Не хватает того, что было характерно, допустим, для Павки Корчагина, для Прометейя... Не хочу, чтобы все были Прометейями и Павками Корчагиными, но какой-то уровень этих качеств должен присутствовать в каждом белорусе. На мой взгляд, он не присутствует.

Может быть, я слишком высокие требования предъявляю. Человек создан не для того, чтобы всю жизнь бороться за что-то. Он должен жить, любить, растить детей, ездить на рыбалку, играть в шахматы, у него должен быть достойный уровень жизни. Но мне кажется, человек тем отличается от обезьяны, что он Божье создание, что в нем духовность какая-то... Я думаю, хоть и крестятся в церкви и посещают ее, от заповедей Божьих («Не убей!», «Не укради!», «Не возжелай жены ближнего своего!» и т. д.) мы еще далековато.

Станислав Шушкевич

Для меня белорусская идентичность существует. Потому что отец, дед со стороны отца (деда со стороны матери я не помню: он умер рано) – они все были белорусами. И были сознательными белорусами. И бабушка мне в Минске говорила: «Глядзі, гэтую бэлку прыбіў дзед. Яна ніколі ня зломіцца».

Белорус для меня... Я знал сельский тип белоруса или такой, на окраине города, где фактически жили как в деревне. Это серьезный, рачительный хозяин. Не сказать чтобы скупой, но он очень не позволяет себе что-нибудь бросать на ветер или развлекаться слишком. Потому что выживать надо было всегда в очень трудных условиях. Но это человек, который так планировал хозяйство, что какой бы враг ни пришёл, что бы ни случилось, но – выживем до весны, до нового урожая!

Мне кажется, что у белорусов эта очень хорошая черта (одна из важнейших белорусских черт) после послужила тому, что мы фактически стали малотребовательны, значительно менее требовательны, чем следовало быть европейцам. Когда менялись условия, когда менялся уровень техники, уровень обеспеченности, энергообеспечения, появлялись новые материалы – химикаты, строи-

тельные материалы, – мы оставались на уровне политики «чарки и шкварки». Вот этот лукашенковский бред, который вреден к тому же, так как он сокращает жизнь людей. Навязывать агрогородки – это тоже вредно. Белорус всегда был хорошим хозяином, если был самостоятелен.

То же самое могу сказать об интеллигенции: для меня главным авторитетом всегда был белорусский учитель. Мне казалось, что большего интеллигента нет.

К сожалению, эти изменения – антибелорусские, и они произошли в обществе. Но их довольно легко нивелировать, и я знаю многих настоящих белорусов, интеллигентов, которые остаются белорусами и подобным изменениям не поддались. Возвышена наша интеллигентность русской литературой, музыкой, искусством. Но она же, наша интеллигентность, засорена русской руганью, ложью, бесхозяйственностью и воровством. Заметьте, во многих случаях это преодолено. Например, сметливый хозяин превратился в квалифицированного рабочего. У нас процент высококвалифицированных рабочих в четыре раза больше, чем в России: там 6%, у нас – более 20%. Благодаря этому белорусы выживают. Потому что если на Западе вы откроете капот автомобиля (как это делал я), то там все удивляются: как это может делать обычный водитель-любитель? А я в Беларуси не знаю такого человека, который сидит за рулём и не поднимет капот автомобиля, и не исправит всяческие мелкие неполадки в российских автомобилях.

Вот эта старательность, сметливость, трудолюбие – белорусские черты.

Науку в России создавали заезжие профессионалы. Фактически она была создана по образцу западному. Образец академии тоже был взят с Запада. И сюда в Беларусь приезжали. И в этом нет ничего плохого. И то, что определённые произведения белорусской культуры создали татары, осевшие тут, меня не обижает, а, наоборот, радует. И то, что белорусский классический балет развивался благодаря российской школе, меня тоже радует. Он есть в наличии, этот европейский уровень.

Всеволод Янчевский

Белорусы – это очень советские люди. Важнейшая часть нашей истории – это история новейшая.

Конечно, как таковую историю наша нация имеет длинную, но ее развитие не раз перерубалось.

Нация – это в том числе и ее элита, ее мозг. Может ли быть голова без тела? Когда-то белорусская нация начала формироваться в Великом княжестве Литовском, но как только чуть-чуть начинал возрастать элитарный слой, его подрубали. Элита становилась то польской, то русской.

И мы опять начинали с чистого листа.

Постепенно белорусская нация начала выкристаллизовываться – уже в советскую пору. Конечно, в первую очередь, это носило крестьянский, сельский характер. Национальная интеллигенция была сельской по происхождению. В этом нет ничего плохого – так исторически сложилось, все нации проходили примерно такое развитие.

Даже сегодня практически у всех – корни в деревне. А это соответствующий архетип мышления, соответствующие привычки, соответствующий менталитет и т. д.

В значительной степени нацию стал формировать Лукашенко. Лукашенко – это человек, который выделил республику, народ, он их отграничил. Мы можем сегодня сказать: «Беларусь – не Россия», и «Беларусь – не Украина», и «Беларусь – не Европа».

В правление Лукашенко (мы сами наблюдаем этот интересный процесс) Беларусь стала формироваться как САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ И СВОЕОБРАЗНАЯ страна.

Кстати, так называемый демократический выбор начала 90-ых был навязан Беларуси. Республика была частью большого пространства и поневоле приняла в себя «перестроечные» процессы. Но как только Беларусь оставили наедине с собой, она немедленно отвергла «либеральную демократию» (в 94-ом, в 95-ом, в 96-ом годах), отвергла последовательно, проявив свою самость. В данном случае белорусы проявили именно свою самость. Если

хотите, нынешний политический строй – это прямое следствие независимости Беларуси.

Если же говорить о национальном характере... Нельзя сказать, что что-то нравится или не нравится в чертах народа... Это данность. Наверное, некоего динамизма белорусскому характеру, мне кажется, не хватает. Динамизма, агрессии, энергичности...

Очень сильно нам вредит боязнь новшеств. Но в ней есть плюс: мы не допускаем многих ошибок, которые делают другие. Однако мне кажется, она чуть-чуть «зашкаливает»: боязнь эксперимента у нас слишком большая. Это плохо, мы диссонируем с миром. Современный мир – это эксперимент, и вообще прогресс – это эксперимент, риск. А белорусы не очень рискованный народ, что отчасти хорошо и естественно, но в какой-то части плохо. Возможно, это будет изживаться, поскольку мы включаемся в самые разные глобальные процессы.

Мне, например, хотелось бы, чтобы мы «раскачивались» быстрее, чтобы мы больше экспериментировали, чтобы мы были новаторами, чтобы меньше боялись новшеств. Чтобы, уважая прошлое, мы не сковывали себя традиционными привычками, как кандалами.

6. Существует ли для вас такое понятие, как славянское сообщество/ сообщество бывших советских народов?

Ольга Абрамова

В основном, когда говорят о славянстве, из соображений приличия говорят о культуре, а подразумевают фактор крови. Фактор крови – не то, что стоило бы класть в основу рассмотрения, потому что с одной стороны русские, белорусы, даже сербы, а с другой – чехи, поляки, и всё это славяне. Движемся сегодня мы разными совершенно путями, самобытными, автономными во многих отношениях. Поэтому славянство я не принимаю, я считаю, что это политический конструкт. Может быть, даже не политический, а идеологический. Если бы стали рассматривать конфессиональный фактор внутри теории славянства, то это могло бы лечь в основу поиска сродства неких глубинных ценностей. Если в стране есть многовековая доминирующая конфессия, то она не может не накладывать по системе ценностей отпечаток на состояние массового сознания. То есть, допустим, вертикаль власти проистекает не только из предыдущих традиций политического устройства, но и из того, как к этому относилась доминирующая в стране религия. Это влияет.

А вот содружество народов бывшего СССР есть, за исключением стран Балтии – они всегда были чем-то инородным, поскольку иная культура, иная история, иной способ вхождения в страну. А в общем и целом ментальность, конечно, во многих отношениях похожа. По крайней мере, мы понимаем друг друга. Почему очень хорошо и легко было бы вести белорусским бизнесме-

нам дела с израильскими партнерами? Потому что очень много выходцев из бывшего Советского Союза. У них не только нет языкового барьера, но и нет расхождений в понимании одного и того же. Не будет так, что если я говорю «стрижено», меня понимают как «брито». Меня понимают именно так, как я хочу быть понятой. И точно так я воспринимаю собеседника.

Светлана Алексиевич

Что касается народов СССР – это выдуманное сообщество. Мне приходится ездить сейчас в разные постсоветские страны – Грузию, Туркмению, и я вижу: советский человек еще живет, но всё-таки народы уходят от этого сознания к своим корням.

А вот славянское единство – корневое, за ним будущее. Мне не близки идеи панславизма. Но то, что за славянской общностью будущее, для меня даже не вопрос. Ведь весь мир объединяется по каким-то принципам. Приедьте на Скандинавский полуостров: Швеция, Финляндия, Норвегия – разные страны, они чувствуют себя как разные, но есть что-то общее для них. То же самое вы почувствуете, если проедете по Японии и Китаю.

Сейчас мы воюем с прошлым, вспоминаем какие-то обиды. Но, по-моему, это время уже уходит. Современный белорусский интеллигент, мне кажется, даже не должен уже говорить о какой-то вражде с Россией.

Евгений Бабосов

Историческая общность «советский народ» не состоялась. Есть славянское сообщество. «Славянский базар» в Витебске, недавний Конгресс славянских народов у нас – это то, что существует. Есть славянское сообщество, только надо сделать так, чтобы восточные славяне не отрывались далеко от западных – от тех же поляков, чехов, словенцев.

Я думаю, надо шире смотреть: славяне есть и в Болгарии, и в Чехии, и в Словакии, и в Словении. Надо расширять! Кстати, во время войны было

такое объединение. После войны оно как-то потускнело, а вообще-то неплохо было бы возродить. Это понятие существует.

Анжелика Борыс

Мне больше нравится европейское сообщество.

Генадзь Буравкин

Есть такое понятие и чувство славянского единства. Как, простите, можно быть по-деревенски в очень хороших отношениях с соседями, но если нормальная семья, то ближе всего – твои родственники. Есть славянское единство. Другое дело, что не нужно политизировать эти ниточки, связывающие славян, наши отношения. Политизировать их, тем более спекулировать на них – я категорически против.

Будем говорить прямо: нам же легче понять словака и словенца, чем финна, немца. На протяжении долгих лет мы дальше друг от друга уходили, ближе подходили, но единство некое было. Я категорически против того, чтобы славянское поле выборочно пометать. Потому что славяне – это не только русские, белорусы и украинцы. Это и поляки, и чехи, и словаки, и словенцы, и сербы, и хорваты. Для меня славянский мир – весь этот ареал. И когда выбирают из него какую-то часть и только ей присваивают право говорить от имени славян – это неправильно. Когда не учитываются интересы всех, это уже несправедливо. И наоборот, если речь идёт будто бы о единстве славян, а мы чуть ли не как врагов воспринимаем наших соседей-славян – ну куда же это годится? Но единство такое, бесспорно, есть, и пусть оно будет. Так как я за разнообразие мира и против казарменности. В мире должно быть разнообразие: есть славянский мир, есть франкоязычный мир, есть англоязычный мир, есть африканские регионы. Поэтому пускай это всё остаётся. Другое дело, чтобы это различие не было враждебным. Чтобы это была не вражда, а мирное соперничество. Давайте будем бороться за то, чтобы мы дали как можно больше хорошего миру. И если больше всего хорошего дадут славяне – ну что же, пооплодирюем

славянам. Если больше дадут африканцы – поаплодируем африканцам. Больше дадут китайцы – поаплодируем китайцам.

Так что я считаю, что славянское единство есть. А вот насчёт народов СССР ситуация более сложная. В Советский Союз входили очень разные субъекты – начиная от стран и территорий республик, где едва ещё отошли от феодализма, и до стран, которые в цивилизационном смысле были уже либо близко, либо в самой Европе (имею в виду балтийские страны). И поэтому всё это было соединено довольно искусственно. А если не искусственно, то под большим давлением. Поэтому Советский Союз и распался, а совсем не потому, что там какие-то планы... Да, планы были, бесспорно, было противостояние, противодействие двух великих государств, претендовавших на то, чтобы править миром. Это было, это реальность. Но не их шпионская деятельность развалила Советский Союз, он сам развалился, как в чём-то безосновательная, недостаточно продуманная семья. 70 лет для многих, 50 лет практически для всех стран, которые были в Советском Союзе, – довольно значительный период времени. То, что за это время наладились связи экономические, я уже не говорю о политических и культурных (особенно культурных), – это факт. И мне, например, очень жаль, что сегодня я не могу так постоянно и так хорошо следить за развитием литературы в Грузии, Армении, Средней Азии, как я это мог делать во времена Советского Союза. Конечно, сегодня я меньше знаю о литературе Литвы, Латвии, Эстонии и даже России и Украины, чем тогда. Так что я хотел бы, чтобы эти связи не разрывались. Они могут меняться количественно, даже качественно. Но того, что они иногда просто оборвались, просто обрублены, мне жаль. Поэтому какая-то общность культурная, во всяком случае желание её не потерять, ещё остаётся. И мои встречи последнего времени с людьми из Молдовы, из Прибалтики, из Грузии, из Азербайджана (я уже не говорю про Украину и Россию) подтверждают: нам не хватает знания друг друга. А в культуре, в литературе знание друг друга – это в каком-то смысле учёба друг у друга, это выход на уровень, который должен быть, ведь мы же ориентируемся на лучшие образцы. Поэтому я за то, чтобы тот опыт связей, которые были в своё время (прежде всего культурных, об экономике мне труднее говорить, ведь я не экономист, но, вероятно, и там то же), там, где эти связи были эффективны, где они работают на прогресс

и демократию, они должны быть. И не нужно от них отмахиваться. Если кое-что можно оживить и развить, я за это.

Алесь Бяляцкий

Славянская общность, безусловно, существует. В каком плане? Опять же, в ментальном. То, что касается национальной идентичности, в большой мере (возможно, на 80%) у славян одинаково. Может быть, я сказал не совсем «белорусское», но в этом я уже многократно убеждался. 80% всех «ужимок», всех поступков, схем поведения, поведения групп народов в различных ситуациях: и в армии, и когда они на гулянках, и когда они работают, и когда они отдыхают – они идентичны. И этим весьма отличаются, например, от немцев или французов, от других неславянских групп. Это действительно так. Меня очень забавляет и веселит, когда приезжаешь, например, в Хорватию, за полторы-две тысячи километров от Минска, и попадаешь в компанию парней, которые пьют вино, или работают, или ещё что-то делают, и ты чувствуешь, насколько всё это похоже на то, что происходит здесь, в Беларуси.

Мы, славянские народы, на сегодняшний день не настолько ещё разбежались, чтобы говорить, что мы абсолютно что-то другое. Можно, конечно, говорить, но только на уровне идентичности, определения привычек, поведения, манеры мышления, манеры труда, культуры поведения и т. д. Мы ещё настолько близки, что это требует дополнительного изучения. У меня лично это вызывает восторг, потому что я чувствую себя фактически как дома – от Адриатики до Японского моря.

В этом плане русские не исключение. Насколько в плане политическом, стратегическом нам надо на сегодняшний день от них как можно дальше отойти, настолько в плане человеческом, в плане построения человеческих контактов, культурного взаимопроникновения, может быть, экономики и т. д. мы можем найти общий язык. Может быть – опять-таки мысль странная для меня как для человека, который столько лет работал уже в белорусской культуре, – мы даже сами не представляем, насколько мы близки к тем же русским или украинцам. Правда, говорят, что человек и к шимпанзе близок: на 95% гены

совпадают, только 5% генов отделяют человека от шимпанзе. (*Смеётся*.) Так я думаю, что славянские народы, возможно, только сотая доля этого процента, а то и тысячная отделяет.

Это очень заметно, если сравнить немца и вообще германские народы. Эта педантичность, точность – то, что очень развито у шведов, норвежцев, немцев – фактически у всех германских народов. И насколько славяне не любят этого! Но самое интересное, что германские влияния (а может быть, субстраты, которые были перед созданием более сильных этносов) очень сильно чувствуются у нас и у поляков. Из всех славян мы и поляки более дисциплинированные. Я думаю, что тут был всё же какой-то германский субстрат. Не вхождение ли определённых племён – если это касается Беларуси. Что касается Польши, скорее всего, субстрат, перед тем как там славяне наложились, был всё-таки германский. Мы наиболее близки к немцам среди всех славян. А если сравнить хорватов и русских – вот это две ноги одного тела! Они настолько близки этим своим «разгвоздьяством»!.. У нас просто иногда челюсти отваливаются, когда мы общаемся с ними. Тем не менее такого «добра» хватает и у нас. Но не только это. Можно назвать какие-то общие черты, которые характеризуют всех славян, но этим нужно заниматься достаточно серьёзно.

Насчёт общности народов бывшего СССР. Я достаточно комфортно чувствую себя в Киргизии, Азербайджане, где довольно часто бывал в последние годы (буквально каждый год). У нас действительно есть общие черты, которые позволяют поддерживать нормальный психологический контакт. Мы можем смеяться над ними, поносить, но это было и от него никуда не денешься. На сегодняшний день я гораздо комфортнее чувствую себя где-нибудь в Киргизии, чем на Западе, в любой из западных стран. Потому что они воспитаны, «отштампованы» по таким же меркам, как в своё время наше поколение советских детей. «Лекало» это ложилось, несмотря на народы, по всему Советскому Союзу. И эта общность будет ещё некоторое время. По крайней мере это касается людей, воспитанных в Советском Союзе. Уже наши дети, возможно, не будут понимать друг друга. Скорее всего, что так! По крайней мере наши дети и азербайджанские будут понимать друг друга, как швед, немец и ещё кто-нибудь. Что касается нашего

поколения, то я себя там очень хорошо чувствую в плане понимания меня, во многих других вещах.

Александр Вайтович

Существование славянских народов, народов с одними корнями по происхождению, которые пользуются славянскими языками, – это исторический факт. Для них являются характерными многие одинаковые элементы культуры, одинаковые традиции.

Насчёт общности бывших советских народов. Прошло не так много времени с момента, когда они были в одном государстве, и такая общность во многих аспектах ещё существует и проявляется.

Андрей Вардамацкий

Можно отметить два уровня существования славянского единства. Говорить о единстве на уровне народных менталитетов уже не приходится. Единство – это большая степень соединения, большая степень подобия, сходства и очень большая степень взаимодействия. Сейчас этой большой степени фактически нет. Поэтому можно говорить о схожести национальных характеров, культур, ментальностей славянских народов. Это относительно первого уровня – массовой, национальной психологии.

Что касается политической ситуации, политического уровня, то здесь есть два вектора: с одной стороны, подчеркнутое размежевание, которое имеет свои функциональные, прагматические резоны, и с другой – публик-рилейшоновая демонстрация этого единства, которое на самом деле имеет другие, вполне прагматические основания.

То же самое насчет постсоветского пространства. Да, конечно, сходство есть. И здесь речь идет не только о пожилых людях, но и о людях среднего возраста, начиная с 30 лет. Сходство есть: мы все родом из Советского Союза. Но есть и очевидные центробежные силы, которые имеют ряд оснований.

Винцук Вячорка

Это различные вещи; не совсем понимаю, почему они написаны через «/».

Для меня как для гуманитария языковая близость славян – явление естественное, по-своему ценное, поскольку даёт плодотворную почву для культурных сравнений и взаимообогащения. Ясное дело, имею в виду всех славян, а не только тех «русских», на которых претендует имперская доктрина. Ментальной политической славянской общности нет.

С точки зрения «национального строительства», однако, более существенна типологическая близость тех народов Центрально-Восточной Европы, которые переживали национально-государственное возрождение в XVIII–XX веках (последним его аккордом стало восстановление независимости Черногории), независимо от языково-этнически-конфессиональных разделов. (Впрочем, большинство славянских народов, кроме русских, в эту общность входят.) Большая часть этой общности, в XX веке входившая в контролируемое СССР тоталитарное пространство, очевидна не только для исследователей, но и для политизированных слоёв общества. Отсюда взаимные симпатии и солидарность, приязненное внимание к борьбе себе подобных за независимость и свободу; отсюда и определённая реальная почва под понятием «новая Европа», хотя никакая мы Европа не новая, а постоянная.

Что касается бывших советских республик, то тут опять же особая группа – центрально(восточно-?)европейские народы и Южный Кавказ. Это часть описанного выше сообщества. Как только обрушилась советская империя, очень быстро, если мерить историческими темпами, начали восстанавливаться давние цивилизационные разделы. Следующее поколение уже не будет чувствовать себя частью *mundus soveticus*.

Павел Данейко

За этим стоят какие-то реальности. Понятно, что мы можем есть выпить водки с поляками, выпить водки с русскими – и, в общем, не сможем так же выпить водки с французами. В этом есть некое славянское ощущение. Но славяне

тоже разные, у нас есть какие-то разделительные границы, потому что разные ценностные выборы были сделаны в разных странах, разных регионах.

Насчет единства советских народов мне говорить сложно. Когда мы ведем речь о единстве двух народов, мы должны оперировать какими-то традиционными подходами, общей историей. А история – это Грюнвальд, Орша, т. е. события, которые объединяли или разъединяли эти народы. Так, Радзивиллы, узнав про Чернобыль, сказали: «А у Сапег всегда бардак был».

Чувство истории плюс эстетика близкая – да, славяне имеют много общего. А вот советские народы... При чем, например, к нам туркменская ментальность, хотя они и умеют говорить по-русски? Там другие люди, другая ментальность, другие правила, другая структура отношений. Все-таки в моем понимании близость обозначает не только язык, но общие ценностные структуры. У славян есть такие пересекающиеся ценности – у одних в большей мере, у других в меньшей. Но они есть! Начиная от некой общности языка, языковых архетипов.

Андрей Дынько

Следов славянского единства я не замечаю. Очевидно, есть соседская солидарность балканских народов между собой. Чувство солидарности, вызванное единством исторических судеб и нынешними общими экономическими интересами, есть у стран Вышеградской группы – новых членов Евросоюза. Чувство определённой солидарности есть у здешних стран-соседей. Но мы очень часто наблюдаем, как белорусы проявляют солидарность с литовцами, а чехи – с венграми или поляки – с балтийскими народами.

Что касается идей панславизма, которые пытались акцентировать определённые круги в Российской империи, то они имели очень конкретную задачу и направленность. Как сказал один чешский мыслитель в середине XIX века, русские любят всё русское называть славянским, чтобы потом иметь возможность назвать всё славянское русским.

В некотором смысле то же самое происходит на территории бывшего Советского Союза. С одной стороны, сегодня нет ничего, что объединяло бы между собой Эстонию и Туркменистан. Трудно представить две страны более

противоположные. Однако трудно даже найти общие черты, объединяющие такие близкие в географическом смысле страны, как Беларусь и Молдова, – это страны с совершенно различными векторами развития. Безусловно, попытки использовать советскую идентичность, советскую культуру или экономические связи между этими странами есть, и они находят очевидную поддержку со стороны современной российской политической элиты. Была такая песня Газманова: «Сделан я в Советском Союзе, родом я из СССР», – которой была сделана огромная реклама. А Газманов – своего рода придворный певец мэра Москвы Юрия Лужкова. Но говорить об этой общности как о чём-то гомогенном и когерентном не приходится. И, по-моему, не в национальных интересах Беларуси, чтобы эта общность возродилась.

Светлана Калинкина

Сложно сказать. Однозначного ответа на этот вопрос у меня нет. В каких-нибудь политических инициативах политики всегда апеллируют к каким-то объединениям людей. Им может быть и славянская общность, как мы наблюдали недавно, когда в Беларуси был Славянский собор. Конечно, мы славяне. Славянство... Если этому будет уделяться пропагандой очень много внимания, то это может стать весьма популярной идеей в обществе.

Исторически можно говорить, конечно, и о советской общности: мы все родом из Советского Союза. Поэтому какими бы разными ни были культурные истоки, например, Туркмении и Беларуси, многое всё же благодаря Советскому Союзу нас объединяет.

Мне кажется, и первое и второе существуют. Но насколько это будет определяющим для стран, для людей, это зависит от того, как будут развиваться политические события и кто будет возглавлять страну. Все постсоветские страны, кроме, может быть, Прибалтики, оказались между цивилизациями – западной и восточной. Поэтому очень важно, кто будет во главе страны, – те сообщества и будут интенсивнее развиваться.

Недооценивать такие «патриотические» (назовём их так) настроения я бы не стала. Они очень сильны. Кто их ворошит, с какими целями и т. д. – от этого

многое зависит. И должно смениться ещё много поколений, чтобы это как-то нивелировалось.

Сергей Калякин

Были такие сообщества, но сейчас они вообще разрушены. Такие сообщества, по мере того, как они создаются и существуют, обрастают общими чертами и т. д. Но как только они распадаются, начинается распад и этих общих черт.

Так, недавно европейцы, когда исследовали, есть ли такая общность – «европейцы», пришли к выводу, что нет, хотя всё уже идет к созданию одного государства. Всё-таки существует очень высокая степень самобытности у голландцев, французов, немцев... Точно так и здесь: когда мы были в Советском Союзе, можно было говорить об общности «советский народ». И это в определенные исторические периоды проявлялось, можно привести примеры. Но вместе с тем существовала и самобытность: к примеру, грузины, белорусы, украинцы и чукчи всегда имели отличия. И сегодня в независимом государстве мы все больше приобретаем черты белорусов, приобретаем самобытность.

Насчет славянской общности... Я бы сказал, общие корни существуют, бесспорно. Но есть один простой момент: с каждой из сторон идет небольшая подтасовка. Весь вопрос в том, насколько мы будем углубляться в историю. Чем дальше мы будем углубляться в историю, тем скорее мы придем к выводу, что все мы имеем одни и те же корни. А если мы уйдем на 100–200 лет назад, то можем говорить, что у нас большая общность с поляками. Уйдем на 300 лет назад – будем говорить, что мы жили в Великом княжестве Литовском, где государственным был старобелорусский язык. Всё это есть, и не надо с ним спорить. Но не следует противопоставлять одно другому! И не нужно делать из этого инструмент политической борьбы. Этим могут заниматься ученые. Но противопоставлять то, славяне ли мы, литвины ли, европейцы ли, – из области политики, а не самоопределения нации. Мы белорусы! Мы сделали такой выбор.

Никто не знает, что будет с белорусами через 500 лет. Или что будет с немцами через 500 лет. Мы же помним, что были великие процветавшие государства, которые управляли миром, – и сегодня их нет, и народов нет. Поэтому, на мой

взгляд, это малоперспективно в текущем моменте и даже вредно, потому что оно может работать на создание блоков противостояния, а не на то, чтобы объединять людей. Нам необходимо консолидировать нацию! Поэтому не нужно искать разности – надо искать общие черты, чтобы сплавлять нацию. Кстати, за последние годы нынешнее политическое руководство очень сильно пытается разделить и уже разделило людей: нас разделили на «беларускамоўных» и русскоговорящих, старых и молодых, богатых, преуспевающих и тех, кто этого не имеет, сельских жителей и городских, сторонников президента и его противников... Это вредит обществу. Это ненормально! И процветающее государство, и процветающая нация не имеют такого раскола: у них есть политическая конкуренция, но у них нет раскола. У них эти споры если и возникают, то скорее на научном поприще.

Кася Камоцкая

Самое удивительное, что славянская общность существует! Я чувствую это в других странах. Славяне отличаются от других каким-то своим... «раздолбайством», что ли... Вот поедешь в Чехию – вроде бы такая культурная страна! А потом приезжаешь в Германию – и видишь, что-то не то уже. Думаешь: что-то чехи «раздолбай» какие-то.

И есть также некая историческая память у народов бывшего Советского Союза. Может быть, у старшего поколения есть и в Прибалтике, а у молодого и в других странах. Я не беру совсем мусульманские страны, так как не знаю, что там творится. Я, например, выступала в Кембридже, и ясно, что там белорусов крайне мало. А пришли казахи, украинцы – те, для кого это интересно. Англичан не было, разве что два-три. А пришли именно студенты из бывшего Советского Союза.

Сергей Костян

Народы бывшего СССР благодарят славян за то, что они сохранили их ценности – их язык, и веру, и традиции. Ни одна из мусульманских республик,

входивших в состав Советского Союза, не стала православной. И ни одна из прибалтийских республик, входивших в состав Советского Союза, тоже не стала православной. И это говорит о том, что под крышей славян могут развиваться и спокойно жить все народы, уважающие славянскую цивилизацию, славянскую культуру, обычаи, традиции, историю.

Существует ли славянское братство? Существует! Другое дело, что за последние годы славяне так поверили в интернационализм, что не заметили, когда им запретили самостоятельно избирать руководителей. И сегодня для большинства славянских стран решают в Брюсселе и Вашингтоне, кому быть руководителем того или иного славянского государства. И если руководители каких-то славянских государств не высказываются за славянское единство и братство, это совсем не означает, что такого братства не существует. Оно существует между славянскими народами. Независимо от того, хотят руководители или не хотят. Что бы ни кричали современные руководители Польши против Беларуси, а простые граждане Польши поддерживают Беларусь и не поддерживают свое руководство в этом направлении. Так же в Чехии, или Словакии, или Болгарии – любом славянском государстве. И не только поддерживают на словах, но и делают всё, чтобы сотрудничать с нами экономически.

Вячеслав Кебич

Славянское сообщество я бы особенно не выделял. Я, конечно, мало помню войну, но когда Советская армия воевала с Германией, очень даже интересно наблюдать по фильмам: когда два русских лица (с точки зрения зрителей), а дальше все с раскосыми глазами идут в бой, а командир кричит «Вперед, славяне!». Россия сегодня вообще не имеет права называть себя славянским государством: там далеко от славянства. С исторической точки зрения можно отличать славянские нации от неславянских. Но с точки зрения сложившейся сегодня исторической общности людей я бы не позволил себе ставить этот вопрос на первое место.

А вот сообщество народов бывшего СССР существует, до сих пор имеет большое значение. Знаете, как бы Саакашвили ни вел себя в Грузии, а все-

таки в основной массе грузинский народ мечтает о дружбе между грузинами и другими республиками. Пока что существуют хорошие воспоминания от бывшего содружества, и это имеет сегодня серьёзное значение. Пока политики не вобьют в голову (особенно национальные политики), что «мы самые-самые»: самые великие, и вообще равных нам нет!..

Анатолий Лебедько

На политическом уровне, безусловно, единство бывших советских народов присутствует. И это есть инструмент политики. Но и на бытовом уровне есть такое понятие, как «совок». Оно, к сожалению, консервируется в значительной степени в Беларуси. И модель правления Лукашенко как раз направлена на этот «совок» и на поддержку его. Модель правления Лукашенко очень проста: есть его резиденция – и есть почти десять миллионов граждан, стоящих в огромной очереди к этой резиденции. И все они стоят с протянутой рукой, выходит царь – и что-то им даёт. Это менталитет «совка»: кто-то должен за него что-то сделать, а от него не требуется использовать свои внутренние ресурсы, чтобы он развивался сверх того, что позволено государством. Это – часть политики, проводимой белорусскими властями, она направлена на возвращение назад, в формат Советского Союза. Раньше это использовалось более активно, сегодня – менее. Но оно есть, и часть населения являются носителями данной идеологии. Мы можем вести дискуссию, каков процент таких людей.

Это вопрос времени: время не работает на «совка» – объективно. А то, что есть «ностальжи» по советскому единству у старших поколений, я думаю, это ещё и проблема переходного этапа. Это всё вопросы очень болезненные. Проблем много, и не все люди могут осознать в себе внутренний потенциал и использовать его. Если тебя 30–40 лет приучают к одному поведению, создавая определённые стереотипы, то трудно ожидать, чтобы люди с возрастом легко привыкали к новой ситуации, даже если наступили бы большие возможности. В Литве я недавно беседовал с Кубилюсом, одним из лидеров консерваторов. Они провели опрос: у них тоже около 50% людей прямо или косвенно говорят о ностальгии по прошлому. Хотя Литва в Европейском Союзе и успех там оче-

виден, но это есть! Сохраняется. Я думаю, этот вопрос станет менее актуален с течением времени, когда будет подрастать новое поколение.

Что касается «славянства», то мне кажется, что это менее актуально на сегодняшний день для Беларуси. Хотя есть небольшая группа людей. Политически не прижилась ни одна такая структура – ни Славянский собор, ни другие. Они отмерли. Почему? Потому что если есть спрос, то всегда и люди появляются и мобилизуются, и идея имеет какой-то фундамент, её можно потом реализовать.

Здесь нет какой-то консолидированной позиции, которая есть среди исламского мира. Славяне есть и в Европейском Союзе, и на части бывшего советского пространства. Нет такого консолидированного подхода, имеющегося у исламского мира. Там совсем иная ситуация.

Василий Леонов

Есть или был суперэтнос «славянство»? Почему именно был? Да потому что мы, ведя речь о славянстве в обыденном употреблении, не вспоминаем поляков, чехов, другие нации. Славянский суперэтнос распался по конфессиональному признаку: католики и православные. Если вести речь о восточнославянском сообществе – Россия, Беларусь, Украина, – то и здесь есть вопросы, они очень сложны, и в рамках ответа на один из вопросов трудно вести речь. Мы не просто близкие народы (мы: русские, украинцы и белорусы), мы очень близкие. Но эта близость, родственность создала в прошлом и создает в настоящее время немало проблем. Это отдельная большая тема...

Что касается сообщества бывших советских республик, то лучше президента России В. В. Путина не скажешь: «СНГ – это организация по цивилизованному разводу».

Олег Манаев

Известные российские деятели и их последователи в Беларуси и Украине (а таких немало) любят подчеркивать славянскую общность в этническом

и геополитическом смысле: у нас, мол, была общая история, общее государство, мы вместе сражались с татарами, тевтонами и т. д. Точно так же некоторые наши деятели пытаются сегодня укреплять белорусскую идентичность на основе «золотого времени ВКЛ». На мой взгляд, сегодня такое понимание славянского сообщества, славянского единства, также как и белорусской идентичности, уже неадекватно времени – этого попросту больше не существует.

Но в другом аспекте – культурно-психологическом, отчасти религиозном, думаю, что славянское сообщество (но не единство!) как чувство близости существует. Как, например, китайский турист, встречая корейца или вьетнамца где-нибудь в джунглях Африки или на Манхэттене, вероятно, чувствует с ним большую культурно-психологическую близость, чем с окружающими. В этом смысле, я думаю, можно говорить о культурно-психологической близости славян и о более тесных связях между ними, чем между славянами и, например, французами, бразильцами, японцами и т. д.

Что же касается сообщества бывших советских народов, то это попросту блеф. Знаменитая формула, предложенная едва ли не в сталинские времена – о формировании новой исторической общности под названием «советский народ», как раз была таким блефом. Между некоторыми родственными нациями и народностями (которых в Советском Союзе насчитывалось больше ста) были особые культурно-психологические связи. Например, между славянскими, балтийскими, кавказскими, среднеазиатскими народами. Но так называемое «единство советского народа» держалось в основном на насилии и лживой пропаганде. Если мы возьмем среднестатистического эстонца и среднестатистического туркмена, то социально-культурная общность у них была на минимальном уровне. Безусловно, были некие общие черты у 300 миллионов людей, живших в Советском Союзе и называемых советским народом. Но эти черты были связаны не с национальными особенностями, а с особенностями советской социально-политической системы. Например, пониженная инициативность и ответственность по сравнению со среднестатистическим западноевропейцем или японцем, зато повышенное чувство страха и стремление к халяве и др. Как только система развалилась, стали исчезать и эти общие черты. Поэтому

современные попытки восстановить «единство» туркмен и эстонцев, грузин и якутов, других народов бывшего СССР – абсолютно бесперспективны.

Александр Милинкевич

Этими понятиями давно спекулируют различные ортодоксальные политики. Вроде того, что «славяне – это только те, кто православные» или «славяне – это только те, что признают Москву центром собирательства земель» и т. д. Это такие славяне, которые считают, что белорусов как нации не существует.

Анатолий Михайлов

Было бы наивно отрицать наличие исторически сложившихся особенностей того, что можно условно обозначить как славянское сообщество. Специфика исторического развития, близость языков, общность культурных традиций... На территории бывшего СССР оно оказалось к тому же усугубленным интенсивным взаимодействием на территории, не имеющей государственных границ.

Алесь Михалевич

Насчёт славянской общности я всегда привожу пример – то, что сам услышал от русских, приехавших в Чехию, в Прагу. Они сказали такую фразу, что чехи только говорят по-славянски, а на самом деле они немцы! Славянская общность для меня – как что-то ценностное. Если посмотреть, кто представляет Россию на международных форумах, какие люди руководят Россией, то нет уверенности, что хотя бы половина из них являются славянами по происхождению. Поэтому Россию рассматривать как часть славянского мира вообще трудно.

Плюс ко всему: исторически моя мать была очень сильно связана с Литвой, Вильнюсом. И я никогда не понимал, почему какие-то славяне из далёких российских регионов к нам чем-то ближе, чем, например, балты – литовцы, живущие тут, рядом, в 100 километрах от нас.

Народы бывшего СССР имеют общий опыт. Они имеют то преимущество над странами, не бывшими в социалистическом лагере, не бывшими в СССР, что они понимают, как работает диктатура. У них есть общий язык коммуникации, и я, например, абсолютно не стыжусь проводить совместные конференции между Беларусью и Азербайджаном на русском языке как рабочем. Если мы хорошо знаем этот язык, то к чему стыдиться на нём говорить между собой? Это средство коммуникации. Но это всё, что нам осталось от Советского Союза. И с каждым годом даже эти объединяющие моменты (знание русского языка) будут уходить.

Татьяна Протько

Понятие славянской общности есть. Оно возникло довольно давно, ещё до советского государства. Оно основывается на религиозности, на православии (именно русском православии, поскольку православных церквей больше), а главное – на коллективизме, на том образе жизни, который господствовал в дореволюционной России у большей части населения – крестьянства, и его взглядах на жизнь.

Западные славяне – совсем иное славянство, чем российское; оно принадлежит к европейской цивилизации. Урбанистические процессы значительно изменили снаружи и изнутри и российское славянство. И сейчас, как мне кажется, славянство – это больше идеология, в которой признаётся иная, чем в Западной Европе, система ценностей. Свобода, демократия, права человека – основные, фундаментальные столпы западноевропейской цивилизации. А вот у славянской цивилизации совсем иной подход: государство, экономика, подчинённость руководству.

Западноевропейский подход либеральный: человек в центре – и всё остальное вокруг него, в том числе и государство. Человек сам за себя отвечает и всё решает сам. А в славянской цивилизации наоборот: государство в центре, а человек – для него. Кроме того, тут значительную роль играет коллективизм. Политические свободы, связанные с демократией, – второстепенные понятия.

Общность советских народов существует, пока живут люди, жившие в СССР. Пока они не умрут, эта общность будет присутствовать. Почти 100 лет целые поколения росли под определённым мировоззрением. Но поклонников у него всё меньше и меньше.

Однако я бы не сказала, что советская общность уже отжила. Воспитанное за долгое время в людях чувство, что за тебя всё решает государство, к сожалению, очень популярно и характерно для Беларуси – больше всего по сравнению с другими странами бывшего СССР. Хочется, чтобы за тебя думал очередной Сталин, а не ты сам отвечал за свою судьбу. А европейская система ценностей требует от человека именно отвечать за себя, в первую очередь создавать своё счастье самому, а не ждать, что государство тебе что-то даст или общество тебе обязано дать какое-то счастье...

Андрей Санников

Славянская общность – это политический термин, политическое явление. Почему-то славянская общность в понимании бывших советских республик, тех, кто настаивает на этом, не включает в себя ни Польшу, ни Болгарию, ни Чехию, ни Словакию... Славянская общность – это «Мы строим Советский Союз». Сербов некоторое время «признавали», пока был Милошевич. Не признают славянами политические вожди, поддерживающие идею славянской общности, ни Польшу, ни Чехию, ни Словакию. Однако когда Республиканская партия в Чехии устроила Славянский конгресс, реакционный, направленный против демократических принципов, то сразу же их признали славянами, делегации из Москвы, из Минска ехали...

Славянское сообщество существует, есть определённые культурные традиции. Но то, что сегодня политики называют славянской общностью, – типичный политический фантом, который озвучивается ради пользы политических лидеров, прежде всего в России, Беларуси, Украине.

А связи народов, которые были под Советами, я считаю, есть и будут оставаться. К сожалению, появляются искусственные вещи, препятствующие отношениям. И, к сожалению, разрушилась та созидательная среда, которую

мы видели, например, в период перестройки. Мне не хватает серьёзной интеллектуальной поддержки из России. Тех людей, на примере которых мы учились достоинству и свободе. Мы были вместе, вместе разрушали империю и поддерживали друг друга.

Я не так давно был на пятнадцатой годовщине событий в Риге, их баррикад. Там тоже об этом говорили – что, к сожалению, потерялись связи. Потому что если бы не было поддержки этих людей, интеллектуальных лидеров, диссидентов, правозащитников из России, приезжавших из Питера как депутаты Ленсовета, то никто не знает, чем могло бы закончиться. Я думаю, что это не вернётся, но теоретически можно пожалеть. Потому что теперь мы такого вообще не видим. Что-то могут сказать о нашей ситуации и трезво осознать, что тут происходит, единицы.

Владимир Улахович

Инерция существования, как бы в распавшемся СССР, разумеется, существует и многое объясняет в современной жизни.

Валерий Фролов

Я думаю, есть ощущение славянскости – всё-таки оно культивируется.

Есть сообщество народов бывшего СССР. Даже если по нашей Беларуси судить: сколько здесь всяких наций живет?

Но другое дело, когда идею начинают культивировать, когда ее используют политики – это отхождение от сути и превращается в инструмент для политических игр. Вот что страшно!

Общность есть, она нас сплавливает. Трудно в одночасье, за 15 лет, ее разрушить. Но когда это превращается в инструменты для политического подъема, для зарабатывания денег (я знаю, что многие зарабатывают деньги на этом), для продвижения себя – это гнусно.

Я часто бываю на Украине, в России, в Прибалтике и чувствую: что-то такое осталось. Я не хочу преувеличивать тех положительных черт, которые были

при Советском Союзе, при социализме, но всё-таки в то время было очень много хорошего, очень много. А мы, как всегда, шарахаемся – или к белым, или к красным. То Ленина боготворили: «кудрявый мальчик», – то сейчас называют извергом. Жизнь не такая простая, она не черно-белая, а очень разноцветная.

Безусловно, надо сказать большое спасибо Лукашенко, что у нас зарождается ощущение своей страны, своей республики. Да, действительно, это никак не связано с национальными качествами, всё чисто формально, казенно. Но тем не менее... Я отношусь к тем людям, которые долго прожили в Советском Союзе. Я вижу, что растёт другое поколение. Очень хорошо, мне кажется, по этому поводу Черномырдин сказал, выступая в Киеве, когда уже был не премьером, а послом: «Некоторые в России думают, что мы старший брат. Да не старший мы и никакой не брат – мы уже другие. Нужно понимать, что выросло новое поколение, которое смотрит на эти вещи совершенно по-другому». Думаю, пройдет какое-то время – и мы всё больше и больше будем ощущать себя независимой, суверенной республикой со своим специфическим менталитетом, со своими традициями. Но если мы, живя на одной планете, на одном континенте, будем руководствоваться принципами, которые позволили бы мирно сосуществовать, развиваться – вот это будет здорово! Чтобы каждый сохранял свою национальную особенность и что-то свое вносил в разноцветную мозаику! И чтобы на эту мозаику было приятно смотреть, и чтобы это была не какая-то мозаика из фашистского знака...

Станислав Шушкевич

Что касается славянской общности, у меня такое впечатление, что кроме простого взаимопонимания необразованных людей (которые не знают языков, так как не изучали), тут никакой общности нет. Я вижу тут не общность, а противоречивость. Одни славяне – это русские, белорусы, украинцы, другие славяне – поляки, чехи, словаки. Сербы как бы немного похожи на русских.

Очевидно, что всё это результат общего происхождения, – я не историк, не могу сказать.

Я чувствую себя хорошо в том месте, где могу с человеком обмениваться мыслями, где я понимаю его язык. В этом смысле для меня существует славянская общность. Приехав в советское время к профессору в Любляну, я вдруг ощутил, что у меня нет проблем с пониманием. Я никогда не изучал словенского языка! В Словакии (в Братиславе) было то же самое. Труднее в Чехии. А что касается Польши – тут проблем нет: польский язык я знаю, в Беларуси его выучил, жил в местах, где говорят по-польски. Для меня в этом смысле общность существует.

Но очень часто эти объединения были, я бы сказал, не совсем порядочными. Например, сербско-русское единство, породившее уничтожение мусульман. Мне не очень близка мусульманская культура, но я бываю в среде, где мне очень легко общаться с людьми иных религий. Когда дошло до геноцида и до сегодняшнего дня народ прячет виновных в этом геноциде как национальных героев, тут какой-то изъян в воспитании, это отступление от европейскости.

И я бы сказал так: существует славянская общность, но местами она так переродилась, что время от времени контакты с другими сообществами, например с теми же финнами и французами, мне кажутся более эффективными и более полезными для обеих сторон.

Теперь что касается советской общности... Я советский человек, знаете ли. Я очень много ездил по Союзу и когда-то говорил, что нельзя одинаковым образом руководить узбекским хлопководством и чукотским оленеводством. Но я себя неплохо чувствовал и в Душанбе, и в Тбилиси, и позже в Бишкеке – благодаря вот этой нашей совместной истории. Это навязанная история, она, очевидно, обусловлена одинаковыми социальными проблемами.

Вот я только что вернулся из Франции. Французы очень хорошо революции устраивают. Протестный дух – это дух нации, он разрешён. Их учат тому, чтобы они умели протестовать, протестовать цивилизованно. Иногда бывают срывы – даже в нынешнем студенческом протесте. Но это дух нации. Кстати, они все стали французами благодаря объединению, потому что до того разделялись на ряд народностей. Мне кажется, что если бы у нас принципы объединения были искренними, то Союз имел бы шансы быть прочным. А так принципы были лживыми, и руководство проповедовало одно, а делало

другое. Только те люди, которые остались обманутыми (в определённом смысле и я, так как мне очень долго нравились советские принципы), чувствуют ностальгию по этому сообществу.

Для меня как белоруса было оскорблением: почему это мой отец как преподаватель белорусского языка получал на 12% заработную плату меньше, чем преподаватель русского языка (как зарубежного)? Было такое время. Это унижительные принципы, навязанные колониализмом, и только через свободные средства массовой информации они становятся понятны людям...

Одно осталось, что нас объединяет, – знание русского языка. Больше я пока не добавлю ничего. Европейцы – поляки, чехи – от этого уже отошли. Да и прибалты... А мы ещё остаёмся *homo soveticus*.

Всеволод Янчевский

Насчет народов СССР. Кто-то остроумно говорил (или писал), что на территории Советского Союза существовало сразу 4 общественно-экономических формации по Марксу: феодализм в России, капитализм в Прибалтике, рабовладение в Средней Азии и первобытно-общинный строй на Чукотке. Некое есть в этом преувеличение, конечно...

Понятно, что жители Средней Азии или Закавказья на нас непохожи. Собственно, сколько времени назад Средняя Азия была включена в Российскую империю? Когда хивинского хана Скобелев покорил? По меркам истории не так-то и давно!

Но всё-таки понятие «советский человек» было (точно!), еще есть, но уже через какое-то время его не будет. Это как в физике: если вы вещи механически соединяете, они будут притираться друг к другу, хотя бы они были даже очень разными. Молекулы будут проникать. И такие же «молекулы» проникали и тут. Это делалось иногда очень жестко. Иногда – насильственно, иногда – естественно. В общем-то, ничего уникального в этом нет: Россия Романовых, Советский Союз были классическими империями. Это такая форма самоорганизации людей – имперская: она синтезировала очень разные культуры, часто непохожие и даже противоречивые. У нее была сверхидея, сверхценность, сверхзадача.

Империя распалась – отчасти естественным, отчасти случайным образом. Например, при каком-то историческом повороте событий, наверное, вполне могли бы Беларусь, Украина, Россия, Казахстан (как писал Солженицын) сохраниться в едином государстве. Абсолютно не исключено!

Прибалтика – это нечто чужое было. Хотя всё же 200 лет пробыла в Российской империи. Галиция в Российской империи практически и не была: её включил только Сталин.

Потом СССР развалился. Его части стали расходиться. Многие из них не имеют органической нужды в соединении, и поэтому они естественно будут расходиться и дальше. Ну что у Таджикистана будет общего с Эстонией?

У меня очень странное отношение к славянскому единству. Допустим, мы говорим о России и Сербии. Классическая тема – братья и т. д. Но исторически эти страны не были связаны вообще никак! Это были две абсолютно разных истории, они не соприкасались.

Болгары, «братушки». Мы их освобождали, но две войны они воевали против нас.

Поляки – славяне... Если проанализировать, русские воевали с поляками что-то уж очень часто – я уж не знаю, с кем больше, чем с ними! Украинцы и поляки между собой очень не дружили.

Чехи. Язык очень похож на русский, но что общего в истории? Ничего.

В общем, насчет общеславянского единства очевидных фактов не очень много. Язык? Да, безусловно. А кроме языка что?

7. Как вы оцениваете политику России в отношении Беларуси?

Ольга Абрамова

Поведение России прагматично, соответствует национальным и государственным интересам. Думаю, для вас не секрет, что я с самого начала своего пребывания в политике являюсь пророссийским политиком, но одновременно – и проевропейским. Я стараюсь держать этот баланс. Я отдаю себе отчет, что на этом пространстве есть сфера честного взаимодействия, и как прагматичный человек я считаю, что она должна быть сохранена – в национально-государственных интересах Беларуси. В этом отношении российское руководство проводит ту политику, которая не просто соответствует национально-государственным интересам России, но и поддерживается большинством ее населения. Это аналогично тому, как ведет себя Александр Лукашенко: он тоже во внутреннем и внешнем плане проводит политику, которая поддерживается и разделяется большинством населения страны.

Светлана Алексиевич

Россия сегодня в сложной ситуации: империя пала, но имперская идея осталась. И это единственная идея, которая продолжает существовать в России. Такое уже встречалось в истории: империи распадались, а имперское сознание еще оставалось. Россия потеряла Грузию, Украину (не как территории, но как

сферу своего влияния), и это заставило ее жестко сформулировать свои геополитические интересы. Мне не нравится имперское сознание...

Что интересно: в этот момент в Беларуси интересы личной власти Лукашенко совпали с интересами нации. Вот такие парадоксы тоже иногда встречаются.

Евгений Бабосов

Думаю, политика России в отношении Беларуси двойственна. Это связано с тем, что в России, в отличие от Беларуси, есть олигархи, которые заинтересованы больше в том, чтобы Россию склонить к подчинению Западу, чем к союзу с Беларусью. Эти олигархи мешают процессу объединения народов. У нас ведь есть основания... 38% (!) белорусских женщин – научные данные! – замужем за русскими и украинцами. 38% – больше чем треть! И 36% мужчин женаты на русских, или украинках, или представительницах еще каких наций. Никакими границами, никакими договорами это не определяется.

У меня есть бывший аспирант, он из Зауралья. У него мать умерла, как поехать на похороны – вот проблема! Дорого стоит. А если во Владивостоке? Там у меня есть докторант, профессор, который получил звание доктора. Он наш, белорус. Как поехать к нему в гости? Проблема не человеческих отношений, а экономического порядка – не за что поехать. Это мешает... Меня пригласили в Москву на Российский конгресс социологов. Вступительный взнос – 450 тыс. рублей. Вот и думаю: ехать или не ехать? Вот вопрос. А студенту? Да никогда в жизни!

Проблема отношения России к Беларуси – двойственная. И они очень заинтересованы – западные рубежи все-таки и прикрытис с Запада. Если что – так Беларусь первая! Все ж помнят Брестскую крепость, если что.

Анжелика Борыс

Как имперскую.

Генадзь Буравкин

К большому сожалению, у меня такое впечатление, которое со временем не слабеет, а, наоборот, усиливается, крепнет, что в России не только на государственном уровне, а на уровне общества очень активно реанимируются идеи имперскости. Многие россияне, в том числе и деятели культуры, очень хотят быть обязательно великими, обязательно свою волю если не диктовать, то навязывать другим. Прежде всего тем, кто ближе к ним, кто был когда-то в Советском Союзе. Вы заметили, что очень часто, практически всё время в последние годы говорится о Советском Союзе как о разновидности Российской империи. Для россиян это уже, как говорится, данность. Хотя я считаю, что, если уж быть исторически точным, знака полного равенства ставить между Российской империей и Советским Союзом нельзя. Во всяком случае даже у Ленина было желание отойти от того, что было в Российской империи, не зря ведь он говорил, что Россия – «тюрьма народов». Теперь почему-то политики даже на самом высоком уровне очень охотно позволяют другим, а иногда и себе ставить знак равенства между Российской империей и Советским Союзом. Советского Союза нет – они с этим согласны. Даже согласны с тем, что Советского Союза и быть не может. Но должна вернуться Российская империя! Не в таких формулировках, конечно. Иногда звучит: должна вернуться великая Россия, должно вернуться российское могущество и т. д. Если отбросить дипломатию и какие-то стилистические манёвры, то речь идёт о возвращении, реанимации Российской империи. А это означает, если дальше вести логическую цепочку, что Россия снова хочет иметь под своим руководством и Беларусь, и Украину, и Казахстан, и Грузию. Я не знаю, может, они подумывают и о Прибалтике – это они осторожно пока говорят. Поэтому меня те политические особенности России, которые я вижу, очень пугают.

Отсюда та неприкрытая русификация, которую Россия очень боится потерять. В Беларуси для них проблемы с русским языком, или, как они говорят, с русскоязычным населением, нет. А посмотрите, как они этот вопрос рассматривают в отношении Латвии, Эстонии, даже той же Украины или Молдовы. Абсолютно имперские настроения, имперский подход.

Ещё меня очень тревожит то, что в политической среде России происходят процессы, которые очень во многом напоминают то, что связано с фашизмом. На самом высоком уровне всякие Жириновские, Затулины и т. д. получают для этого огромные трибуны, телевизионные и другие, где они призывают к применению силы к тем, кто ведёт себя не так, как им кажется нужным. Я уже не говорю об этих сумасшедших заявлениях, что нужно помыть сапоги в Индийском океане. И подобное не осуждается. Если и осуждается, то очень несмело, сквозь зубы. А всё это идёт чуть ли не под аплодисменты очень многих людей. И я думаю, не случайно то, что в последнее время произошло в России в отношении студентов-иностранцев, у которых иной цвет кожи, в отношении синагог. Меня это очень и очень настораживает. Потому что, что мы втягиваемся в орбиту российской политической жизни, процессов, для меня страшно, очень тревожно. И я просто боюсь, что если мы (а мы во многом очень близки) воспримем такое от них, то не только для нашей души, для нашей истории это будет очень трагично – это будет трагично для судьбы нашего молодого национального государства.

Алесь Бяляцкий

Как недалёкую, ограниченную, построенную на первичных инстинктах, я сказал бы. Говорить о какой-то стратегии России в отношении Беларуси не приходится. Всё построено на абсолютно туполобом, военном прагматизме. И на сегодняшний день это есть внешняя политика России по отношению ко всем странам, ранее входившим в СССР. Вот почему прибалты с такой скоростью выскочили из всех «союзных соглашений», взаимоотношений, экономических отношений и т. д.? Они это сделали, невзирая на любые экономические потери, хотя это, возможно, было невыгодно, и теперь ещё невыгодно, и ещё некоторое время будет невыгодно. Они чувствовали, что если они останутся в этой постсоветской трясине, то им всё равно за это придётся платить в пять раз дороже, чем они сделали сразу, отрезав эту пуповину как можно скорее и свалив отсюда. На сегодняшний день мы видим, что делает Россия с Грузией, с Молдовой: фактически идёт скрытая экономическая блокада. Этот путь

раньше или позже будет ожидать и нас, если Россия не изменит своего отношения. А сегодня нет оснований его менять: она слишком большая страна, ей эта Грузия или, в конце концов, Беларусь... Разве что Украина может что-то значить в экономическом плане. Все другие страны для нее – ничто. Может, Беларусь и Украина как транзитные пути – тут на них больше завязано на Европу, на торговлю и т. д. А что касается несчастных маленьких стран вроде Молдовы и Грузии, которые геополитически – совсем никуда, так русские их давят, топчут, издеваются над ними как угодно. Поэтому говорить о каком-то серьезном отношении к Беларуси пока не приходится. Как себя ведёт пьяный солдат в борделе, таким образом Россия себя ведёт со всеми малыми странами, которые вокруг неё образовались.

Я думаю, что в ближайшее время никаких изменений не произойдёт – у нас не должно быть никаких иллюзий. И это ещё одно из очень сильных оснований для того, почему Беларусь как можно быстрее должна влетать, въезжать, вбегать в Евросоюз. Условно говоря, нам надо сейчас как можно скорее строить пятиметровый забор на нашей восточной границе, оставлять там 10–20 проходов для культурных и семейных взаимоотношений, а всё остальное – перекрывать. Иначе это может очень-очень плохо для нас закончиться. Так как, в конце концов, вся история союза с Россией для нас – какая-то сплошная трагедия, которая выливается всякий раз в миллионные жертвы. Я уже не говорю об экономическом ущербе, только о человеческих жертвах.

Александр Вайтович

Если очень коротко, то я оцениваю её сейчас в политической сфере как не соответствующую национальным интересам и России и Беларуси.

Андрей Вардамацкий

Просто недалёковидная. Она заключается во взаимодействии только с официальными структурами, будущее которых, вообще говоря, стратегически неопределенно. И другие сегменты общества очень хорошо это видят. И при

изменении ситуации другие сегменты общества будут иметь настороженное отношение к России.

Винцук Вячорка

Беседа не на один абзац. Коротко – ничего в их политике не меняется, точнее, её сущность снова проясняется для тех, кто в какой-то момент поверил в возможность изменений. «Либеральная империя», – сказал Чубайс. Империя не может быть либеральной; теперь очевидно (для тех, кто раньше не видел), что она таковой и не является. Кстати, интересно, что Беларусь там мало знают, не понимают процессов в нашем обществе. Те, кто принимает решения, живут стереотипами. Краником как универсальным рычагом. Может быть, это и хорошо?

Павел Данейко

Я убежден, что никакой внешней политики у России нет. Россия не в состоянии генерировать какую-то осмысленную внешнюю политику по одной простой причине: она не в состоянии отрефлексировать национальные интересы. Остатки имперского внешнеполитического мышления в значительной мере определяют на сегодняшний день действия России. Эти действия, в моем понимании, противоречат интересам России. Вопрос в том, как мы определяем эти ценности. Если мы определяем их через рост благосостояния, которое будет надежно защищено от посягательств снаружи и изнутри, если мы это рассматриваем как главную задачу государства, то, безусловно, такому развитию событий в России нынешняя внешняя политика противоречит. Она основана на других допущениях, на неких идеологических допущениях: они по-прежнему мыслят пространственными характеристиками, по-прежнему считают важным, чтобы их боялись. Это абсолютная каша из разных наследий, которая к современной России, к народу, который там живет, не имеет никакого отношения.

Поэтому и относительно Беларуси как таковой политики нет и не было. Какие-то оставшиеся имперские структуры тешатся таким типом отношений,

где для них главное – «наш спутник», «союзник», «младший брат» – ощущение, что кто-то от них зависит. Но это затрагивает либо массовое сознание, которое неотрафлексировано, как наследие пропаганды, либо совершенно «отвязанных» интеллектуалов, которые много знают, но мало понимают. Серьёзные элиты воспринимают это как игру, они достаточно цинично используют набор стереотипов, который существует, для достижения своих собственных интересов – групповых и личных.

Андрей Дынько

Я оцениваю эту политику как прагматичную вплоть до цинизма. Я также оцениваю её как недалёковидную. Российская политика последнего десятилетия основывалась на безоговорочной поддержке авторитарного режима Лукашенко при сохранении тайных надежд на то, что в результате Беларусь удастся всё-таки вернуть в лоно матушки-России. Эта политика очень высокомерная, она игнорирует тот факт, что репрессивный режим в Беларуси противоречит интересам многих слоёв белорусского общества, что он неестественен для страны Центральной Европы. Одна только Беларусь имеет такой режим, нигде рядом второго такого нет. Режимы, которые были в Словакии или Хорватии, очень быстро пали. И это приводит к большому разочарованию белорусского гражданского общества в России.

Я назвал бы эту политику циничной. Если отбросить всякие фигуры умолчания, то она предусматривает в идеале ассимиляцию белорусского народа как такового. Мне трудно найти какой-либо другой пример в Европе, чтобы одна страна ставила себе в качестве стратегической задачи использовать ситуацию, инкорпорировать другую страну и уничтожить её национальное своеобразие. Это то, что вызывало все последние годы понятную обеспокоенность в среде белорусской национальной элиты, вызывало также большие опасения у белорусского бизнеса. И это накладывается на прежние психологические травмы во взаимоотношениях между Беларусью и Россией.

Однако Россия, я надеюсь, останется демократической страной, ответственным членом евроатлантического сообщества. Экономические контакты

Беларуси с Россией очень существенные, несмотря на то, что экспорт белорусских товаров в Евросоюз в последние годы постоянно рос, а экспорт в Россию – падал. Тем не менее Россия остаётся для Беларуси самым большим соседом, страной, с которой Беларусь имеет наиболее протяжённую границу. Я вижу одной из основных задач белорусских интеллектуалов на сегодня – найти такие варианты сосуществования с Россией, при которых Россия перестала бы быть источником опасности для Беларуси, а была бы источником способствования устойчивому развитию.

Светлана Калинкина

Политика России – это политика империи. По большому счёту, Беларусь для России – это колония: из неё надо вытянуть как можно больше. И всё остальное Россию не интересует.

Но тут я бы не обвиняла только одну Россию, потому что во многом мы виноваты сами. Мы сами разрешили, чтобы у нас было такое руководство. И даже мы сами стремились задушиться в братских объятиях. В то же время такая политика не рассчитана на много лет, это кратковременная политика. Сейчас, мне кажется, в России какие-то попытки хотя бы по-другому, в ином ракурсе взглянуть на происходящее в отношениях между ней и Беларусью уже есть. Но они ещё не у России как государства, а у российских аналитиков, политологов. Такие попытки есть, поэтому я думаю, что всё-таки в какой-то близкой перспективе отношения между Беларусью и Россией изменятся.

Другое дело, что это может не произойти вообще, если в скором времени осуществляются планы по созданию союзного государства как единого, цельного, монолитного и т. д.

Сергей Калякин

Если брать последний период, то как недалёковидную. Россия декларирует на государственном уровне, что Беларусь является стратегическим партнёром, что с Беларусью строится единое государство, что есть стратегические интере-

сы. Вместе с тем Россия смотрит сквозь пальцы на то, что Беларусь всё больше отдаляется, в том числе и от России. По всем параметрам! Мы строим 10 лет союзное государство – с 1996 г. Если мы возьмём 1996 г. и 2006 г., то увидим: в 1996 г. Беларусь и Россия были значительно ближе друг к другу по всем показателям – по системе экономической деятельности, по системе политических отношений, социальных отношений...

Кроме того, Россия в отношениях с Беларусью руководствовалась и будет руководствоваться собственными интересами. И это нормально! Так же ведет себя любая другая страна: Германия в отношении Беларуси будет руководствоваться своими интересами, Польша – своими, Евросоюз – своими, США – своими... Поэтому Россия исходит из своих интересов. Но, на мой взгляд, она понимает их неправильно и недальновидно. Делая ставку только на действующий режим, который поддерживается пускай даже половиной населения Беларуси, Россия противопоставляет себе вторую половину: последняя видит, что Россия, оказывая поддержку нынешнему режиму, тормозит трансформацию, тормозит перемены, тормозит демократизацию Беларуси. И она усматривает в России препятствие: не будь сегодня поддержки России, то перемены произошли бы, возможно, более быстро. И надо понимать, что та половина, которая не поддерживает Лукашенко, более молодая, более образованная. Это часть, за которой будущее. И длительной поддержкой только одной стороны Россия создает прецедент: в перспективе у нее становится все больше и больше противников. На мой взгляд, ей нужно срочным образом менять свое отношение к происходящим в Беларуси процессам и дать понять белорусам, что наши проблемы мы должны решать сами. Но в то же время она должна показывать, что она не выбирает какую-то сторону и искусственно не тормозит эти процессы. А при разумном подходе Россия могла бы оказывать и помощь в изменениях, проходящих в Беларуси, исходя из того, что Беларусь и формально в сообществе России и Беларуси взяла на себя многие обязательства, которые не выполняет – в области прав человека, политических свобод и проч. И Россия сегодня имеет больше влияния и возможностей, по факту, чем Европа, чем США. Она должна демонстрировать, что помогает Беларуси в решении существующих у нее проблем. А тем самым она поспособствовала бы в решении проблем, которые

сегодня у Беларуси есть в отношениях с Европой, США и т. д. И на мой взгляд, Россия могла бы включиться в сегодняшний общий мировой процесс попыток разрешения существующего глубокого политического кризиса в Республике Беларусь.

Кася Камоцкая

Это однозначная поддержка диктатуры при помощи газа и нефти. И информационная поддержка, и дипломатическая.

Сергей Костян

Я бы сказал так, что эта политика имеет два направления. С одной стороны, Россия рабочих и крестьян, прогрессивной интеллигенции, часть политических деятелей России выступают за скорейший союз Беларуси и России. За крепкий союз Беларуси и России! С другой – есть часть политических деятелей в России (в России, но не русских!), которые выступают от имени России и против этого союза. Мы это учитываем. И даже последнее решение о повышении цен на газ для Беларуси свидетельствует о том, что те силы в России, которые руководствуются требованиями из Вашингтона, и заявили об этом. Почему? Недавно один из политических деятелей, экономист из Западной Европы, по «Евроньюс» сказал, что надо требовать от России, чтобы она перестала продавать Беларуси газ по внутренним ценам, чтобы быстрее обрушился режим Лукашенко, поскольку путём выборов его отстранить от власти нельзя. Прошла одна неделя – и эти силы (антирусские, подчёркиваю, и антибелорусские!) приняли такое решение. Но посмотрим, что будет дальше, ведь русский народ уже поднялся: 3 апреля организовали в России пикет против Газпрома, 2 апреля – Собор общественных объединений России и Беларуси, где приняли резолюцию, направленную Путину и в Газпром, против введения этих цен. В России уже открыто говорят, что специально делается так, чтобы не допустить создания крепкого союза Беларуси и России, крепкого союзного государства. Я думаю, что русский народ сможет добиться отмены этих предательских решений.

Вячеслав Кебич

Что касается России, там есть два течения. Политическое течение: любым способом не упустить Беларусь, иметь с ней хорошие отношения. Потому что это единственный коридор на Запад, который остался у России. Еще есть и второе направление – экономическое. Если взять тот же Газпром, к примеру, он не занимается политикой: он занимается экономикой. И чем повыше вырвешь у каждого государства цену за газ, тем для того же Миллера лучше. Поэтому преобладают два направления. И хотя экономисты зажимают Республику Беларусь, верх пока берет политическое начало.

Анатолий Лебедько

У России нет стратегии относительно Беларуси. Взвешенной, понятной стратегии нет. Москва, как и Брюссель, к президентской избирательной кампании оказалась не подготовлена. Поэтому для России идеальным результатом этой кампании был статус-кво, когда ничего не меняется. Они не подготовлены, чтобы быть активными игроками на политическом поле Беларуси, поэтому стремились сохранить эту ситуацию, но с одним дополнением: Лукашенко остался у власти, но остался опороченный фальсификациями. Поэтому сам Лукашенко вынужден искать легитимации не только внутри страны (что приоритетно!), но и где-то за её пределами. Где? Вот в России. Он приходит туда слабый: все знают, что были фальсификации, что он не выиграл выборов. Эту слабость Россия может использовать, чтобы решать свои вопросы – экономические и политические.

Я прогнозирую, что сейчас произойдут изменения в Москве (как и в Брюсселе). Москва начнёт делать инвестиции в политическую инфраструктуру. Она начнёт создавать политические субъекты, которые будут ориентироваться на Россию, и начнёт выращивать своего белорусского януковича. Как только это будет сделано, Москва начнёт действовать активно, прагматично и довольно жёстко. Тут есть плюсы и минусы.

Плюс в том, что это новое качество. Новое качество означает, что Лукашенко тогда придётся открывать два фронта: Первый и Второй Белорусские – на восток и на запад. Ему это будет значительно более сложно: ресурсы расплытятся.

Минус в том, что есть большая вероятность, что Москва сможет «продать» кандидата с поддержкой тех политических сил, которые очень сильно ориентированы на Россию.

Василий Леонов

Это политика недальновидная, ошибочная.

Олег Манаев

Выражаясь научным языком, как неадекватную, т. е. не соответствующую реальности. Конкретно эта неадекватность проявляется в том, что, особенно после недавних «цветных» революций, Россия всеми силами пытается не наладить взаимовыгодное сотрудничество с новыми руководителями и элитами, а вернуть свое влияние в этих странах, поддерживая одиозных руководителей и консервативные элиты. Тем самым политика России объективно вступает в противоречие с национальными интересами соседей. Как бы ни относиться к этим новым руководителям и элитам, очевидно, что национальный интерес любой страны устремлен в будущее, а не в прошлое. Путин публично заявлял, что Россия привыкла иметь отношения с теми элитами в соседних и других странах, которые находятся у власти. Этим он объяснял поддержку Акаева, Лукашенко, Кучмы... Это и есть неадекватная политика. Что значит «привыкла»? Если так делали твои предшественники и Россия от этого имела больше минусов, чем плюсов (а коллапс СССР тому свидетельство), то меняй эту политику, мало ли что было раньше! Но Россия, к сожалению, этого не делает, в чем мы убедились на примере последних президентских выборов в Беларуси. Ещё в конце 2005 г. были какие-то надежды, споры, дискуссии, основанные на предыдущих отношениях белорусских контрэлит с российскими партнерами. Но сейчас очевидно, что российское руководство решило сохранять свое влияние

в Беларуси, поддерживая политическое статус-кво. Не берусь судить, насколько это соответствует национальным интересам России (думаю, что нет), но нашим национальным интересам точно не соответствует. Сколько времени подобное будет продолжаться, не знаю. Некоторые подвижки происходят (например, последняя газовая коллизия). Но значит ли это, что политика России по отношению к Беларуси становится более адекватной? Если бы мы видели, что шаги предпринимаются для того, чтобы политика белорусского руководства стала более демократичной, уважающей права своих граждан, более открытой внешнему миру и т. д., можно было бы утверждать, что политика России становится более адекватной. Но мы видим, что эти шаги преследуют совершенно иные цели.

Александр Милинкевич

Считаю, что Россия, стремясь реализовать свои геополитические интересы за счёт десятиmillionного народа, совершает огромную ошибку. Это бесперспективная политика, стратегия одного дня. Российское руководство, признавая итоги сфальсифицированных выборов, признавая нелегитимного президента, настраивает против себя множество людей. И прежде всего молодых, которые в будущем станут руководить Беларусью и с которыми России выстраивать отношения. Мы со своей стороны всегда говорим московским политическим элитам, что в стратегических интересах России – демократическая Беларусь. Я бы назвал наше отношение к России прагматичным. Россия – соседнее государство, с которым мы намереваемся строить открытые, взаимовыгодные, доброжелательные отношения, в фундаменте которых будет прежде всего экономика и благосостояние граждан, а не политическая конъюнктура.

Анатолий Михайлов

Политика России на постсоветском пространстве в настоящее время лишена чувства реализма. Удивляет, что даже осуществление того, что могло бы быть обозначено как преследование национальных интересов, оказывается, как правило, контрпродуктивным.

Алесь Михалевич

Я её оцениваю как такую позицию: Беларусь является вассалом России. Мы являемся страной, которая де-факто в основных вопросах управляется со стороны России.

Татьяна Протько

У России сейчас нет никакой долгосрочной продуманной внешней политики по отношению к каким бы то ни было странам. Всё очень спорадично. В самой России идут процессы, и неизвестно, какая она будет. С одной стороны, она – с Америкой. С другой – начинает игры с Китаем. С третьей стороны, укрепляет взаимоотношения с Евросоюзом. Всё это отражается и на отношениях с Беларусью.

Но России важно иметь с нами дружеские отношения. Во-первых, мы европейская страна, мы входим в европейские организации. Если ты хочешь там что-то провести, то дорожишь каждым голосом. Во-вторых, мы транзитная страна. Россия понимает нашу геополитическую значимость для своей политики.

И, конечно, единый язык, единое советское прошлое. Последнее наиболее значимо. В России много людей, в том числе и политиков, мечтающих восстановить советскую систему, исправив её «недостатки». А в Беларуси это уже делается. Изю всех стран бывшего СССР Беларусь была и остаётся наиболее советской. Была такая политика коммунистов – сделать буферную образцовую страну для Запада, где демонстрировались бы советские ценности, новая общность «советский народ»... Под другим названием теперь эта модель снова начинает свою жизнь.

В-третьих, после войны в Беларуси осела значительная часть россиян. Это тоже вынуждает руководство России иметь к нам интерес. Есть и другие связи.

Россия сегодня – козырная карта и во внутривнутриполитических белорусских играх. И демократическая оппозиция, и руководство страны ищут там фи-

нансовую поддержку. Российские деньги в политике сегодня наиболее привлекательны.

Нельзя не вспомнить и об экономических связях России и Беларуси.

Андрей Санников

Я не вижу пока серьёзной и положительной политики в отношении Беларуси. Потому что существует такая, я бы сказал, упрямая поддержка диктатуры (это мы и при Ельцине видели, и теперь при Путине), всех тех процессов, которые привели Беларусь к диктатуре и тоталитаризму. Несмотря ни на что, Россия никаких ошибок не замечает. Она не создаёт друзей на будущее. Ее руководство, как всегда, заботится об образе сильного государства, мирового игрока. Может быть, и нельзя ожидать, что Россия будет вести себя иначе. Но ведь три-четыре, даже пять лет назад, когда неизвестно было, какую политику будет проводить Путин, там звучали и обсуждались идеи: если мы хотим быть демократическим государством, то почему мы не поддерживаем демократические процессы у соседей? Нельзя силой создавать друзей! Я думаю, всё-таки большинство белорусов не с такой уж приверженностью относятся к России, как это подаётся и в российских, и в наших официальных СМИ. Очевидно, что если бы была другая политика, можно было бы говорить и о том, что есть какой-то выбор между Евросоюзом и определёнными отношениями с Россией (не союзом!). А теперь я категорически говорю: наша история нас научила, что такой драматичный выбор у нас в будущем не стоит.

Владимир Улахович

Как традиционную.

Валерий Фролов

Мне она не очень понятна с точки зрения здравого смысла. По каким-то конъюнктурным соображениям она, в общем-то, понятна. Естественно стрем-

ление России сохранить пространство, на котором она имела бы влияние, выходящее за рамки ее территории. Где-то влияют экономические сиюминутные соображения, «труба».

Но стратегически мне непонятна эта политика. Россия пока поддерживает Александра Григорьевича Лукашенко, хотя он уже стал бревном на пути маневра России. Какие-то вопросы на каких-то этапах решаются, но чтобы мы существовали как два братских народа, в союзе по образцу Евросоюза – ну несколько не помогает!

Я не скрываю, я политик пророссийской ориентации. Мы тут для националистов враги какие-то, они считают, что мы сдаём Беларусь. Да мы её никогда не хотим сдавать! Просто мы, я думаю, более широко смотрим на жизнь. А россияне уже нас считают националистами. Пророссийская здравомыслящая, конструктивная оппозиция оказалась весьма слабо востребованной.

В России подвиги уже идут. Там есть Европейский форум, на который из стран бывшего Советского Союза собираются 200–300 человек. Фонд эффективной политики Глеба Павловского приглашает конструктивных политиков с, так скажем, пророссийским уклоном. Вот я был на очередном этом форуме, там тогда было не 300, а человек 60. Я был там, Козулин... После разговора с Модестом Колеровым (начальником управления по делам СНГ) у меня появилось желание плюнуть на всё и уехать домой, в Минск. Потом мы поговорили с Кокошиным, Глебом Павловским – они смягчили ситуацию, но я уехал оттуда очень грустный и расстроенный.

Я ж переживаю не только за Беларусь. Я переживаю и за Россию, потому что у нас с Россией многое взаимосвязано. Мы оказались там мало кому нужными. Здесь, в Беларуси, на политическое поле, на котором действует наша традиционная оппозиция, она стремится нас не пустить. Заметьте, ко всем тем инициативам, какие мы предлагали, когда были депутатами (изменения в Избирательный кодекс, контрактная система), они относились очень осторожно. Если наша инициатива, а они поддержали – значит, мы поднялись на уровень, мы в авторитете, а они тогда кто? Шла (и сейчас идет) тихая междоусобная война между основными частями нашей оппозиции, и нас они не пускают на свою поляну. Поэтому где-то и приклеивают ярлыки: «Они сдадут Беларусь! Яны матчынай мовы ня ведаюць» или ещё что-нибудь такое.

Когда мы голодали у меня в квартире, там было много представителей ОГП и был Виктор Ивашкевич, заместитель председателя БНФ. Иногда мы начинали выяснять взгляды партии, спорить о чем-то. Я говорю Ивашкевичу: «У меня ощущение Беларуси гораздо большее, чем у наших либералов. Потому что я вырос здесь, потому что меня воспитывала моя белорусская бабушка, которая была неграмотная, и моя тетка, которая окончила четыре класса». Конечно, что-то у меня и российское наложилось: отец у меня русский, а мать белоруска. Я много в России служил, мне и Россия дорога. Конечно, тут какое-то определенное раздвоение присутствует.

Нас хотят поделить: «Ага, раз ты за Беларусь – значит, ты против России. Раз ты за Россию – значит, ты будешь белорусов давить». Да глупость это! Евросоюз объединился, а мы всё делимся, кто из нас более демократ, кто какими принципами руководствуется, кто кого поглотить хочет и пр.

Станислав Шушкевич

Как имперскую. Я разделил бы только... Я люблю русских людей. И у меня такое впечатление, что белорусов почти все на свете любят. И русские очень любят. Но российское руководство всегда было врагом. Российская власть, сколько она ни существовала, была врагом и русской культуры, и иной национальной культуры. Всегда деятели русской культуры: от Пушкина, Толстого, Чехова и до Солженицына – выступали против власти. Я не знаю, откуда берутся такие руководители, у которых совесть отступает на второй план. Возьмём сегодняшний день. Вмешательство во внутренние дела Беларуси – обычное явление. Ансамбль Черномырдин–Строев–Селезнёв приехал к нам в 1996 году. Теперь приехал Грызлов: он видел документы, что оппозиция готовит тут фальсификации. Я не знаю такого руководства в другой стране, которое потеряло бы полностью чувство стыда! Такое руководство есть только в России.

Ещё раз скажу: мой любимый писатель – русский. Можно много говорить о русских композиторах, изобретателях... Но что касается власти... Как-то не везёт на порядочную власть России. Нам не везёт тоже, но это, я думаю, болезнь, которая идёт оттуда.

У меня русские привычки, русская безалаберность, я люблю русских. Не люблю российского руководства, так как оно неинтеллигентное. Для меня интеллигент – тот образованный человек, который верен определённым принципам. Какие принципы могут быть у Жириновского, у Грызлова или у Рушайлы? Никаких! И в определённом смысле Путин подтверждает, что у него нет никаких принципов. Я детально изучал путинскую статью «На рубеже тысячелетий», опубликованную в начале 2000 года. Из этой статьи можно было почерпнуть что угодно, она всех должна была удовлетворить: там и державность, и чего только ни пожелаете. А державность – это великодержавность, имперскость и т. д. Чтобы такая страна существовала только благодаря нефтяным долларам – просто стыд!

Всеволод Янчевский

В России популярен Лукашенко, популярен наш путь. В российских СМИ про Беларусь теперь говорят мало: при Путине о Беларуси практически перестали говорить. Но «народный телеграф», самый надёжный источник информации, продолжает действовать. У кого-то здесь живут родственники, кто-то приезжает в командировки... Люди видят, как живут белорусы. И отсюда – уважение к Лукашенко.

Между тем, кое у кого в Кремле отношение к Беларуси странное – неискреннее и глуповато-покровительственное.

Некоторые российские политики хотят делать вид, что им достаточно шевельнуть пальцем – и в Беларуси все мгновенно изменится. Но даже если они начнут шевелить всеми пальцами на руках и ногах, в Беларуси от этого не изменится ни-че-го! Многие в России, кажется, уже поняли, но всё ещё не желают признавать этот факт. Хотя после украинского провала 2004 года им это понять необходимо.

России повезло, что президентом Беларуси избран Лукашенко. Только честности нашего президента Москва обязана тем, что у нее еще есть союзники на западном направлении.

Беларусь уже дала России всё, что могла. И не стоит требовать от нас чего-то большего, потому что это будет противоречить нашим собственным интересам. Мы не сможем дать ничего больше.

России не стоит отталкивать своего единственного союзника или стремиться держать его в приходе. Россия уже не империя. И московским политикам (если среди них кто-то думает о стране), вместо каких-то наивных игр в «энергетическую сверхдержаву», стоило бы понять, что нефть и газ – это два демона России. Они ее погубят так же, как когда-то погубили СССР...

8. Как вы оцениваете политику других соседних государств, за исключением России, в отношении Беларуси?

Ольга Абрамова

Что касается соседей, я сформулирую очень жестко. Литва, Польша, Украина проводят политику, которая в долговременном плане не соответствует их национально-государственным интересам. И если убрать политические и идеологические наслоения, и конъюнктурные выборы, и предпочтения политической элиты, то я не думаю, что таким был бы выбор большинства народа, если бы вопрос об отношении к Беларуси был вынесен на общенациональный референдум в каждой из этих стран. Я думаю, результат был бы отличный от той линии, которую проводит сегодняшняя политическая элита названных стран.

Светлана Алексиевич

Мне трудно говорить о политике, потому что эти вопросы меня практически не интересуют. Мне более интересна историческая, культурная, ментальная или даже психологическая цепочка.

В Москве у меня была презентация книги «Чернобыльская молитва». И среди многих пришедших было трое русских, которые кричали: «Нам бы вашего Лукашенко!» Это люди, которые проиграли в процессе российских реформ. Для них современная Беларусь – это островок социализма. Но таких я встречаю нечасто. Чаще мне приходится слышать: «Ну что же вы, белорусы?

Как вы позволили, чтобы с вами так поступили? Где же ваша интеллигенция и писатели?» И в этих упреках звучит такая нотка, будто к нам обращаются как к детям, а не ко взрослым.

Психология жертвы, психология ожидания помощи, характерная для нашей оппозиции, идет от чувства собственного бессилия. Раньше мы ожидали помощи от Запада, потом – от России, теперь – смотрим на наших ближайших соседей. Но нельзя ждать помощи от кого-то. Пока мы сами не решим свои задачи – их за нас не решит никто. И наши ближайшие соседи могут только показать нам пример, и не больше.

Евгений Бабосов

Современное правительство Польши (не люди! Я с поляками очень дружу) правого направления (хотя Квасьневски был, наверное, не лучше). Оно проводит недружественную политику по отношению к Беларуси. И это осложняет контакты между нашими людьми. Тут виноваты не поляки, а современное руководство Польши.

Что касается Литвы – там примерно то же самое. Там руководство сильно ориентировано на Запад и как-то слабо ориентировано на Восток. Думаю, что это временное явление: им некуда деваться, и жить надо в мире с Беларусью. И всякие эти штуки насчет захоронения атомных отходов на границе с Беларусью, всякие маневры военные – ничего из этого не будет. В экономическом смысле Беларусь сильнее и Литвы, и Латвии, и Эстонии (и несколько слабее Польши). В экономическом смысле они ничего не сделают. С точки зрения военного противостояния, наши военнослужащие (я знаю, поскольку был председателем комиссии по военной реформе) подготовлены, в случае чего, лучше, чем соседи. Поэтому и тут ничего не получится! Что касается культуры – мы тоже ничем не уступаем. Поэтому им нам противопоставить просто нечего, кроме каких-то потуг, которые ведут не к добру. Поэтому я думаю, что «Гитлеры приходят и уходят, а народ германский остается» (хоть и не модно ссылаться на Сталина). Уходят адамкусы и прочие, и прочие, а литовский народ останется

и будет дружить с белорусским народом – ему некуда деваться. Просто некуда деваться! И поляки – то же самое, никуда не денутся.

Насчет Украины – всё очень сложно. Дело в том, что очень активно Ющенко нацелен на вхождение в НАТО – это, конечно, осложняет ситуацию, потому что Беларусь не собирается в НАТО вступать. Украинцы сейчас живут хуже, чем мы, в смысле зарплаты и всего остального. Хуже! Поэтому я думаю, что они никуда не денутся. Им деваться некуда – они будут в союзе с Россией и Беларусью. Никуда не денутся! Может, через пять лет, когда уйдет Ющенко, придет кто-то другой... Есть тенденции развития стран (не государств! Это разные вещи) к тому, что союз восточных славян должен усиливаться. К этому все предпосылки существуют. А к тому, чтобы их разъединить, предпосылок мало, кроме геополитических стремлений некоторых лидеров, которым сейчас подчиняется Ющенко и тот же Саакашвили.

Анжелика Борыс

Как реакцию на агрессивную политику самой Беларуси. И обеспокоенность тем, что страна в центре Европы, проводя политику самоизоляции, является потенциально дестабилизирующим фактором для соседей.

Генадзь Буравкин

Думаю, что влияние есть, но, к сожалению, в государственном отношении не такое заметное, как российское. Тут надо понять, что у России – очень большой и богатой страны – есть такие рычаги воздействия, как нефть, газ, производственные связи. Я уж не говорю о культурном влиянии, когда у нас с самого раннего детства наши дети сперва знают Пушкина, Некрасова, а потом только Купалу, Коласа, Богдановича. Поэтому влияние, конечно, прежде всего идёт со стороны России. Государство это влияние не только поддерживает, но и всячески ему способствует.

Влияние же со стороны соседей (прежде всего я имею в виду Украину и Польшу, а потом уже Литву), бесспорно, есть. Пусть не такое заметное, не такое государ-

ственно-формируемое. Но оно есть, ведь те же события, недавно происходившие в Украине, не могли не обсуждаться в нашем белорусском обществе. То, что делается в Польше, мы не можем не замечать. Влияние есть, но вся официальная государственная пропаганда (прежде всего телевидение) направлена на то, чтобы принизить всё хорошее. И в Украине сложная ситуация, и в Польше непростая, всякого там хватает. Так вот то, что там плохо, у нас очень широко показывают, а то, что хорошо, – обходят вниманием. Хотя в последнее время мы уже и Россию не жалеем тоже. То, что хорошего есть в Украине и Польше и что можно было бы использовать у нас в Беларуси, или совсем замалчивается, или принижается. Поэтому, конечно, влияние, если мы живём по соседству, при теперешних возможностях ознакомления, при телевидении, радио, Интернете, – бесследно не проходит. Но государство очень старается всё отслеживать, просеивать и выпускать. А в силу характера белорусы привыкли доверять власти. Это, в отличие от некоторых наших соседей, которые привыкли совершенно не доверять власти, возможно, и зря! Лучше власти доверять с разбором. А белорусы привыкли доверять власти. И когда телевидение даёт массивную информацию о том, как ужасно живут украинцы, как ужасно живут поляки, это запоминается, остаётся. Поэтому влияние в этом смысле своеобразное, но оно есть.

Посмотрите, что делалось перед выборами. В Беларусь поехали российские политики не лучшего образца. Приехал Лужков. Что, ему дома нечего делать? Он приехал с конкретной поддержкой одного кандидата. Со стороны Украины или Польши такого нет.

Мы упрекаем других в двойных стандартах, но посмотрите, кто к нам приезжает из Украины – оппозиционеры украинские: Пётр Симоненко (руководитель Коммунистической партии Украины), оголтелая Витренко. А официальных представителей украинской власти, которых избрал народ (и это признал весь мир), нет. Мы будто бы сознательно, демонстративно идём на конфронтацию. Поэтому, соответственно, чьё влияние наши чиновники будут признавать или приветствовать? Влияние России! Чьего влияния бояться? Влияния Украины, влияния Польши. Хотя это сложный вопрос, поскольку политика всегда была очень неоднозначным делом. Есть постоянное и однозначное влияние России и очень незначительное влияние других соседей.

Алесь Бяляцкий

Можно сказать, что сейчас произошёл прогресс в отношении Литвы, Латвии и Польши: после того как они вступили в Евросоюз, они наконец увидели, что у них на востоке есть какая-то страна. Потому что раньше было такое чувство, что все их политики, всё общество, отгородившись от востока, строили свои контакты с Евросоюзом, с Америкой, стремясь исполнить как можно скорее свои главные задачи – вступить в НАТО, в Евросоюз, соблюсти все стандарты, которые требовались от них. И после того как это было сделано, они наконец расслабились и оглянулись. И вот тут они увидели, что есть ещё какая-то страна около их границ, требующая внимания, потому что от этого зависит стабильность уже всего региона. И этого требует от них, в конце концов, всё европейское сообщество. Так, как от Франции требует, чтобы она поддерживала хорошие отношения, например, с Алжиром, так и от этих стран требует, чтобы они посмотрели, что там делается «с другой стороны» Евросоюза. Таким образом, резко усилилось их внимание к нашим проблемам. И для нас это очень хорошо, учитывая, что они представлены во всех европейских структурах на сегодняшний день, что их понимание ситуации в Беларуси (проблем демократии) в принципе совпадает с нашим пониманием – это обычный среднеевропейский стандарт, ничего сверх того они не требуют. Таким образом, на сегодняшний день политика очень благоприятная. Появилась настоящая заинтересованность, а не только хорошие слова, раньше всё это кончалось на хороших словах и где-то там и повисало.

Что касается Украины. С одной стороны, очень хорошо, что наш режим потерял союзнический режим, который был перед этим, – режим Кучмы. Однозначно, это были союзнические режимы, они поддерживали друг друга во всех международных структурах, во всех своих проектах. Это было очевидно, особенно на международных сессиях и выступлениях – в ОБСЕ, или в структурах СНГ, или даже в Организации Объединённых Наций, где Украина являлась и является членом Комитета по правам человека. Очень интересно: в позапрошлом году они голосовали против принятия резолюции о нарушениях прав человека в Беларуси, в прошлом году они проголосовали за, потому что поменялась ситуация в Украине. Для нас это пассивное благоприятствование.

К сожалению, активного нет, и мне это немного обидно. На сегодняшний день Украина, которая освободилась из кучмовского болота и наконец более-менее чётко определила для себя стратегические демократические пути развития, должна была бы, как человек, который вылезает из какой-то опасности или огня, подать руку тому, кто там следом. Есть такая возможность на сегодняшний день у Украины: это ведь не страна, которая находится в состоянии войны, или в экономическом кризисе, или ещё в чёрт знает каких проблемах. Она достаточно уверенно держится на сегодняшний день на ногах и реально мало чем помогает Беларуси.

Это то же самое, что было ранее с теми же Польшей, Литвой, Латвией, где сейчас всё изменилось. На сегодняшний день от Украины мы, конечно, хотели бы ожидать более чётких шагов, и более решительных мер, и реальной помощи демократии в Беларуси. А то они говорят об экономических отношениях. А куда денется Лукашенко при экономических отношениях? На сегодняшний день позиция Европейского Союза достаточно чёткая насчёт нарушения прав человека в Беларуси. И что, Лукашенко уменьшил торговлю? Наоборот – торговля с Европейским Союзом увеличивается, никуда они не могут деться в этой ситуации. То же самое и с Украиной. Надо меньше бояться, меньше трястись за свой экономический интерес: этот интерес никуда не денется, если будут какие-то принципы и более-менее последовательная политика.

Александр Вайтович

Их политику в основном считаю адекватной существующей в Беларуси ситуации.

Андрей Вардамацкий

Их политика имеет более долгосрочный стратегический политический прогноз, чем у России.

Винцук Вячорка

В основном позитивно. В их политике, поскольку они являются демократическими государствами, проявляется тот потенциал солидарности, которым владеют их общества.

В большой степени благодаря «новым» членам ЕС, нашим близким и более далёким соседям, изменилась, а лучше сказать – *появилась* политика Евросоюза в отношении Беларуси. Есть даже конкуренция между ними за то, кто ведёт белорусский вопрос в ЕС. Тут нам, демократическим силам, кстати, не стоит становиться марионетками того или иного соседа. Как и обижаться на них за попытки управлять нами не стоит: у каждого ведь свои интересы, старые страхи, проекции будущего.

В соседних с нами евросоюзных странах есть противоречия между ценностями (на которых строился ЕС и которые разделяют наши соседи, будучи европейцами) и прагматическим интересом от торговли с немаленьким соседом. Добавим сюда сохранившиеся влияния бывших элит (партия, комсомол, спецслужбы), превратившихся в бизнес-элиты и неплохо координирующихся на посткоммунистическом пространстве.

Украина лелеет тщетные, по моему мнению, надежды стать «посредницей» между режимом Лукашенко и Брюсселем. Обосновывается это тем, чтобы не одна Москва имела здесь влияние на режим. Но Украина не первая, ничего из этого не выйдет.

Павел Данейко

Мне трудно говорить. Литва, по-моему, совершает какие-то достаточно осмысленные и долгосрочные действия по формированию политики в отношении с Беларусью. И это достаточно интересно.

У Украины пока что такого очевидного формирования белорусской политики я не вижу. И в Польше – тоже. Там есть выражение общих европейских позиций плюс нормальный элемент добрососедства: если есть общая граница, то нужно строить какие-то отношения. Но в моем понимании, политика – это

долгосрочные цели, видение того, что будет через 10–12 лет. По-моему, кроме литовцев ни у кого таких концепций нет.

Андрей Дынько

Политика Украины по отношению к Беларуси только формируется, так как Украина долгое время была в переходном состоянии: она колебалась между европейским и евроазиатским сообществами и была занята внутренними проблемами. Её политические элиты были заняты обогащением и не формулировали долгосрочных интересов Украины. Мне кажется, что политика Украины будет окончательно сформулирована только в последующие годы, когда она присоединится к европейским структурам и НАТО. Но уже теперь очевидно, что рядовые украинцы и политические элиты Киева относятся к Беларуси с большой симпатией, как к стране-сестре. Они считают, что Беларусь должна быть привилегированным партнёром Украины. В этом смысле характерно, что украинская дипломатия отказывается вводить против Беларуси те политические санкции, которые были введены Евросоюзом и поддержаны многими другими государствами, поскольку считает, что именно Украина должна быть тем каналом, по которому белорусское правительство могло бы контактировать с мировым сообществом. Над белорусско-украинскими отношениями довлеет давняя проблема недемаркированной границы, но страны объединяет совместный исторический опыт и, в определённом смысле, наличие украиноязычного населения на юге Беларуси, которое представляет собой очень сознательных граждан Беларуси, с сильной белорусской идентичностью, но имеющих определённые сантименты к Украине и кровные связи с ней. Наличие этой большой группы людей, сотен тысяч людей, также будет всегда дополнительно связывать наши страны.

Польша зарекомендовала себя как страна, рассматривающая укрепление независимости Беларуси, укрепление гражданского общества здесь и становление демократии как свою национальную задачу. И для этого она многое делает. Фактически сегодняшняя польская дипломатия реализует те принципы, которые были сформулированы Ежи Гедройцем и кругом парижской «Kultury»

в отношении УЛБ – Украины, Литвы, Беларуси, причём Польша претендует на хорошее понимание белорусской ситуации. В Польше, в отличие, скажем, от Украины или России, есть мощные центры белорусских исследований. Отношения Беларуси и Польши ныне осложнены, но в будущем, я думаю, они станут облегчаться и интенсифицироваться. Способствовать им будет и наличие в Беларуси большого числа этнических поляков – хорошо организованного и, в определённом смысле, самого активного национального меньшинства в Беларуси. А также наличие довольно существенной и активной группы белорусов в Польше.

В среде белорусских политических элит, кстати, до сих пор остаётся актуальной и по-своему популярной идея воссоздания своего рода Речи Посполитой на территории между Балтийским и Чёрным морями.

Белорусское гражданское общество впечатлила активность Литвы на белорусском направлении. Литовская дипломатия даже претендует на лидерство в контактах Европы с Беларусью. Литовское посольство – одно из самых больших дипломатических представительств в Минске. Мы наблюдали, как послу Литвы в Беларуси Вайтекунасу было предложено занять пост министра иностранных дел – это указывает на значимость его прежнего поста. Также нужно отметить, что Вильнюс даже больше, чем Варшава, стал базой для белорусской оппозиции. Это, наверное, никогда не будет забыто белорусским гражданским обществом. Ведь ещё 10–15 лет назад нам приходилось сталкиваться в контактах с литовской интеллигенцией с такой своего рода горделивой позой: мол, потеряет Беларусь независимость – ну и ладно, поскольку она не будет претендовать на наше наследие Великого княжества Литовского. Такая была эгоистичная позиция. Ею руководствовались даже многие академики и высокопоставленные лица. Теперь мы наблюдаем, как возрождаются традиции солидарности без претензии на какую-то исключительность в правах на это наследие.

Латвия немножко менее активна в политическом плане, зато экономические контакты Беларуси с Латвией довольно существенны, они происходят на разных уровнях.

Светлана Калинкина

Политика этих стран очень неровная. Польша до недавнего времени вообще занимала наиболее конформистскую позицию: мол, добрососедство, надо белорусское руководство как-то перевоспитывать, разъяснять, приглашать, беседовать. И только с конца прошлого года у них более жёсткая, более однозначная политика.

Это страны, скажем так, с молодыми демократиями. Я и не думала бы вообще, что они будут определять политику Европы по отношению к Беларуси.

Сергей Калякин

Это самые заинтересованные нами в Европе страны. Потому что у них есть очень серьезные и конкретные проблемы и интересы, которые они хотели бы решать в Беларуси. Не хочу обидеть, но у Испании или Португалии значительно меньше интересов в Беларуси. Тем самым сегодня наши взаимоотношения с Литвой, Латвией и Польшей более динамичны в том, что касается их действий в Европейском Союзе: они мотор белорусского вопроса в Евросоюзе, потому что для них это жизненно важно. И для демократических сил Беларуси очень важна эта их активная позиция.

Однако при этом я не преувеличивал бы их возможности: свои проблемы белорусам придется решать самим. Но такие помощники, которые усиливают международное давление и влияние на то, что происходит в Беларуси, – это хорошо. Я бы позитивно оценил их роль.

Кася Камоцкая

Точно так же я бы оценила: поддержка диктатуры. Они покупают у нас нефть и радостно повизгивают!

В Польше настроение, конечно, есть: польский народ вообще очень любит солидаризироваться. И там это открыто чувствуется. И польский народ очень склонен к свободе. Не к независимости даже, а именно к свободе.

Литва, мне кажется, ничего, кроме призывов, не делает. Она расстроена, потому что хотела бы, скажем так, лидировать в поддержке Беларуси. А ничего реально она не делает. У них две трети – граница с Беларусью, поэтому им выгодно торговать с нами.

Украина... Я думаю, она старалась бы, но у нее столько своих проблем, что не до Беларуси. Особенно сейчас.

Поэтому реально, по настроению, я вижу, что поддерживает только Польша. Они за это переживают. А остальные...

Если бы они перестали покупать белорусскую нефть – это был бы «наш ответ Чемберлену». А так – трюндеть можно что угодно. Нашим чиновникам не нужно ездить в Европу, они и на Днепре посидят, как говорится... Конечно, санкции ударят прежде всего по народу! А что же вы думали?! Пускай народ и изберёт правильного президента! Ничего не сделается, пока народ не испытает мучений. Чего же они хотят? Тем более – какие санкции? Санкции только одни: вот это не покупать, так как оно даёт самые большие деньги. Хочет – пусть сидит со своим газом и нефтью!

Сергей Костян

Народы Прибалтики понимают, что дальше существовать, как существуют, они не смогут. Прибалтика испытала большой расцвет в составе Советского Союза. А сейчас эти так называемые «независимые страны» стали колониями Соединённых Штатов Америки. Политики, возглавляющие эти республики, не являются политиками национальными. Адамкус – это фашист, приехавший из США. И он снова туда сбежит, потому что народ Литвы ему не простит развала. Они его просто повесят! То же самое эта Вике-Фрейберга, которая тоже приехала из Америки и которая тоже туда сбежит. Они развалили республики, развалили экономику. Молодёжь вынуждена уезжать, так как не может дома получить образование для души и для работы. Немного другая ситуация в Эстонии, где Рүйтель. Однако Эстония – 700 тыс. человек. Она всегда вынуждена быть колонией, поэтому там проводят политику немного спокойнее.

Они ведь своей самостоятельной политики не проводят – ни поляки, ни литовцы, ни латыши. Только лишь ту политику, которую им диктуют из Вашингтона или Брюсселя.

А Украина ещё вообще ничего не делает. Пускай она ещё разберётся, что и куда она будет проводить и кто там будет. То, что Ющенко вылетит как пробка из-под шампанского, – это известно уже. Он ненадолго, и я об этом сказал по телевидению, когда у них получился разлад с Юлией Тимошенко. Нет у него фундамента, он силовым методом пришёл к власти, а не был законно избранным президентом. Поэтому и не может он существовать долго на посту президента.

Вячеслав Кебич

Очень сложно оценить обстановку на Украине. Там обстановка настолько неясная, что даже самые великие политологи и то уже боятся давать прогнозы о будущем Украины. Как только сформируют правительство, на Украине станет предельно ясно, в каком направлении она будет развиваться.

Анатолий Лебедько

Что касается стран – членов Европейского Союза, то это, безусловно, паровоз, который тянет весь состав белорусского вопроса. Мы наблюдали десятки раз, когда Литва и Польша проявляли себя как наиболее активные игроки. Я с уважением отношусь к такой политике. У Литвы есть ряд неурегулированных вопросов с Беларусью – и граница, и реадмиссия, и т. д. Тем не менее они показывают образец стратегической политики, направленной, может быть, не на сегодняшний день, а на перспективу. Безусловно, это позитив!

Думаю, и у Варшавы есть большая политическая заинтересованность, и мы наблюдаем там консенсус практически всех политических сил в белорусском вопросе, за исключением небольших групп, которые всё же есть в парламенте.

Украина... Украина чрезвычайно важна для Беларуси, как и мы для неё актуальны. Прежде всего это недавние события в Украине. События в Югославии,

Грузии были для наших людей как-то далековато, поэтому их они не касались. А тут через забор глянул – видишь, что это сосед. И поэтому успех Украины – это укрепление позиций сторонников европейского выбора, сторонников перемен в Беларуси. Поражения, проблемы – всё отражается бумерангом на нас.

Что такое Украина? Она создала альтернативу на постсоветском пространстве. До этого времени считалось, что на востоке надо закрывать европейскую границу. Ну, не Берлинскую стену там строить, но всё же – вопрос расширения на восток закрыт, заниматься надо внутри, теми, кого включили в Европейский Союз. А на востоке – бесперспективно, там ничего не произойдёт. Украина разрушила этот стереотип, который начал складываться. Силы Грузии или Молдовы невелики: они не могут создать альтернативного выбора на постсоветском пространстве. А Украина – может! И складывающаяся коалиция демократического выбора – это новая интересная ситуация на постсоветском пространстве. И это открывает шанс перед всеми нами на то, что надо сюда внимание, что здесь есть возможность реализовать сознательный демократический выбор, предпочитаемый рядом стран.

Василий Леонов

Политика дружественная белорусскому народу, но не правящему режиму.

Олег Манаев

Если говорить коротко и просто, то их политика, в отличие от России, более адекватная. Особенно это касается балтийских стран – Литвы и Латвии. Адекватность проявляется в том, что, с одной стороны, руководители и элиты этих стран не разорвали, не заморозили полностью взаимоотношения с руководством Беларуси – об этом говорит рост товарооборота, трансграничное сотрудничество и т. д. С другой стороны, идет активное взаимодействие с белорусскими контрэлитами – демократическими силами, гражданским обществом, национальными и религиозными сообществами и т. п. Вот это я и называю адекватной политикой.

Александр Милинкевич

Отметил бы единодушие Польши, Литвы, Латвии, особенно двух первых, в оценке и восприятии ситуации в Беларуси. Считаю весьма важной солидарность этих двух стран с демократическими силами Беларуси, особенно если говорить об отстаивании интересов белорусской демократии в европейских структурах, поддержке репрессированных студентов, встречах на самом высоком уровне, благоприствании возникновению независимых масс-медиа, правдивом освещении событий в Беларуси.

Труднее с Украиной. Она сегодня пробует играть роль моста между Европой и Минском. Но так не получится, мы уже это проходили, это безрезультатная стратегия. Однако нам очень важна поддержка той Украины, которая считает себя демократичной и прошла через испытания, подобные нашим.

Татьяна Протьюко

Почти все наши соседи уже в Евросоюзе, они официально приняли новую систему ценностей. А Беларусь – и не там, и не там. Поэтому к нам относятся настороженно. Тем более что руководство Беларуси в своей политической жизни открыто пренебрегает системой европейских ценностей. Это, в определённом смысле, отталкивает государство Беларусь от тесного сотрудничества со странами-соседками. Экономические отношения, однако, развиваются успешно.

На сегодняшний день у Беларуси очень интересная политическая роль: наша страна укрепляет во всех странах бывшего СССР ностальгические мотивы. Когда мы вспоминаем себя в молодости, всё кажется хорошим. Мы забываем, что болячки были на губах и что-то плохое было. Всё плохое в прошлом проходит. Вот и теперь: люди вспоминают советское прошлое как какой-то красивый кристалл. А тут как раз и белорусское руководство с просоветской идеологией.

Мы будто бы свою систему ценностей предлагаем. И подчёркиваем, что это хорошо. А Украина на нас смотрит, и другие страны смотрят: сильная власть как будто даёт плоды людям, все довольны и счастливы, социального протеста нет.

Поэтому наше значение в отношениях с другими странами двусмысленно. С одной стороны, мы представляем прошлое. С другой – на сегодняшний день за нами наблюдают: не являемся ли мы примером?

Андрей Санников

Не очень положительно. Мы видели, что и в Литве, и в Польше официальные лица высказывались насчёт того, что предыдущее руководство делало приоритетом политики сотрудничество с Лукашенко. Я точно знаю, что Польша, Литва, Латвия использовали происходящее у нас для более успешного приближения своего членства в Евросоюзе. Было очевидно, что Лукашенко создал отличный фон. Но непонятно, почему это продолжалось и после присоединения. Почему сегодня, например, в ситуации, когда у нас массовые аресты, министр иностранных дел Литвы Валёнис говорит, что нельзя вводить санкции против Беларуси? А как иначе? Вспомним не такую уж далёкую историю: если бы не вводили санкций против польских властей во время «Солидарности», то я не знаю, что происходило бы сейчас в Польше. Когда членов «Солидарности» сажали в тюрьмы, мир реагировал очень жёстко. И торговались очень жёстко: если вы выполните то, тогда можно говорить об этом. То же самое было, когда в ГДР усиливались репрессии. Вилли Брант проводил политику добрососедства, но ведь он тоже использовал тот фактор, что поддерживает с Хонеккером определённые связи, чтобы помочь людям, которые страдали от того режима. Этого с Беларусью теперь не происходит.

Некоторое время до расширения Евросоюза была определённая монополия Польши как эксперта по белорусским делам. Я не считаю, что это хорошо. Не хотел бы никого оскорблять в Польше, но монополия – всегда плохо. После расширения Евросоюза нами начали интересоваться другие страны, не граничащие с нами, – и это положительный результат. Но пока это не превратилось в серьёзный стратегический подход к Беларуси. Мы больше достигли через кампанию солидарности с Беларусью. Руководство Польши, Литвы, Латвии, Чехии, Словакии не может не замечать людей, которые каждый месяц шестнадцатого требуют свободы для Беларуси, свободы для политузников.

Я надеюсь, что через гражданское общество, через масс-медиа, которые на нашей стороне, мы сможем повлиять на политику и Евросоюза как организации, и отдельных стран.

Украина сегодня переживает сложный период. Безусловно, мы все были в восторге от революции, сегодня мы все видим трудности. Частично они объективные, есть и субъективные. Пока что у Украины тоже нет политики в отношении Беларуси, она себя ещё неуверенно чувствует. Однако были какие-то шаги, продемонстрировавшие, что украинская роль может быть более весомой. Факт, что Украина поддержала резолюцию Комиссии ООН по правам человека в 2005 году, негативную для белорусского режима. Украинское государство сделало это впервые! Потом начались непонятные высказывания, что «мы должны строить отношения и с этим режимом, многое зависит от торгово-экономических отношений...». Хотелось бы видеть более принципиальный подход Украины к ситуации в Беларуси, потому что это, очевидно, будет очень сильная поддержка. Я бы не сказал, что её можно будет сравнить с влиянием России на Беларусь, но в дополнение к Евросоюзу она может создать определённый баланс.

Владимир Улахович

Так же как традиционную, хотя и в новых, более адекватных, более приемлемых формах.

Валерий Фролов

Думаю, что и у прибалтов, и у поляков, и у украинцев своих проблем выше крыши. Очень много! Наверное, в первую очередь их интересуют собственные вопросы. Мне кажется, проблемы Беларуси их интересуют в той мере, в какой мы на них можем отрицательно влиять. Здорово мы на них повлиять не можем, поэтому мы их особо не интересуем. Может быть, в какой-то степени интересуем Беларусь литовцев и поляков – не простой народ, а именно политиков, которые там существуют. Их интересуем Беларусь, потому что свои интересы Западная

Европа и Соединенные Штаты пытаются реализовать через эти страны. То есть это интересует определенных политиков.

Может быть, Беларусь интересует еще с той точки зрения, чтобы иметь здесь предсказуемую власть, которая руководствовалась бы такими же принципами, как и они, чтобы они не ожидали какого-то подвоха. Вот Адамкус сказал, что Беларусь хочет напасть на Литву – это какой-то американский подход (он же всё-таки американец, откровенно говоря)... Чтобы у них даже мысли не возникало, что мы им можем какую-то гадость устроить! Чтобы тут была разумная транзитная страна, со своими традициями, со своими особенностями.

Их интересует, чтобы мы были разумными и руководствовались теми же житейскими нормами и принципами, которыми пользуются они. К сожалению, у нас сейчас несколько другие принципы.

Экономические отношения они развивают, потому что им выгодно. Наверное, это правильный принцип: если тебе выгодно с кем-то сотрудничать, то объедините усилия, чтобы получить взаимную выгоду – и ради Бога!

Литва более близка Беларуси. Я там служил, был и в Латвии. Что-то нас всё-таки из тех давних времен немножко связывает. После выхода из СССР Латвия и Эстония более жестко решали проблемы, связанные с русскими, а в Литве гораздо мягче всё происходило. Да в Литве и проще, потому что у них всё-таки 80% литовцев живет. Конечно, у латышей и эстонцев, где русских и русскоязычных было достаточно много, существовали проблемы сохранения своей нации.

Станислав Шушкевич

Вы мне задаёте такой вопрос, на который мне хочется ответить так, как Толстой ответил на вопрос о кратком содержании «Войны и мира»: «Я короче не могу».

С Украиной проблем нет: у нас беды одинаковые, только украинцы поют лучше нас и белят свои мазанки лучше белорусов. Мы хозяйствуем, может

быть, лучше них на земле. Но они радуются нашим успехам, мы – их. Здесь нет проблем, так как мы одинаково обижены много раз были.

Теперь что касается поляков. Я иногда работаю в Польше и очень благодарен этой стране и тому, что в ней произошло. Но когда я в 1974 году работал в Ягеллонском университете и начинал говорить о Беларуси, мне – «кресы востодне», то есть их восточные регионы, которые у них забрали. Вот так они понимали Беларусь. И много времени понадобилось, чтобы они осознали, что это не так. Сегодня большинство осознаёт, кстати, благодаря последним 15–16 годам нашего существования. И мне кажется так: поскольку Польша сама встала на путь демократии, у них и отношение к нам стало нормальным, демократическим. Они хотели бы иметь здесь демократическое государство. Та неосведомлённость, которая была не у простых людей – заметьте! – а у профессуры Ягеллонского университета в Кракове, среди которой я работал, была от неосознания того, что у нас общая история, что у нас было общее федеративное государство. Что Великое княжество Литовское вначале было белорусским государством, а потом общим государством двух народов. Советское время и российское господство в Польше притупили это понимание. Я сегодня смотрю на Польшу как на страну, которая лучше всех понимает, что происходит в Беларуси, и больше всех хочет нам помочь, в пределах своих возможностей – помогает.

Мы должны обустривать свою жизнь сами и брать лучшие образцы: есть что брать и у России, у Литвы, Польши, Латвии, Украины. Но 95% собственного должно быть.

Всеволод Янчевский

Как смешную. Польша, Литва, Латвия кричат: бей Лукашенко, даёшь демократию! Но политические санкции и финансовая помощь оппозиции реального урона Беларуси не нанесет.

Урон (значительный, но не смертельный) могли бы нанести только экономические санкции. Но самое смешное, что если бы такой вопрос вдруг возник, то и Польша, и Литва, и Латвия грудью легли бы, чтобы не допустить таких санкций.

В результате их введения эти страны понесли бы потери значительно большие, чем Беларусь. В экономических связях с Беларусью они заинтересованы даже больше, чем Россия. И в этом отношении они будут первыми защитниками теперешней белорусской власти.

То же можно сказать и о Европе. Если вам не нравится режим, то перед тем как стремиться сменить его, оцените свои ресурсы. Если вы не можете этого сделать, то зачем пытаться? Если у вас есть лишние деньги, то зачем отдавать их нашей оппозиции? Отдали бы нашим чернобыльцам. Или вообще – оставили бы себе, сэкономили. Зачем ставить себя в глупое положение?

Хотел бы сказать о «цветных» революциях. На Майдан в Киеве вышел электорат, который у нас бы голосовал за Лукашенко. На Майдан вышли люди, чтобы высказать неудовлетворенность коррупцией, низким уровнем жизни – всем тем, чего в Беларуси нет. Мне странно слышать, когда говорят, что всё это сделали американцы, на американские деньги. На самом деле американцы просто «оседлали момент». Люди, которые преувеличивают роль Америки в «цветных» революциях, просто льют воду на мельницу американского агитпропа: они убеждают всех вокруг во всемогуществе Америки. Таким образом, они сами работают на миф об американском всемогуществе. На Майдане были не купленные люди – там были люди, которые искренне возмутились своим положением, кланами, которые правили страной. Но их обманули!

Чего требовал Майдан? Ухода коррумпированной, клановой власти. Чего требовали грузины на площади? Горячей воды, тепла, света в домах. До отчаяния их довела нищета.

Поэтому приход к власти «оранжевых» и Саакашвили – это не заговор ЦРУ, а результат политики Кучмы и Шеварднадзе (кстати, вполне проамериканских деятелей). Это результат «рыночных», псевдолиберальных (называйте их как хотите) реформ. И кучмовская Украина, и Грузия при Шеварднадзе проводили у себя политику ПРЯМО ПРОТИВОПОЛОЖНУЮ той, которую вел у нас Лукашенко. В результате они получили майданы, а у нас все тихо и благополучно.

И именно поэтому суета американцев в Киеве и Тбилиси дала эффект, а в Минске вышел пшик.

9. Как вы оцениваете политику Евросоюза в отношении Беларуси?

Ольга Абрамова

А в Евросоюзе вообще не понимают, что происходит в Беларуси. Просто не понимают! Политика Евросоюза в отношении Беларуси формируется не в Евросоюзе – она формируется здесь, той частью политической оппозиции, которая давно уже заняла определенную политическую нишу и превратила политику в бизнес. В общем, она не заинтересована (вопреки громким словам, шумовым эффектам, политическим заявлениям), чтобы ситуация в Беларуси менялась в направлении демократизации, в направлении складывания здесь полноценного рынка, в направлении снятия изоляции Беларуси с целью установления полноценных контактов с западным миром. Она в этом не заинтересована, потому что ей удобно и комфортно существовать. Но это касается только верхушки, и не всех даже лидеров оппозиции, потому что я могла бы приводить и другие примеры.

Беларусь – страна маленькая. Точно так же, как в любом ремесле – журналистском ли, аналитическом ли, – все мы знаем, кто мастер, а кто подмастерье. Точно так же мы все прекрасно знаем, кто чем дышит в Беларуси. Можно говорить любые, самые красивые слова про любовь к стране, любовь к демократическим ценностям, но не быть при этом внутренне ни патриотом, ни демократом. И вести себя в соответствии со своим шкурным интересом.

Поэтому я повторяю: в Евросоюзе это евровысокомерие, нежелание (как и со стороны США, к которым я так же, как и к Евросоюзу, отношусь уважительно) утруждать себя тем, чтобы предложить во взаимодействии дееспособную модель. Я не раз говорила публично европейским партнёрам: «Ребята, а что ж вы, когда предъявляете претензии к Беларуси, ведете себя очень странно? Ведь ослику, чтобы он бежал вперед, надо предложить морковку. А вы норовите все время бить нас палкой по крупу. А давайте попробуем по-другому. Предложите нам конкретные, прагматичные, весомые вещи (я имею в виду, прежде всего, с материальной точки зрения). Белорусы – очень прагматичный народ: они подумают-подумают, и если то, что вы предлагаете, действительно не будет мелочной подачкой... Я понимаю, что на сегодня это нереально: спросите у экономистов, сколько потребуется для перевода нашей экономики на рыночные рельсы. Но предложите хотя бы траншами, частями! Вы можете нас таким образом вовлечь в общеевропейское пространство».

У меня есть большое подозрение, что даже белорусское руководство, в случае если что-то существенное предложат (поскольку они принадлежат к тому же культурному полю, что и все мы по базовым ценностям, по глубинным: прагматизм, умение взвешивать жизненные выгоды), не откажется от этого варианта. Сделайте таким образом! А битие никакого результата не приносит. Оно только приводит к закаменению, упорствованию в представлениях о собственной правоте, к формированию окопной психологии («мы окружены враждебным миром»), к консолидации большинства нации вокруг этого представления. Действовать по этому порочному варианту дальше неперспективно. О санкциях в отношении Беларуси я всегда говорила, что они контрпродуктивны, а в политическом плане вообще дают негативный эффект.

Евгений Бабосов

Если мы говорим о двойственности российского отношения к Беларуси, то Евросоюз более односторонен – в смысле непризнания Беларуси. Но это, опять-таки, не экономика, а политика! Негативное отношение к современному руководству Беларуси переносится, к сожалению, на народ Беларуси. Подобным

образом ведет себя не весь Евросоюз, а только некоторые его лидеры – те, которые входят в ОБСЕ и т. д. Что касается самого Евросоюза, Европарламента, то приглашают туда оппозицию – ну и Бог с ними, пускай приглашают! Это их дело.

Я думаю, что перспектива за тем, кого народ выберет. Кого народ выберет – это его дело, кого выбирать: или одного, или второго, или пятнадцатого – неважно. Главное (еще раз повторяю) оставаться самим собой. И только когда мы будем самими собой, мы останемся в Европе. Как только мы начнем кому-то подчиняться, перед кем-то пресмыкаться, нас просто затопчут.

Анжелика Борыс

Как недостаточно последовательную, хотя в последнее время, во многом благодаря влиянию Польши и других новых членов ЕС, осознание проблемы Беларуси становится более глубоким и искренним.

Генадзь Буравкин

Я и сегодня не уверен, что политика Евросоюза по отношению к Беларуси есть. Может, она и существует, но, на мой взгляд, несерьезная. У меня чувство, что Евросоюз не понимает своеобразности того, что происходит в Беларуси. Евросоюз берёт свои стандарты и старается то ли пропагандировать их в Беларуси, то ли применять их к белорусской реальности. И поэтому мне смешно, когда я слушаю некоторых довольно высоких евросоюзовских чиновников, пропагандирующих среди нас идеи демократизма, свободных выборов... Идеи правильные, но эти чиновники не могут понять, что в Беларуси их реализовать, осуществить невозможно. Поэтому я думаю, что руководство Евросоюза (во всяком случае, высший эшелон) до сих пор реальной ситуации в Беларуси не знает и не понимает. Отсюда будто бы желание помочь демократическим процессам, идущим у нас, и в то же время абсолютное неумение (из-за неучтения реальности) сделать какие-то конкретные шаги. То опаздывают, то наоборот, то не идут до конца, то вообще делают вид, что ничего не происходит. Поэтому,

повторяю, у меня нет уверенности, что есть линия, есть политика по отношению к Беларуси и что в Евросоюзе понимают очень непростую ситуацию (прежде всего политическую), которая сложилась в Беларуси.

Запретили въезд чиновникам? У них есть такое право, и они им воспользовались. Таким образом они подчеркнули своё отношение. Но я не думаю, что это те решения, которые могут что-то серьёзно изменить в Беларуси. Это больше моральные аспекты, чем организационные, политические.

Алесь Бяляцкий

Я немало говорил о соседних с нами странах – тут многое совпадает, поскольку политика сопредельных государств во многом соответствует общей политике и стратегии Евросоюза. Хотя, возможно, следует повторить: наконец-то Евросоюз увидел в Беларуси страну-соседку, страну, с которой стоит иметь дела и пытаться решить что-то.

Политика Евросоюза улучшается. Не скажу, что она стала лучше на 100%, но то, что значительные изменения к лучшему произошли за последние два года, – очевидно. И наша задача – чтобы Евросоюз рассматривал Беларусь как страну, у которой есть проблемы. Пусть не как участника Евросоюза (потому что это маловероятно на сегодняшний день), но – как государство, у которого есть определенные вопросы. А после решения этих проблем – как страну, способную присоединиться к Евросоюзу. Это как люди, которые живут в одной деревне, а в одной избе неполадки, и соседи могут собраться и подумать, чем помочь, какую-то толоку созвать – выкинуть подгнившие нижние брёвна, подложить новые, все вместе подпереть эту избу... Чтобы они смотрели на Беларусь как на реальный кусок европейского пространства, европейского сообщества, европейского поля. Нас очень много связывает с европейским сообществом, с теми народами, которые живут в Европе, – просто невероятно много. Мы мало что себе представляем об этом. Один пример – женские украшения тысячелетней давности. Возьмите Норвегию и сравните с белорусскими комплексами – возможно, не всеми, но по крайней мере на севере Беларуси, на Витебщине. Восьмидесятипроцентная идентичность! Это означает, что шла интенсивная

торговля, и настолько активно люди ездили туда-сюда, и возили жён, и настолько был естественным обмен между древними тогдашними государствами... Никому и в голову не могло прийти, что на сегодняшний день это всё будет оборвано, рассоединено и т. д. Я бы не хотел, чтобы так было.

Александр Вайтович

Считаю её в основном адекватной ситуации.

Андрей Вардамацкий

Она крайне неповоротлива. Решения принимаются очень медленно. Например, создание независимого информационного поля провозглашается, но это совершенно неэффективно. Подобное справедливо не только на уровне медийных рейтингов тех средств массовой информации, которые создаются в Европе (рейтинги мизерные!), но и на уровне той идеологии, которая предлагается. Населению дают не анализ событий, которые происходят здесь, в Беларуси, а описание того, каким хорошим и светлым, «белым и пушистым» является Евросоюз. Белорусская информационная потребность заключается в желании узнать, что же на самом деле происходит внутри Республики Беларусь, а не в описании достоинств Евросоюза. Есть несоответствие между информационной потребностью белорусской аудитории и предлагаемыми темами, исходящими со стороны Евросоюза. «Галочка» относительно Беларуси ставится, но эффективность этой «галочки» мизерная. Формат бумаги, написанной по поводу медиавещания на Беларусь, больше физического покрытия этих станций на территории Беларуси.

Винцук Вячорка

Я уже говорил, что до недавнего времени такой политики вообще не было, а было несистемное, схематичное, реактивное поведение. Впрочем, Беларусь как геополитический фактор объективно занимает небольшой процент внимания ЕС как целого. Есть Ближний Восток, постъюгославские Балканы, для

Франции существенен Магриб, есть 50-миллионная Украина. В конце концов, есть Россия.

Европейскому Союзу, которому консолидированные решения даются очень непросто, надо было обзавестись в своём составе группой стран, для которых белорусская проблематика существенна. Как только это (расширение за счёт наших соседей) произошло, начали появляться попытки систематизировать подход к Беларуси. Так называемый *two-fold approach* (двухкомпонентный подход), в принципе, если его осуществлять последовательно, может давать позитивный результат.

Первая составляющая – карательная изоляция режима, его руководителей и наиболее упорных прислужников. Тут, после многочисленных острых резолюций Европарламента, на которые лукашенковская власть обращала мало внимания, начались действительно эффективные шаги в виде персональных визовых ограничений: сначала согласно так называемому списку Пургуридеса был запрещён въезд в ЕС тем, кто может иметь отношение к исчезновениям, а недавно ЕС одобрил список из трёх десятков имён тех, кто руководил фальсификацией выборов и репрессиями, для визовых ограничений (более эффективно) и замораживания счетов (менее действенно, поскольку они их в ЕС, скорее всего, не держат). Реакция властей показывает, что список надо расширять и популяризировать в Беларуси.

Что касается экономических санкций, то ЕС их не одобряет, по моему мнению, справедливо.

Вторая составляющая – максимальная открытость объединённой Европы для белорусского общества и помощь демократическому гражданскому обществу. Политика – это не только декларации, но и конкретные, подкреплённые материальными ресурсами шаги. Долго нам пришлось убеждать Еврокомиссию, что программа TACIS (техническая помощь странам СНГ) для Евросоюза в части помощи гражданскому обществу не только не полезна, но даже вредна, поскольку согласно правилам этой программы всякое выделение средств должно согласовываться с правительством страны. Представим, как лукашенковское правительство одобряет, скажем, программу поддержки какой-либо из правозащитных организаций, которые оно одну за другой закрывает.

Но политика по отношению к нам европейских соседей и несоседей наиболее зависит от нас. Только мы начали реально объединяться, выдвинули достойного доверия лидера, вырвались из электорального гетто – тут же начался совершенно иной уровень поддержки, как вербальной, так и практической. Если будем сильны мы здесь, в Беларуси, будем европейцами де-факто – никуда не денутся: поддержат и признают. Если мы сохраним политическую субъектность объединённых демократических сил, это будет лучшим доказательством для России нашей способности строить и защищать белорусскую независимую государственность.

Павел Данейко

Думаю, никакой политики реально нет. Евросоюз в полной растерянности, потому что Беларусь просто-напросто вываливается из всего того, с чем он имеет дело по всем своим границам. Они просто совершенно не понимают, что с этим делать. И не понимают роли Беларуси в регионе. Не понимают той идеологической нагрузки, которую несет белорусская ситуация, и как развитие ситуации в Беларуси будет влиять на изменение в распределении сил и т. д. Для них эта страна просто не существует! Они считают, что развитие событий здесь никак не влияет на развитие региона.

Конечно, все учили географию, могут показать Беларусь на карте. Но, по-моему, немецкое восприятие Беларуси, например, отсутствует полностью: они считают, что это Россия. Я не обвиняю их – это просто такое ценностное восприятие.

Андрей Дынько

В марте этого года, во время протестов, сопровождавших выборы, я попал на некоторое время в тюрьму. Она была построена за деньги программы TACIS. Это очень комфортабельная тюрьма – искреннее спасибо программе TACIS и Евросоюзу за её постройку! И я даже попросил бы, чтобы они ещё несколько таких тюрем построили в Беларуси. Пожалуй, это была лучшая инвестиция программы TACIS, которую можно было придумать.

Дело в том, что политика Евросоюза была очень противоречивой. Европейцы очень долгое время просто не знали Беларуси, не понимали её: Беларусь не укладывалась в стереотипы. С ней пробовали общаться по тем же схемам, по которым общались с другими странами. Оказалось, что требовались совсем другие схемы.

Я могу говорить о своей сфере – СМИ. Сколько я работаю редактором газеты «Наша Ніва», я слышу со стороны ЕС заверения, что будет идти дальнейшая поддержка независимых СМИ в Беларуси. И за это время я не почувствовал никакой реальной поддержки. Проекты, которые осуществляются, обычно направлены на поддержку средств массовой информации Евросоюза, а не белорусских. Евросоюз имеет право на это – я это принимаю. Но в белорусской ситуации, по-моему, очень важно следующее: если врач не может излечить, он должен руководствоваться принципом «не навреди».

В долгосрочном плане самое главное для Беларуси, чтобы экономические, культурные, политические и просто человеческие связи со всеми странами Евросоюза расширялись. Думаю, что всякие санкции, бьющие по таким связям, очень навредили бы. Беларуси нужна не изоляция, а наоборот. Об изоляции можно говорить только в отношении узкого круга людей, которые цинично и нагло нарушают европейские правила, людей, причастных к преступлениям.

Но любое расширение экономических контактов ведёт к открытию Беларуси. Если не сегодня – то завтра! Любое расширение политических контактов с белорусским гражданским обществом ведёт к открытию Беларуси. Любое расширение культурных контактов поддерживает свободное белорусское слово и меняет атмосферу здесь. Наилучшее, что могло бы быть, – открытие границ. Я понимаю, что пока мечтать об этом идеалистично. Но любые облегчения визового режима открывают Европу для белорусов. То, что сделала теперь Латвия, – введение бесплатных виз – это прекрасно! Этот шаг окупится ей стократ в будущем.

Светлана Калинкина

Всегда однозначную политику по отношению к Беларуси проводили Соединённые Штаты. А Европа – нет!

Европа и для Беларуси, и лично для Лукашенко (поскольку он руководит страной) – основной партнёр на самом деле. И если раньше мы говорили о том, что страна в основном торгует с Россией, то сейчас – нет, всё-таки именно с Европой. Европа на первом месте. Тут очень сложно! Я понимаю и европейские страны, западные страны. Очень много проблем в современном мире. И в этом смысле Беларусь, где нет концентрационных лагерей, где католики не воюют с православными – это не такая уж «горячая точка», чтобы какие-то радикальные меры принимать.

Но тут другая опасность. На мой взгляд, сейчас Европа начинает уже понимать, что Беларусь превращается в своего рода рассадник реваншистских сил на всей территории Европы: и югославских, и украинских, и российских, и прибалтийских... Поэтому очень небезопасно иметь такую страну, которая помогает этим силам.

До сих пор политика Евросоюза была непоследовательной. Её нельзя было назвать политикой Евросоюза в целом. Одной точки зрения, одной стратегии могли придерживаться, например, Франция и Великобритания, а совершенно другой – Германия, Италия, Австрия, к примеру. Это то, что мы наблюдали буквально до недавнего времени.

В настоящее время всё изменилось. Теперь политика однозначная, более определённая, более категоричная. Но, я так понимаю, Европа всё-таки пока надеется, что белорусский вопрос разрешится при помощи России каким-то образом. И поэтому такие вот полумеры принимаются в отношении Беларуси. Хорошо, если это так, если с российским участием действительно удастся изменить ситуацию и удастся нашей стране выйти на цивилизованный путь развития. Но возможно, что Беларусь принесёт в Россию много своего, а не наоборот.

Сергей Калякин

Смотря о чем мы говорим. Конечно, Европа сильно заинтересована в том, чтобы решить наконец проблему завершения собственной цельности. Да, она проявляет участие в том, чтобы включить Беларусь в общеевропейскую семью. Но есть проблема! И она в том, что сегодня ситуация в Беларуси очень сильно

отличается от тех стандартов, которые приняты в объединенной Европе. Поэтому Европа заинтересована в том, чтобы произошли определенные трансформации. Она пытается на это воздействовать политическими методами – кстати, абсолютно законными: всё, что касается области прав человека, не является суверенным делом того или иного государства. По данному поводу подписаны соответствующие международные конвенции. И когда в рамках этого в ОБСЕ или в Совете Европы рассматривается вопрос о нарушении прав человека в Беларуси – это нормально: это инструменты, признанные и используемые в мире.

К сожалению, у Европы пока недостаточно механизмов для того, чтобы эффективно влиять на ситуацию в Беларуси. Я бы сказал, что сегодня влияние Европейского Союза на то, что происходит в Беларуси, не очень ощутимо. При высоком внимании с их стороны! Просто у них отсутствуют эффективные инструменты.

Действительно, там есть бюрократическая структура, но... Там 25 стран, и любое решение Евросоюза должно быть одобрено всеми 25 странами. Есть Польша, Литва, Латвия, Германия, Чехия и другие, которые динамично продвигают вопросы по Беларуси. Но есть страны, для которых это не является приоритетом. У Голландии, Португалии, Испании, например, есть другие проблемы, которые для них жизненно важны. Для них Беларусь является вопросом вторичным. Поэтому они не видят необходимости ускорять какие-то процессы, создавать какие-то инструменты в отношении Беларуси. В Европе многие сегодня с трудом найдут Беларусь на карте. Это нам кажется, что мы центр мира и средоточие внимания, что нас все хотят завоевать, поработить и т. д. Я вам скажу, что во многих странах мира и политики, руководящие государствами, не всегда точно скажут, где находится Беларусь. Т. е. проблема и в том, что сегодня – как бы нам это ни было обидно! – Беларусь не является приоритетом номер один в европейской политике. К примеру, проблемы терроризма, исламизации и исламского фундаментализма, Ирака и Ирана для Европы первоочередные и более важные сегодня, чем проблемы Беларуси. Если бы для Европы это был вопрос номер один, то решение шло бы быстрее. Но мы не являемся проблемой номер один и в целом для Европы, и для многих влиятельных стран. Для

некоторых вообще отношения с Беларусью являются тем инструментом, через который осуществляется взаимодействие с Россией.

Нам иногда так кажется (и это нормально!), что мы центр мира и центр внимания. Это говорит о том, что мы осознаем себя как нация, как государство. Но нужно реально смотреть на вещи: сегодня мы не эпицентр всех мировых событий и не ключ к их разрешению. Поэтому задача сегодня – в том числе моя и моих коллег по демократической коалиции – в том, чтобы проблемы Беларуси поднять на более высокий уровень. И мы это сделали, хотя могло бы остаться всё по-прежнему: ну, есть такая страна в Европе – вне Европы, и пускай они там живут, раз не хотят жить по-другому; есть более важные проблемы, которые нужно решить, а потом можно заняться вопросами Беларуси. Такое отношение тоже есть! И очень хорошо, что наши ближайшие соседи не дают уйти Беларуси вообще из повестки дня.

Кася Камоцкая

Структуры Евросоюза не то что слабые, а какие-то вялые: они всё заседают и заседают, одно заявление не отличается от другого. Поэтому мне кажется, что белорусская ситуация требует иного отношения к себе со стороны Евросоюза – более жёсткого, более конструктивного, более принципиального. Они как раз, может, и не думают, что мы – это Европа, думают, мы «где-то там»...

Сергей Костян

Евросоюз тоже не одинаков. Евросоюз руководствуется указаниями из Вашингтона. Там нет самостоятельной политики. Но там есть самостоятельные политики, понимающие, что с Беларусью надо сотрудничать. Примеры этому: приехала целая группа бизнесменов из Германии, подписываются договоры со словаками и словенцами. Экономическое сотрудничество идёт, а это – главное.

Вячеслав Кебич

С политической точки зрения, Евросоюз (а сюда же относятся Литва, Латвия, Эстония и Польша) хочет любым образом прибрать Беларусь в свое лоно, в лоно своей «церкви». Поэтому здесь предельно ясно: тут есть только политическая направленность.

Если Прибалтика еще может вести свою линию, независимо от Брюсселя, то поляки уже вряд ли сумеют. Это во-первых. Во-вторых, надо вспомнить историческое прошлое. Никогда не было никакой дружбы между белорусским и польским народами. Польша по-прежнему рассматривает Беларусь как бывшую свою вотчину. И эта панская «фанаберия» так и имеет место сегодня в Польше.

Анатолий Лебедько

Надо сказать, что стратегии здесь нет, если не считать таковой отсутствие всякой стратегии. Последняя избирательная кампания даёт нам надежду на то, что тут произойдут перемены, и Вильнюсская конференция-2006 тоже о многом свидетельствует. Если раньше во время такого форума нам приходилось проводить подготовительную работу и договариваться, чтобы кто-нибудь из известных политиков в своё выступление внёс несколько строк о Беларуси, то сейчас выступали все – и практически все говорили про Беларусь. Никто не проводил никакой предварительной работы. Это свидетельствует, что есть интерес к Беларуси на политическом уровне. Многие увидели на карте, что есть такая страна. Я думаю, это сделали в первую очередь те 30 тысяч человек, которые вышли на наш белорусский Майдан, на площадь, которую мы теперь называем именем Калиновского. Вот эти люди произвели перелом в отношениях Брюсселя к Беларуси, к её ситуации, к её перспективам. Все увидели, какое бешеное давление было на людей, какие были запугивания – в лучших традициях советских времён. И такое мужество говорит, что есть носители европейских ценностей – люди, рассматривающие свободу как ценность. Это их заслуга в первую очередь! Потом можно сказать, что это работа и политиков – долгая, на протяжении последних 15 лет.

Но сейчас надо интерес, который есть на политическом уровне, преобразовать в реальную стратегию и потом – в реальный план действий. Если это будет сделано, тогда мы можем говорить, что Европа присутствует в Беларуси – не случайно, не время от времени, а системно.

Если мы говорим о международном сотрудничестве, то вакуума тут не может быть. И если режим проводит политику самоизоляции, то это не означает, что ниша должна быть пустой: она должна заполняться субъектами гражданского общества. Что касается сотрудничества, то я думаю, что нам надо быть более прагматичными и не бояться, что мы можем кого-то в Европе обидеть. У нас есть свои интересы! И если мы хотим решить белорусскую проблему быстро и прежде всего своими усилиями, то мы должны чётко сформулировать наши позиции. Я, например, за то, чтобы сказать нет международной помощи, которая является неэффективной. И не надо бояться этого!

Сколько уже времени обсуждаются различные проекты, связанные с прорывом информационной блокады в Беларуси. Сколько себя помню, всё идёт их рассмотрение. Но обсуждают этот вопрос, принимают решения люди извне, без участия экспертов из Беларуси. Как можно решить проблему информационного проекта без участия журналистов и специалистов в области информационных коммуникаций из Беларуси? Это значит, что принимаемое решение – просто «для галочки». У поддержанных Европой информационных проектов очень низкий уровень эффективности – и это необходимо переломить. И тут надо смело заявлять о позициях. А у нас так получается, что одна часть гражданского общества хочет больше нравиться, чем другая. Это неправильная позиция. Здесь, в отношении международного сообщества, должна быть консолидированная позиция.

Мы должны сказать, что помощь должна быть направлена не на какую-либо партию, НПО или лидера – её должен ощущать среднестатистический гражданин Республики Беларусь. Этим мы решаем, например, проблему пропаганды, которая говорит, что вся помощь направлена на то, чтобы сделать людям плохо. Во время избирательной кампании я проехал 17 регионов, было от 100 до 500 человек на каждой встрече. И всюду я задавал один и тот же вопрос: «Скажите, пожалуйста, у вас есть три телевизионные кнопки. На первой, второй

и третьей – абсолютно одна и та же информация, как сиамские близнецы. Если, например, Европейский Союз выделит ресурсы, деньги на создание четвёртой кнопки, спутникового телевидения, и вы, нажимая на кнопку, будете получать другой взгляд на те же события, другой анализ ситуации. Поднимите руки, кто против такой помощи?» Две, три, четыре руки! А значит, что там в целом люди воспринимают это позитивно, поскольку они видят, что эта помощь выходит на них. Она рассчитана конкретно на них.

Вот такого рода проекты нужны, такого рода помощь – чтобы её чувствовали в первую очередь люди. Тогда это будет эффективная контрпропаганда тому, что делает официальное телевидение и радио. Самое главное – вопрос эффективности!

Василий Леонов

Риторика хорошая, и вместе с тем слишком много цинизма в политике ряда европейских стран на протяжении всей истории Беларуси. Такова реальность, и нам не надо уповать на то, что Европа будет что-то за нас делать, будет что-то давать. Давать дешёвый газ не будет и Россия.

Олег Манаев

Если сравнивать политику Евросоюза с политикой США в отношении Беларуси, то, на мой взгляд, политика США несравненно более адекватная. Но за последние годы политика Евросоюза стала гораздо более адекватной, чем раньше, хотя она еще далека от того уровня, который многие евробелорусы, и я лично, хотели бы видеть. Многие структуры Евросоюза все еще проявляют осторожность или даже нерешительность по отношению как к нынешнему политическому режиму в Беларуси, так и к гражданскому обществу. Я имею в виду целую систему конкретных действий. Возьмем, к примеру, формально-политический уровень, т. е. позицию Совета ЕС, Европарламента и Еврокомиссии – за последние годы они приняли множество хороших и справедливых резолюций, заявлений, осуждающих различные нарушения демократии и прав

человека в Беларуси. Но на другом, практическом уровне – какие конкретно проекты разрабатываются, какие конкретные действия поддерживаются (я имею в виду не только финансовую, но и политическую, технологическую, информационную составляющую), эта поддержка на порядок ниже. За каждой резолюцией, каждым политическим заявлением должны следовать практические решения, конкретные проекты и действия.

Пример – отношение к России. До сих пор одним из важных пунктов стратегии Евросоюза относительно Беларуси, по мнению демократических сил, является включение «белорусского вопроса» в повестку дня взаимодействия ЕС с Россией. Под «включением белорусского вопроса» подразумеваются не общие разговоры и намеки, а вполне конкретные предложения к России в ее контактах с руководством Беларуси. В ЕС с этим в принципе соглашались, но когда доходит до практических шагов, то они не делаются. За последний год ситуация стала меняться к лучшему. Насколько? Посмотрим, как скажется «включение белорусского вопроса» – пусть даже и не в первом ряду – в повестку дня саммита «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге.

В 2005 году Евросоюз начал несколько информационных проектов для Беларуси. Это «Белорусские хроники» на «Дойче велле», специальная еженедельная программа на израильско-американском телеканале RTVi, это новое внимание к Беларуси, которое оказывает русская служба «EuroNews». У нас есть результаты опроса, проведенного в конце апреля 2006 г.: «Какие телеканалы Вы смотрите?». Русская служба «EuroNews» – от 20% до 25%, специальная передача RTVi – от 10% до 15%. Конечно, кто-то может сказать: «Ну и что, думаете, они посмотрели эти передачи и стали сторонниками демократии?» Но вот следующий вопрос: «Если Вы смотрели канал «EuroNews», то видели ли сюжет о едином кандидате демократических сил Милинкевиче?». Ответ: несколько раз – 39%, хотя бы один раз – 31%. Т. е. 70% из тех, кто вообще смотрит этот канал, видели сюжет о Милинкевиче. Причем, судя по ответам на другой вопрос, большая часть зрителей стали после этого думать о Милинкевиче лучше. Значит, эти проекты начинают работать. Передачи радиостанций, вещающих на Беларусь из Европы, слушают около 15% избирателей, т. е. около миллиона человек. Слушатели этих передач обсуждают их со своими друзьями, коллегами, соседями

и постепенно проникаются соответствующими знаниями, ценностями, взглядами. Если это влияние еще ставится под сомнение некоторыми представителями демократических сил в Беларуси и скептиками в самой Европе, то белорусские власти реагируют вполне адекватно и предпринимают жесткие меры, чтобы его заблокировать. Так что процесс идет. И Евросоюз принимает в нем все более активное и действенное участие. Это участие также вселяет надежду.

Александр Милинкевич

Стоит сказать о том, что впервые за многие годы Евросоюз выработал консолидированную позицию относительно диктаторского режима в Беларуси. Важно, что в последнее время основные европейские институты последовательно не признают результатов проводимых властью с грубыми нарушениями общепринятых демократических стандартов «референдумов» и «выборов». Однако пока надо признать, что объединённая Европа не выработала системного подхода к «белорусской проблеме». Ещё до президентской кампании со стороны отдельных национальных правительств имел место определённый флирт с режимом в Минске – в искренней или прагматичной надежде, что режим изменит поведение. Но было время убедиться, и события избирательной кампании подтвердили, что этот режим неререформируем по сути. Ни кнут, ни пряник на него не действуют. Мы со своей стороны всегда придерживались позиции: Европа должна вернуться к так называемому двустороннему подходу в отношении Беларуси, но с акцентом на вторую его часть – сотрудничество с демократической Беларусью.

Анатолий Михайлов

Для того чтобы сделать эту политику более эффективной, ее содержание всё еще предстоит определить. До сих пор она остается слишком абстрактной.

Татьяна Протьюко

Складывается впечатление, что какой-то политической стратегии в отношении Беларуси у Евросоюза нет. Именно сейчас в мире очень сложная ситуация – с большими нефтяными деньгами у одних и высокими ценами на нефть для других.

Довольно трудно Евросоюзу сейчас из-за высоких цен на нефть и газ. Поэтому по отношению к Беларуси теперь один подход, когда Европа стабилизируется – будет другой подход, совершенно другой. Сейчас Европа может, в принципе, закрыть глаза на то, что в такой близкой, соседской Евросоюзу стране нарушаются права человека, законы, демократия. И они изо всех сил эти глаза закрывают, так как мы – транзитная страна. А когда всё стабилизируется...

Такой кризис, как сейчас, уже был в 70-ые годы: Запад вышел из него с новыми технологиями, а Советский Союз, который только использовал деньги и не совершил никаких технологических изменений, – развалился. Последствия сегодняшней ситуации будут такими же, хотя руководство России с этим борется. Будет большой политический кризис и в Беларуси, если эти большие деньги не будут использованы на модернизацию. Но пока что не видно, чтобы их вкладывали в экономику.

Посмотрите, какая у нас фактически инфляция – например, сколько стоит жильё! Когда квадратный метр жилой площади в Минске стоил более тысячи долларов? А сейчас это нормально уже. Это из-за того, что денег много и эти деньги идут не на модернизацию экономики, а на зарплату.

Я думаю, что много проблем ещё впереди. И говорить об отношении Европы к Беларуси можно будет через несколько лет. Сегодня Беларусь на распутье, и отношение к нашей стране – тоже на распутье. С одной стороны, симпатия к белорусам как к народу невоинственному, толерантному, добродушному, гостеприимному, принимающему людей такими, какие они есть. С другой стороны, если наше государство будет представлять собой опасность, отказываться от законности, демократии, прав человека, то в Европе могут закрыть глаза на то, что Беларусь сгинет в недрах белорусско-российской интеграции.

Поэтому к нам пока что относятся настороженно. Но Европа, я бы сказала, ожидает, что мы протянем им руку. Как на фресках Микеланджело, где Бог лежит и протягивает руку, а у человека рука такая вялая-вялая... Вот у нас ситуация именно как на этой фреске.

Андрей Санников

Теперь больше внимания уделяют Беларуси, больше высказывают обеспокоенность. Но пока что, опять же, это не превратилось во что-то конкретное. То, что теперь говорят о расширении списка невъездных чиновников... Если это – всё, на что Евросоюз способен, то для меня это показатель не только слабости, но и нежелания серьёзно подходить к нашей ситуации. Потому что есть другие механизмы, доступные Евросоюзу, он мог бы их использовать. Начиная с торгово-экономических отношений: в определённых странах Евросоюза торговый оборот с Беларусью вырос в три, четыре, пять раз. Есть инструменты! Я не говорю, в каких формах эти инструменты можно применять – эмбарго, санкции, лишение лицензии (возможности работать) определённым фирмам, контролируемым властями. Есть инструменты юридические: одно дело лишить возможности поехать за границу в страны Евросоюза, другое – начать международное разбирательство по пропавшим в Беларуси. Есть такие прецеденты, можно такое сделать. Не претворяется в жизнь даже то, что было с медийным проектом... Просто жаль денег и времени, честно говоря. Думаю, там могут быть задействованы талантливые люди с нашей стороны, но эффекта не будет: никто не знает, никто не слышит, никто не видит. Кто-то из знакомых видел передачу по RTVi – ужасную: никого из Беларуси там не было, цитировали одну неудачную статью о Беларуси, появившуюся в «Гардиан», будто других статей вовсе не было.

У нас сейчас нет той среды, которая существовала в Польше в советское время. Тогда короткие волны слушали почти все. Сегодня эпоха FM, и невозможно короткими волнами бороться против FM. Поэтому надо помогать тому, что есть здесь.

Владимир Улахович

Как минималистскую, свод намерений. Концепция Нового европейского соседства – очевидный манифест сожительства в условиях нарождающейся новой разделительной линии. С одной стороны, ЕС провозглашает наращивание близости после собственного расширения. С другой – вводит жесткий визовый режим на всех направлениях, включая и регионы, где в истории никогда не существовало границ у белорусов (Литва, Латвия, граница с Польшей всегда была с более или менее облегченным режимом пересечения). При этом процедура получения виз постоянно делается все более и более усложненной и унижительной. Понятно, что это не имеет ничего общего с европейскими ценностями, на которых идеологически стоит ЕС. Оправдание ужесточением борьбы с незаконной миграцией в отношении Беларуси также не работает. Ни в одной европейской стране вы не найдете сколько-нибудь заметной с точки зрения социального и криминального напряжения группы иммигрантов из современной Беларуси. Но едва ли не в каждом крупном европейском городе вы легко найдете не очень дружные с законом общины украинцев, молдован, россиян, албанцев, китайцев, вьетнамцев etc. Белорусы очень осторожны и разборчивы в перемене мест. Кстати, это также удивительная национальная черта.

Получается, что в соответствии с декларацией Брюсселя, Европа нам стала ближе после мая 2004 года, однако фактически, на деле – дальше. Хорошая иллюстрация европейской политики.

Валерий Фролов

Я приведу маленький пример. Как-то мне позвонил посол Англии: «Не могли бы Вы приехать?» Приехал какой-то их чиновник из МИДа, из Евросоюза, и такой счастливый рассказывает, как они приняли там какую-то резолюцию. Я понимаю, это чиновник, который в этом Европарламенте крутится, руководствуется своими подходами. Я понимаю западных людей: они всё стремятся демократическими подходами решить. Мы хотим, чтобы они нам помогли,

чтобы мы тоже стали похожими на них по жизненным принципам. Но это достаточно сложно сделать, потому что у них действуют законы, они ими руководствуются. И законы как-то не предполагают, что можно на кого-то «наехать», кому-то морду набить...

Думаю, там тоже мучаются: как же с нами поступить? Думаю, к ним приходит понимание того, что «плохим мальчикам» сколько пальчиком ни угрози – всё бессмысленно. Пока в угол не поставишь или ремнем не отлупишь – толку не будет. Не вижу я достаточно жесткой последовательной политики, которая помогла бы. То говорят про телевидение, то про радиовещание... Думаю, тут очень многое зависит от конкретных людей, которые будут руководствоваться своими интересами. Далеко не на первом месте Беларусь в их головах. Ну, если сами белорусы не могут выработать тут свою какую-то четкую позицию и продемонстрировать, что они готовы и хотят жить в другой стране... А то живут лишь бы как! Так чего приходится к тому, кто сам не знает, как хочет жить?

Я не говорю о политиках вроде Александра Милинкевича. У небольшого слоя людей, конечно, есть такое видение. Но нет определенной общей линии, поэтому западные политики не знают, кому тут помогать, что тут делать, не напрасны ли будут усилия...

Кроме того, здесь очень серьезное влияние России. Может быть, Евросоюз и хотел бы каким-то образом более конкретно повлиять на Беларусь, но тут Россия с другой стороны влияет. И начинаются какие-то политические игры. Это похоже на перетягивание каната: кто кого перетянет – тот потом щёки надует для «понтов», для ощущения, что «мы мощное государство». А принципиально – не особо Беларусь и интересна. Ну, есть такая страна, живут там такие *хлопцы*, которые и сами не знают-то куда идти (за исключением определенной части). Чего туда лезть? Тем более что ядерное оружие, в отличие от Ирана, мы уже сдали, ничего не разрабатываем, полезных ископаемых у нас нет. «Труба» транзитная немножко интересует. И чтобы предсказуемость была. Если тут что-то непредсказуемое будет – стукнут по голове: многие страны вокруг нас уже вошли в НАТО. Да и Россия спать в шапку не будет. Силы на это есть, в конце концов!

Мы оказались на разломе между Россией и Западом: и то на нас влияет, и это. И такой элемент раздвоенности... Не хотелось бы решать однозначно: «Вот

мы идем в Россию, этот Запад нам по барабану» или «Мы идем на Запад, Россия нам по барабану». Наверное, всё-таки как-то шире и глубже надо смотреть. А всем хочется так – чётко и ясно: все в Европу! А там нас и не ждут, в общем-то. Кому мы там нужны?

Жизнь, конечно, тяжёлая и жесткая штука. Наверное, нашей стране, как и каждому человеку, надо научиться жить без того, чтобы тебя водили за руку, всё объясняли.

Это как в зоопарке: клетки покрашены, дорожки посыпаны песком, кусок мяса тебе принесут, никакой зверь тебя не тронет – он сидит в соседней клетке. Всё нормально! Вот так мы и привыкли жить. Походил-походил по клетке, брык – полежал. Но человек, как и любое существо, должен жить в чистой природе! А мы немного задержались в этом зоопарке...

Станислав Шушкевич

Евросоюз оказался в западне. Дело в том, что сначала это было объединение стран, основанных примерно на одних и тех же политических принципах: у одних эти традиции уже укоренились, у других – почти укоренились, но они шли к цели, понимали, куда идти. Их общее законодательство, вылившееся в не принятую сегодня Конституцию (но есть ряд позиций, которые приняты), отвечало интересам этих стран. Когда присоединились 10 новых стран из Центральной Европы, возникли определённые сложности. И усовершенствование законодательства не успевает за этим. Они формируют бюджет по старым принципам. И они слабо утверждают, потому что всё должно пройти через национальное законодательство сегодня. И совсем уж получилась неважная ситуация, когда в ОБСЕ, например, влились такие страны, как Беларусь (а там принцип консенсуса минус один). Они фактически перестали играть какую-либо объединяющую роль. Я бы сказал, что это переходный период в Евросоюзе. Он, для того чтобы расшириться, не успел усовершенствовать своё законодательство. Если хотите, в микромасштабе мы переживали подобное: понимали, что такое Советский Союз, что такое шестая статья Конституции. Мы её отметили и начали латать нашу Конституцию – её латать было невозможно. После

быстренько приняли новую, с большими «прорехами» – демократичную, но не очень совершенную. Вот и в Евросоюзе сегодня нет законодательства, нет правовой основы, чтобы реально помочь такой стране, как Беларусь. Нет! Они могут помогать только через правительство, потому что это было объединение честных демократических правительств, избираемых демократическим образом. Они могут меняться, могут там быть такие выходки, как в Австрии, например, с правыми, либо такие выходки, как, может быть, сейчас будут в Италии. И я думаю, что пройдет определённое время, пока это законодательство будет усовершенствовано.

Моральная помощь со стороны Европы – превосходная. А если речь идёт о какой-то помощи реальной, то это может быть сделано законно только через отдельные страны, как, например, сделала Словакия. А Евросоюз – не знаю... Я ни разу не был в Брюсселе, потому что не знаю, о чём говорить с брюссельской администрацией. Я знаю, какими законами она пользуется, и думаю, что на основании этих законов ничего человеческого сделать нельзя.

Мы можем жаловаться на евробюрократию (и я жалею иногда), но она – правовая бюрократия: она работает по законам. И обойти этот закон не позволено евробюрократу. А закона, позволяющего решать такие вопросы, какие возникли с Беларусью, фактически у них нет. И это для них важнее всего. Заметьте: сейчас вступило 10 стран – надо уладить эти вопросы. Дефицит бюджета вновь вступившие страны создают до 2008 года что-то порядка 12 млрд евро. И нет этих миллиардов евро, и неоткуда их взять. А они должны находить согласно тому законодательству, потому что это то, что должно работать завтра. А Беларусь – подождёт...

Всеволод Янчевский

Честно сказать, я не вижу никакой политики. Евросоюз не понимает Беларусь и, судя по всему, не желает ее понимать.

Европа относится к нам потребительски, свысока. Часто она попадает впросак, потому что высокомерие даже великим не к лицу. Мы небольшие, и с брюссельских и вашингтонских вершин нас рассмотреть сложно. Именно

поэтому они нас не понимают. Именно поэтому они впадают в такие глупости, что думают, будто если они ограничат въезд белорусских чиновников, то белорусские чиновники очень сильно от этого расстроятся.

Европа упускает огромные возможности сотрудничества с Беларусью. Наша стабильность – это плюс, она дает существенный плюс европейцам. Если бы они это использовали, начиная с небольших предприятий, фирм и заканчивая даже странами, они имели бы от этого очень существенную экономическую прибыль.

Беларусь решает за Европу ряд проблем – прежде всего, сдерживает вал наркотиков, нелегалов... За это Европа периодически лениво нас пинает. Подобное отношение не способствует тому, чтобы мы задачи ограждения Европы от всей этой мути, идущей с востока, из Азии решали более эффективно. Это неправильная и неграмотная политика.

И, наконец, Европа просто теряет время. Европейцы почему-то думают, что рано или поздно мы пойдём путем Польши, Венгрии, Чехии. Но мы не Польша, не Венгрия и не Чехия! Они почему-то наивно думают, что Лукашенко – это случайность. За двенадцать лет они так и не поняли: Лукашенко – это всерьез и надолго.

Еще раз повторю: европейцы никакой политики по отношению к нам не проводят. У меня такое впечатление складывается, что политика Европы относительно Беларуси – это череда каких-то заявлений, которые эдак с года девяносто шестого одним файлом в компьютере числятся, и там переставляются только даты и поводы.

Американцы и европейцы очень часто напоминают мне советских бюрократов, особенно в своих формулировках: у них формулировки такие, как у прежнего ТАСС. Они абсолютно стандартны, предсказуемы, и можно лет на пять вперед прогнозировать, что скажет Госдеп США или какой-нибудь еврокомиссар по тому или иному поводу. Они себя выставляют в этом плане немножко смешными.

Самое интересное, что Беларусь практически ничего не просит у Европы. Европейцы сокрушаются, что здесь перекрываются всякие каналы помощи. Зря сокрушаются. Наш президент помогает европейским налогоплательщикам

экономить их деньги, которые большей частью разворовывались и разворовываются. Все европейские программы помощи абсолютно не эффективны. Но общая практика предоставления всяких грантов на пространстве бывшего Советского Союза показывает, что это обычно безбожное воровство, стандартные отчетики непонятно куда.

Европейские политики никак не могут смириться, что в Беларуси случилась редкая штука – здешняя политика стала выстраиваться в точном соответствии с пожеланиями большинства народа. Так случилось, что в Беларуси появился Лукашенко. Так случилось, что Лукашенко сумел, в силу свойств своей личности (достаточно уникальной), перевести ожидания массы, большинства в политическую практику. Это не получилось ни в Украине, ни в России: там и до 91-ого года меньшинство управляло в лице не избранных никем коммунистических руководителей, и после 91-ого года там тоже управляло меньшинство.

В Беларуси получилось интересно: здесь начало править большинство. Здесь политика стала развиваться так, как хочет большинство. Большинство испытывало ностальгические чувства по отношению к СССР – этот элемент воплотился в политике. Большинство испытывало желание жить в государстве, как сейчас любят говорить, социальном (или, как любят выражаться политологи, патерналистском), или, грубо говоря, иметь поддержку от государства – и это нашло отражение в политике государства. Большинство не хотело видеть ужасающее расслоение – и здесь не прошла приватизация, и чиновники (по крайней мере, внешне) ведут себя достаточно скромно: их к тому принуждает власть.

И оказалось, что на данном этапе большинство белорусского народа в общеевропейский контекст не захотело вписываться. Это факт. И факт – не зловредный, не злонамеренный. Не было большего абсурда, чем назвать одну из книг о Лукашенко (весьма слабеньких) «Случайный президент». И, наоборот, Федута весьма грамотно написал в своей книге о том, что президент Лукашенко отнюдь не случаен.

Он не случаен по двум причинам. Во-первых, потому что такой человек условно должен был стать очень крупным лидером, масштабной исторической фигурой в силу своих редчайших личностных качеств: харизмы, гениальной

политической интуиции и уникального умения чувствовать дыхание и поступь истории (кстати, Лукашенко, пожалуй, вообще единственный политик на постсоветском пространстве, наделенный этим почти мистическим даром).

Во-вторых, то, что народ вручил ему всю полноту власти, также не случайно, ибо менталитет, ценности подавляющего большинства нашего народа на этом историческом этапе расходятся с классической европейской демократией. Наш народ не востребовал ни политические свободы, ни парламентаризм. Их у него не отобрали – это неверно. Их не подавили – они просто не были ангажированы. Причем ярко это было видно в 1991–1994 годах.

Заметьте, те свободы, на которых настаивал народ, все воплощены. На закате СССР были очень сильно востребованы личные свободы. Свобода передвижения: все в Советском Союзе хотели ездить по миру. Если эту свободу отобрать – за нее народ выйдет на площадь, где бы то ни было. Свобода от мелочной государственной опеки, от диктата, от партсобраний, дурацких политинформаций, пропесочивания, слежения за личной жизнью (развелся – не развелся и т. д.) – всё это было востребовано большой массой людей.

Собственно, и в Советском Союзе лишь меньшинство требовало политических свобод. Большинство хотело вот этих базовых, личных свобод.

В Беларуси остались все свободы, которые были вызваны к жизни обществом. Но политические свободы (в западном понимании) общество сознательно и добровольно отвергло. Абсолютно четкий был выбор в сторону, скажем, единовластного правления. Я всегда протестую, когда наше государство называют диктатурой. Это некорректно, неправильно, абсурдно и даже, я бы сказал, кощунственно. Нельзя подавать руки человеку, который так говорит. У настоящих диктатур были жертвы – сотни, тысячи, миллионы. Тюрьмы, пытки, расстрелянные, убитые.

Разве можно это даже близко сравнивать с тем, что в Беларуси пару десятков человек за нарушения общественного порядка отправляют на пятнадцать суток? При диктатурах, извините, отправляют на пятнадцать лет, а не на пятнадцать суток. Или вообще высылают массовым порядком на тот свет. И выход оппозиционных газет там не приостанавливают – они просто отсутствуют как понятие. И оппозиционные лидеры не собираются на конгрессы и политсовете

ты. Зачем же говорить о «диктатуре», зачем бросаться походя этим тяжелым, трагическим словом?

Да, у нас авторитарный режим – безусловно. Сам президент от этого не отказывается. Такой режим предпочтен большинством населения сознательно. Основную мысль Конституции 96-ого года народ прекрасно понял. Он понял: мы отдаем власть Лукашенко.

Я был депутатом прошлого созыва, я всегда говорил: «Да, наш парламент не столь полномочен, как европейский парламент». Но в этом нет ничего удивительного, потому что на этом этапе большинство нашего народа выбрало систему, при которой классического разделения властей нет, при которой есть смещение власти к одному человеку.

Этого желает большинство белорусского народа. И на примере сегодняшней Украины мы видим – это правильно.

Европе, Евросоюзу необходимо помнить: Франция шла к демократии несколько веков, пережив не одну кровавую революцию. Германия оплатила свою демократию миллионами своих и чужих жизней.

Мы же не хотим идти к демократии через потрясения и не желаем оплачивать ее кровью. Весь двадцатый век наша многострадальная Беларусь жертвовала всем ради светлого коммунистического будущего. Коммунистические бонзы говорили: потерпите сегодня, а завтра всем будет легче. Рыночники-либералы говорят то же самое – потерпите безработицу, безвластие, криминал – это, мол, всё издержки «переходного периода».

Кардинальное различие между Лукашенко и его противниками состоит именно в этом. Они опять пытаются заставить страдать народ сегодня ради туманного завтра. А Лукашенко знает: люди хотят жить нормально не завтра, не через десятилетия, а сегодня, здесь и сейчас. И именно этому подчинена его политика. В этом его правда и его сила.

Начинать строить очередное «светлое будущее» (на этот раз демократическое) у нашего народа уже нет сил. Было бы неплохо, чтобы в Европе нашлись светлые головы, которые поняли бы эту в общем-то не сильно сложную истину...

Четыре корпорации белорусской элиты

Андрей Казакевич

Определить, что такое «элита» и степень её *влияния* на общество практически невозможно. Обычно это чувствуется интуитивно. Тем более сложно вести разговор о взглядах белорусской элиты. Проблема даже не в том, что элита очень фрагментирована (отсутствует даже минимальный политический консенсус), а в том, что её воззрения очень часто динамичны и колеблются в зависимости от многих внутренних и внешних факторов. Достаточно трудно определить разницу между настоящим мнением, симуляцией, идеологическим тезисом, эпатажем либо стремлением сказать ожидаемое. Особенно в контексте интервью. Но, возможно, это и несущественно – так или иначе эта совокупность отражает определённое состояние общественного сознания.

Цель этого небольшого послесловия – схематически передать основные черты той неопределённой социальной группы, которую условно можно назвать элитой, и одновременно очертить её логику понимания Европы и европейской проблематики. В книге представлены основные части белорусских элит, хотя и присутствует определённый дисбаланс в результате неконтактности части политического и экономического спектра, сильно интегрированного в государственную систему (высшие государственные персоны, крупный бизнес, часть академической науки, культуры и т. д.).

Представляется, что при анализе взглядов белорусской элиты удобнее всего провести её раздел по критерию субкультуры. Этот раздел довольно

условен, но отражает определённые стили мышления и, соответственно, стратегии в понимании внешнего контекста Беларуси, что для нас и является наиболее интересным. В этом контексте выделение функциональных групп (экономическая, политическая, культурная элита) не принимается во внимание. Ещё одним важным фактором, определяющим логику мышления элиты, является раздел политического и культурного пространства Беларуси по оси «власть – оппозиция», который влечёт за собой более глубокие разделы на уровне культуры и ценностей. Этот раздел достаточно важен и в контексте того, что могут сказать представители элитных групп во время интервью и насколько искренне.

Термин субкультура мы используем достаточно произвольно и связываем его с наличием определённых общих черт политической группы (структура биографий, образование, социальное происхождение, культурный фон), позиций на политическом поле (и, соответственно, коммуникативной близостью либо отчуждённостью), корпоративных связей и организационной эволюции. Не все группы обладают одинаковыми свойствами и уровнем консолидации, границы их достаточно мобильны и не прочны. Тем не менее такое деление, по нашему мнению, позволит несколько систематизировать взгляды белорусской элиты. При этом будем помнить, что взгляды – феномен довольно динамичный, и каждый представитель общества может их части менять при изменениях в социальной среде или политической позиции. Едва ли не классическим примером тут выступает С. Шарецкий.

Несколько слов стоит сказать о предмете книги, основу которой составляют ответы на вопрос, который обще можно назвать «европейской проблематикой». Беларусь является авторитарным режимом, что накладывает свой значительный отпечаток на характер и статус личного мнения. Высказывания о европейском пути в значительной степени теоретические, поскольку не являются предметом реальной политики. Кроме того, они значительно более персонализированы и случайны, так как не обосновываются соответствующей общественно-политической дискуссией и калькуляцией реальных интересов, что надо учитывать при чтении материалов.

Белорусская (пост)советская элита. Белорусская советская административная элита начала складываться после Второй мировой войны. В первоначальном виде она оформляется в 1950-ых годах, далее процесс её репродукции в рамках советского партийного аппарата происходил практически непрерывно до начала 1990-ых. Распад СССР и создание независимой Беларуси несколько ослабили влияние советской элиты, но доминирующий статус был вскоре возвращен (в 1990–1994 годах центральной фигурой являлся В. Кебич) и сохранялся практически до конца 1990-ых, когда начал работать естественный демографический фактор старения. Таким образом, представители советской номенклатуры сохраняли доминирующие позиции в государственном аппарате и после прихода к власти А. Лукашенко. Постепенный уход этой группы происходит только на рубеже XX–XXI веков – символической чертой тут можно считать вытеснение из «большой политики» после президентских выборов 2001 года М. Мясниковича, который после 1994 года долгое время считался неформальным лидером постсоветской элиты.

(Пост)советская элита – это, возможно, единственная белорусская группа, имевшая опыт, по крайней мере частичный, административной завершенности, с собственными правилами, корпоративными связями, системой образования, механизмами отбора и рекрутирования. Логика её развития была разрушена в начале 1990-ых, но это не помешало ещё десятилетие занимать лидирующие позиции. Большинство представителей советской элиты имели «местное» происхождение, многие сохраняли определённые симпатии по отношению к белорусской культуре, особенно литературе, но одновременно они были сильно советизированы по сравнению с остальными республиканскими элитными группами. Идеи независимости и национального возрождения не были достаточно популярными, а руководство БССР до последнего оставалось лояльным СССР.

Тем не менее в 1990-ые представители (пост)советской элиты демонстрировали достаточную политическую и культурную гибкость. В первые годы независимости произошло активное принятие идеи суверенитета и даже легитимация национальной политики, часть элиты успешно демократизи-

ровалась и даже органично вобрала национальный элемент. Её судьба после 1994 года была очень различной: одна часть в разных формах продемонстрировала оппозиционность (М. Гриб, В. Гончарик), другая, большая, часть успешно интегрировалась в новый политический строй, при этом сохраняя, как представляется, частичную автономию (М. Мясникович, В. Кебич). Для большинства, кажется, это было не идеологическим, а прагматическим выбором, хотя администрация Лукашенко и вытянула на политическую сцену ряд ортодоксальных коммунистов (вроде Костяна, Малофеева или, в несколько меньшей степени, Дементя).

Что касается понимания Европы и европейского пути, то для большей части (пост)советской элиты оно полностью укладывается в контекст белорусской советской культуры и соответствующего типа идентичности. Белорусская советская традиция однозначно относилась Беларусь к Европе, хотя её понимание было преимущественно пространственным и, естественно, никоим образом не связанным с цивилизационной структурой, ценностями или христианством. Впрочем, никакой альтернативы такому пониманию Европы и не могло существовать: русская националистическая традиция противопоставления России и Европы, как и надпространственное понимание Европы, противоречило советской идеологии. Экспансия новых «русских идей» и, соответственно, экспорт в Беларусь русского национализма, которые происходили в начале 1990-ых и в 1995–1999 гг. оказывали значительное влияние на белорусскую власть, остались чуждыми постсоветской элите. Не менее отчуждённой была и идея Европы как системы ценностей. Для большинства элиты Европа была и остаётся только пространственным (главным образом географическим) понятием, мало нагруженным дополнительными идеологическими смыслами. Кстати, такое отношение полностью аналогично пониманию нации и государства, которые выступают главным образом как территориальные понятия. Надо отметить, что такое представление Европы для (пост)советской элиты складывалось в то время, когда континент был наполовину советским, а Европейское экономическое сообщество являлось региональным объединением 6–10 стран Европы. Это отчётливо контрастирует с современным пониманием, свойственным молодому поколению, когда Европа и ЕС – понятия практически тождественные.

Обычно представители (пост)советской элиты демонстрируют позитивное отношение к Европе как к чему-то близкому, как к партнёру по сотрудничеству – прежде всего экономическому. Даже требования демократизации воспринимаются спокойно. Но культурный концепт Европы, её внутренние разделы представляются, как правило, непонятными и искусственными в географической парадигме. При этом обычно подчёркивается необходимость сохранения особых традиционных связей с Россией. Это своего рода прагматичная парадигма советского периода, которая никогда не была внимательна к культурным и неэкономическим аспектам политики. Например, не очень часто можно встретить агрессивное отношение к демократии, но в большинстве случаев она рассматривается не как ценность, а только как дополнительный механизм, служащий «для улучшения условий сотрудничества». (Пост)советская элита была достаточно гибкой, чтобы идти на такие меры при определённых внешних обстоятельствах.

«Национальная» элита. «Национальная» элита – группа, которая возникала как противовес белорусской советской элите. Противовес главным образом культурный – только в конце 1980-ых начинают появляться организованные политические группы, не подконтрольные коммунистической партии. Следует учитывать, что в советской Беларуси не было значительного диссидентского движения (ни национального, ни религиозного), а новое поколение национального движения организуется в первой половине 1980-ых без прямой преемственности с более ранним периодом. При этом непосредственным фундаментом его стала национальная традиция начала XX века, собственно белорусский элемент советской культуры (который в БССР пережил значительное социальное ограничение) и белорусское движение Западной Беларуси 1920–1930-ых годов. Основу «диссидентов» составляла творческая интеллигенция: представители культуры, науки, сконцентрированные в крупных городах.

В противовес советской идентичности «диссиденты» предлагали идентичность национальную, основанную на уважении к белорусскому языку и культуре, совершенно иной интерпретации истории (с длинной генеало-

гией со времён ВКЛ, а не с 1917 года, как в советской версии), и совсем иное понимание внешнеполитического контекста. Если для советской элиты Европа была не более чем пространством, не отягощённым дополнительными смыслами и ценностями, то для национального движения она стала символом национального возрождения. Европа стала образом настоящей (несоветизированной) белорусской культуры и исконной (не связанной с российским колониальным наследием) политической традиции со времён Полоцкого княжества и ВКЛ. Важным для национального движения стала метафора «возвращение в Европу» как политическая, экономическая и, что ещё более важно, культурно-цивилизационная задача. Это, соответственно, сочеталось с многосторонним подчёркиванием европейской сущности и основы белорусской культуры.

Следует заметить, что подъём европейской проблематики в национальной дискуссии происходил в условиях значительного роста русского национализма после распада СССР. (Последний имел различные формы – от новой интерпретации панрусизма и западнорусизма до панславизма и евразийства, но первые варианты явно доминировали. Одним из немногочисленных представителей на современной политической сцене можно считать С. Костяна.) Различные версии русского национализма стали достаточно популярны в среде части белорусской элиты и совсем незначительной группы интеллигенции, особенно после 1994 г., когда А. Лукашенко практически возвёл его до уровня государственной политики (особенно внешней). Иногда существование белорусской нации ставилось под вопрос, поэтому Европа и европейскость рассматривались национальным движением как главный противовес и альтернатива «русскости». Но значение европейскости для национального (в более широком смысле – практически для всего демократического) движения стало значительно большим, чем простое противопоставление, проделав эволюцию от символа прошлого до ценности и основной перспективы, при этом сохраняя свою идеологическую нагрузку.

В 1990–1994 годах национальное движение (главной политической силой которого был БНФ) было частью неустойчивого баланса с советской элитой, которая сохранила власть, но пошла на уступки в области белорусизации и воз-

вращения национальных символов («консенсус Кебича»). Однако дальнейшее политическое развитие не привело к синтезу национальной и советской культуры, по крайней мере такой синтез был существенно заторможен усилением авторитарных тенденций и фактическим переходом государственной власти в 1994–2000 годах на радикальные панрусистские националистические позиции. Национальная элита в таких условиях начинает вытесняться с легального политического поля (что было достигнуто в 1996 году) и репрессироваться государством как на символическом, так и на социальном уровне. В современной Беларуси национальная элита практически не имеет возможности участия во власти и сконцентрирована в политической оппозиции, ряде СМИ и культурной элите (где она часто доминирует). Это подчёркивает её во многом диссидентский характер, с соответствующими стратегиями политической борьбы и психологией.

Новая элита. Среди разнородной массы, которую мы условно называем белорусской элитой, существует довольно значительная группа, которая сделала собственную политическую или деловую карьеру в условиях распада советской системы и политических трансформаций 1990-ых (в более узком контексте – во время правления Лукашенко). Для значительной части этих людей только перестройка, независимость и распад СССР в 1991 году, а также электоральная революция в 1994-ом открыли возможности для карьерного роста. Эта группа довольно разнородна по своему происхождению и идентичности, и она формирует то, что условно можно назвать новой элитой, которая и начинает доминировать во властных и деловых структурах.

Центральное место тут занимают люди, получившие социальный и политический статус в результате прямой протекции новой власти и отдельных её носителей, а также те, чьи позиции (в частности экономические) стали возможны только в результате получения преференций от государственной системы. Наиболее показательным здесь является круг знакомых и коллег А. Лукашенко (а также знакомых этих знакомых и т. д.), которые занимали скромные посты районного уровня, а после 1994 года сделались персонами национального масштаба (Коноплёв, Журавкова), круг тех, кто поддержал

будущего президента как политический проект (Шейман, Булахов). Это наиболее радикальные случаи – для большинства новой элиты карьерный рост был значительно более медленным, однако при этом сильно связанным с новой властью. Кроме этого, значительное число административной элиты сформировалось в условиях современной государственной системы, которая представляется им достаточно знакомой и привычной, а значит, полезной. Персональные убеждения представителей новой элиты могут быть различными (до криптоопозиционности), но их статус заставляет их смотреть на политику через призму интересов системы (от которой зависит их будущее), хотя искренняя убежденность в её правильности не являлась до последнего времени распространённой. Эта группа составляет основу реальной политической элиты Беларуси и является наиболее закрытой для неофициальной общественности.

Целостного воззрения тут нет и быть не может. Но нас наиболее интересует «жёсткий центр» новой элиты, точка зрения которой доминирует в публичном пространстве. Именно в этих кругах продуцируется официальная антизападная риторика, определённый внешнеполитический радикализм и соответствующий идеологический фундамент. (Главное внимание, естественно, уделяется США, но Европа также выглядит негативно.) Если во второй половине 1990-ых новая элита предлагала в качестве основной идеологии различные варианты русского национализма, то в начале XXI века происходит переход к специфической конструкции «идеология белорусского государства» (2003). Это несколько изменило статус Европы и различных элементов «цивилизационного» противопоставления в идеологии. Власть вновь вернулась к географическому пониманию европейского пространства.

В этой модели подчёркивается географическая принадлежность к Европе (известная метафора: «Беларусь – центр Европы»), но в плане культуры принадлежность скорее отрицается (по крайней мере, в отношении Западной и Центральной Европы). Иногда Беларусь даже противопоставляется западному типу культуры (часто вспоминается наследие православия). Соответственно, очень редко отмечается необходимость интеграции в Европу и её культурная ценность для Беларуси; в отношении России такие обороты

более часты. Таким образом, Европа – это, с одной стороны, географическое и историческое понятие, которое вне сомнения включает Беларусь. С другой стороны, Европа – это культурная и политическая общность, являющаяся достаточно чуждой для белорусского народа. Особенно такая риторика усиливается в контексте политического давления на белорусские власти со стороны европейского сообщества, что однозначно рассматривается как вмешательство во внутренние дела и попытки навязать собственные стандарты демократии и ценности, которые неприемлемы (либо преждевременны) для белорусского общества. При этом всегда подчеркивается готовность к равноправному и взаимовыгодному сотрудничеству. Таким образом, существенное отличие от обычного географического понимания Европы заключается в том, что она ощущается как реальное политическое сообщество (фактор реальной политики), находящееся в противостоянии к существующему белорусскому устройству.

«Молодая генерация». Группа ещё более сложная для определения, чем новая элита, и значительно более фрагментированная. Довольно условно она охватывает молодых людей, пришедших в политику во второй половине 1990-ых и позже. По большому счёту, «генерация» представляет собой не целостную группу, а именно поколение, которое было воспитано (в политическом смысле) в условиях независимой Беларуси. Степень политической активности «генерации» довольно различна, во властных структурах её присутствие скорее фоновое (если исключить ряд показательно активных «технократов», с обязательным оттенком цинизма). В то же время в оппозиционных структурах молодое поколение занимает значительно более влиятельные позиции. (Занятие молодой генерацией значительной части ключевых постов в БНФ произошло в 2003 году, а ОГП – с некоторым опозданием – в 2006-ом. На региональном уровне ситуация аналогичная – весь провисший менеджмент заполняется молодыми функционерами, что можно считать одним из свойств – очевидно, кризисных – развития оппозиционных структур.) Мотивация участия в оппозиции обычно связана с убеждениями и идеологическим выбором, хотя циничный подход не является редким.

Для белорусской власти молодая генерация – это естественный резерв рекрутирования. Новые функционеры обычно являются лояльными государственной системе, но при этом демонстрируют довольно высокий уровень оппозиционности в частной жизни. Оценить, насколько молодая генерация находится под влиянием идеологических практик режима, достаточно сложно, но они явно не доминируют. Идеологические конструкции воспринимаются в большинстве случаев на оперативном уровне и пока не имеют характера ценностей. При этом коммуникация между двумя частями молодой генерации белорусской элиты практически отсутствует – возможно, даже более радикально, чем между другими группами элиты.

Формирование новой группы белорусской элиты происходило в условиях Республики Беларусь, и это накладывает свой отпечаток на самосознание, хотя оно и не выступает как какая-то самостоятельная и завершённая форма. В большей мере новое поколение воспринимает основные формы идентичности существующих групп элиты с некоторыми особенностями. Представляется, что восприятие Европы для него менее идеологическое и более критичное, в смысле внутренней критики и надежды на разрешение ситуации. Если для национальной элиты Европа выступала средством разрешения многих противоречий белорусского национального развития, то новая элита имеет куда меньше идеализма на этот счет. Для той части молодой генерации, которая интегрирована в государственную систему, ситуация выглядит схожим образом. Если и формируется негативное отношение к Европе, то оно связано не столько с идеологическими и пропагандистскими конструкциями (или «незнанием Европы»), сколько с ограниченностью полноценных контактов на государственном уровне и, соответственно, уменьшением практического интереса к европейской проблематике. Это совсем не означает отсутствия контактов на личном уровне и личного опыта посещения зарубежья, но идея принадлежности либо присоединения при этом не возникает. Европа как интеллектуальный и культурный конструкт и Европейский Союз как его реальное политическое и экономическое воплощение становятся практически тождественными понятиями, а это значит, границы становятся достаточно хорошо очерченными.

Андрей Казакевич – род. в 1980 г. Окончил юридический факультет БГУ (отделение политологии) в 2002-ом. В 2002–2005 гг. учился в аспирантуре. Подготовил к защите диссертацию *Теоретические аспекты политического анализа судебной власти Беларуси*. Главный редактор журнала «Палітычная сфэра». Руководитель бакалаврской программы «Политология. Европейские исследования» Европейского гуманитарного университета с марта 2006-ого.

Об авторах

Ольга Абрамова – род. в 1953 г., политик. В 1975-ом окончила Белорусский государственный университет (БГУ). Кандидат философских наук (1988), тема диссертации – *Гуманизм насильственной задачи социалистической революции*. Преподавала в Белорусском технологическом институте и Минском радиотехническом институте. Политикой начала заниматься с конца 1980-ых, протестуя против придания белорусскому языку статуса единственного государственного языка. В Верховном совете Республики Беларусь XIII созыва являлась секретарем Комиссии по международным делам. Была избрана в т. н. Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь второго и третьего созывов.

Светлана Алексиевич – род. в 1948 г., писательница. Окончила факультет журналистики БГУ. Позже работала в районной газете г. Береза Брестской области, республиканской «Сельской газете», заведующей отделом очерка и публицистики литературно-художественного журнала «Нёман». Автор книг *Увойны не женское лицо* (1985), *Последние свидетели (сто не детских рассказов)* (1985), *Цинковые мальчики* (1989), *Зачарованные смертью* (1993), *Чернобыльская молитва (хроника будущего)* (1997). Личный сайт: <http://alexievich.info>.

Евгений Бабосов – род. в 1931 г., социолог, философ. В 1955-ом окончил БГУ. С 1959 г. преподавал философию в БГУ и Минском мединституте. В 1962–1977 гг. заместитель заведующего отделом науки и учебных заведений ЦК

КПБ. Директор Института философии и права Академии наук БССР (1977–1989); директор (1990–1998), с 1998-ого заведующий отделом Института социологии НАН Беларуси, одновременно заведующий кафедрой Белгосуниверситета. Доктор философских наук (1972). Академик НАН Беларуси (1994). Был одним из инициаторов создания Республиканской партии труда и справедливости (1993), а также Социалистической партии Беларуси (1994). Принял участие в разработке т. н. идеологии белорусского государства. Его монография *Основы идеологии современного государства* вышла двумя изданиями.

Анжелика Борис – род. в 1973 г., лидер польского меньшинства в Беларуси. Окончила среднюю школу в деревне Подлипки Гродненского района, педагогический техникум в Замостье Люблинского воеводства Польши и филиал Варшавского университета в Белостоке по специальности «педагогика и психология». Преподавала польский язык в деревне Адельск Гродненского района и в Школе польской в Гродно. В Союзе поляков Беларуси с 1995 г., с 1998-ого занимала там пост заведующей отделом образования. На шестом съезде Союза поляков в марте 2005 г. избрана председателем. Министерство юстиции Беларуси признало результаты съезда нелегитимными. По информации еженедельника «Салідарнасць», в 2005-ом 56 раз вызывалась на допросы белорусскими спецслужбами.

Ирина Бугрова – политолог, ведущий исследователь Международного института политических исследований в Минске (до его закрытия властями). Преподает политологию в Европейском гуманитарном университете (ЕГУ). Кандидат философских наук, доцент. В сферу ее научных интересов входит политическая психология, политическая культура, конфликтология, транзитология, технологии избирательных кампаний.

Генадзь Буравкин – род. в 1936 г., поэт, общественный деятель. В 1959-ом окончил отделение журналистики филологического факультета БГУ. Работал в редакциях газет и журналов. С 1978 г. – председатель Государственного комитета БССР по телевидению и радиовещанию. С 1990-ого – постоянный

представитель БССР при ООН. Работал в редакции газеты «Беларускі час», пока контроль над ней не перешёл к белорусскому режиму. Член Белорусского ПЭН-центра.

Алесь Бяляцкий – род. в 1962 г., правозащитник. В 1984-ом окончил Гомельский государственный университет. Член организационного комитета БНФ «Адраджэньне» (1988), один из основателей Белорусской католической громады (1990). В 1992–1996 гг. был депутатом Минского городского совета. В 1989–1998 гг. работал директором Литературного музея Максима Богдановича в Минске. В 1996-ом основал и возглавил правозащитный центр «Вясна-96». В феврале 2006 г. был награждён премией «Andrei Sakharov Freedom Award 2006». В 2006-ом был также выдвинут группой норвежских парламентариев на получение Нобелевской премии мира. В том же году в Чехии получил из рук Вацлава Гавела престижную премию «Homo Homini».

Александр Вайтович – род. в 1938 г., научный и политический деятель. Доктор физико-математических наук, профессор, академик НАН Беларуси. В 1960 г. окончил физический факультет БГУ. С мая 1997 г. – президент НАН Беларуси. 19 декабря 2000 года избран председателем т. н. Совета Республики Национального собрания Беларуси второго созыва. 28 июля 2003 г. был отозван с этого поста указом президента и перешёл в оппозицию. Личный сайт: <http://voitovich.com>.

Андрей Вардамацкий – род. в 1956 г., социолог. Кандидат философских наук, доктор социологических наук. В 1978-ом окончил БГУ. Руководитель частной исследовательской лаборатории аксиометрических исследований «Новак» (новая аксиология), обладающей собственной социологической сетью. На последних президентских выборах лаборатория не получила государственной аккредитации и была лишена возможности проводить независимые социологические исследования.

Винцук Вячорка – род. в 1961 г. в Бресте, педагог, учёный, лидер Партии БНФ. В 1983-ем окончил филологический факультет БГУ, в 1986-ом – аспирантуру при Институте языкознания Академии наук. В 1988 г. стал одним из основателей БНФ «Адраджэньне». С 1990 г. преподавал в минском Государственном педагогическом институте и Белорусском гуманитарном лицее. Занимался нормализацией современного белорусского правописания. В 1995 основал и возглавил центр «Сообщество». Был одним из организаторов «Минской весны» (1996). За организацию протестов против него было возбуждено уголовное дело, которое тянулось до 1998 г. В 1999-ом Вячорка избран председателем Партии БНФ. Во время избирательной кампании 2006 г. был заместителем руководителя штаба Александра Милинкевича и отвечал за отношения с доверенными лицами и международные связи.

Павел Данейко – род. в 1961 г., экономист, политический деятель. В 1986-ом окончил БГУ по специализации «макроэкономика». Работал в Институте экономики АН Беларуси. После 1991 г. возглавлял финансово-инвестиционную компанию «ФИКО», компанию «Системное бизнес-консультирование». Депутат Верховного совета Республики Беларусь XIII созыва. Член ОГП с 1991 года, член политсовета ОГП. Председатель наблюдательного совета Института приватизации и менеджмента (Минск). Сфера научных интересов: макро-, микроэкономические и институциональные аспекты трансформации, политэкономия трансформации, фондовый рынок.

Андрей Дынько – род. в 1974 г., главный редактор еженедельника «Наша ніва», переводчик, публицист, автор ряда рассказов. В 1996-ом окончил минский Государственный лингвистический университет. В 1997–2000 гг. преподаватель минского Государственного лингвистического университета. В 2002–2004 гг. был президентом Белорусского ПЭН-центра. В 2003-ем Вацлав Гавел передал ему премию «За гражданские заслуги» имени Гано Эленбоген (стал первым иностранцем, которому была вручена эта чешская премия).

Светлана Калинкина – род. в 1970 г., журналистка. С 1996 г. – первый заместитель главного редактора «Белорусской деловой газеты», с 2002 г. – главный редактор «Белорусской деловой газеты», главный редактор газеты «БДГ. Для служебного пользования». Последние несколько лет – шеф-редактор самой тиражной оппозиционной газеты «Народная воля». Вместе с журналистом Павлом Шереметом написала и издала книгу «Случайный президент». Лауреат премии Буцериуса «Молодая пресса Восточной Европы».

Сергей Калякин – род. в 1952 г., политик. В 1977-ом окончил минский радиотехнический институт по специальности «радиоинженерия», в 1992-ом – БГУ по специальности «политология». Работал в промышленности. Член КПСС с 1977 г. С 1983 по 1991 гг. – второй и первый секретарь Советского райкома КПБ г. Минска. Секретарь (с 1993), первый секретарь (с 1994) ЦК КПБ. Депутат Верховного совета Республики Беларусь XIII созыва, член президиума ВС и руководитель фракции коммунистов. Во время избирательной кампании 2006-ого был руководителем штаба Александра Милинкевича.

Кася Камоцкая – род. в 1963 г., рок-певица. В 1991-ом создала и возглавила популярную рок-группу «Новое неба».

Вячеслав Кебич – род. в 1936 г., хозяйственный и государственный деятель. Окончил Белорусский политехнический институт и минскую Высшую партийную школу. Кандидат экономических наук. Работал инженером-технологом, заместителем главного инженера Минского завода автоматических линий, директором Минского станкостроительного завода, генеральным директором Минского производственного объединения по выпуску протяжных и отрезных станков им. С. М. Кирова; вторым секретарем Минского горкома КПБ, заведующим отделом тяжелой промышленности ЦК КПБ, вторым секретарем Минского обкома КПБ, председателем Государственного планового комитета БССР, президентом Белорусского торгово-финансового союза. Избирался членом ЦК КПСС, народным депутатом СССР, депутатом Верховного Совета БССР X, XI XIII и XIII созывов. В 1984–1985 гг. вторым секретарь Минского обкома КП Беларуси. С 1985-ого

заместитель председателя, в 1990–1994 гг. – председатель Совета министров Беларуси. Во время первых президентских выборов в Беларуси (1994) набрал в первом туре 17,33%, во втором – 14,1% голосов. Вошел в состав т. н. Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь первого созыва, был членом депутатской группы «Содействие экономическому развитию», членом постоянной комиссии по промышленности, топливно-энергетическому комплексу, транспорту, связи и предпринимательству.

Сергей Костян – род. в 1941 г., историк, политик. Окончил минский Государственный педагогический институт. Работал первым секретарем Мозырского райкома ЛКСМБ, заведующим отделом Мозырского райкома КПБ, заведующим кафедрой Мозырского государственного педагогического института. Доктор политологических наук. Депутат Верховного совета Республики Беларусь XIII созыва. После его роспуска вошел в состав т. н. Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь. Состоял в депутатском объединении «За союз Украины, Беларуси и России» («ЗУБР»), депутатских группах «Единство», «Друзья Болгарии», «Народный депутат». Был заместителем председателя Комиссии по международным делам и связям с СНГ. Секретарь ЦК Компартии Беларуси, председатель Белорусского славянского комитета.

Анатолий Лебедько – род. в 1961 г., политик. Председатель Объединенной гражданской партии (ОГП). В 1985-ом окончил факультет истории и французского языка минского педагогического института, в 1996-ом – юридический факультет БГУ. В Верховном Совете Республики Беларусь XII созыва занимал пост заместителя председателя Комиссии по делам молодежи, семьи и женщин. В Верховном совете Республики Беларусь XIII созыва являлся заместителем председателя Комиссии по иностранным делам и одним из лидеров парламентской фракции «Гражданское действие». В 1992–1999 гг. – президент Белорусской ассоциации молодых политиков. С 1998 года заместитель председателя, с апреля 2000 года – председатель ОГП.

Василий Леонов – род. в 1938 г., хозяйственный и государственный деятель. Окончил Белорусский институт механизации сельского хозяйства. Работал заведующим сельхозотделом ЦК КПБ, первым секретарем Могилевского обкома КПБ. Занимая эту должность, дал согласие на назначение Александра Лукашенко директором совхоза «Городец». Поддержал А. Лукашенко во время выборов народных депутатов СССР (1988) в альтернативу председателю Госплана БССР Вячеславу Кебичу. После запрета КПБ в 1991 г. был назначен торгпредом Республики Беларусь в Германии. 4 августа 1994 г. был назначен министром сельского хозяйства, а 23 августа 1994 г. – переназначен министром сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь. 11 ноября 1997 г. был арестован в своем рабочем кабинете. Арест транслировали по телевидению. 14 ноября 1997 г. Александр Лукашенко, выступая в АПО «Рассвет» Кировского р-на Могилевской обл., публично обвинил Василия Леонова в причастности к убийству начальника службы контроля президента по Могилевской области Евгения Миколуцкого. После выхода из тюрьмы – председатель попечительского совета зарегистрированного в России белорусско-российского фонда «За новую Беларусь».

Жанна Литвина – род. в 1954 г., журналистка, общественный деятель. С 1976 по 1994 гг. прошла путь от ассоциированного редактора до главного редактора редакции молодёжных программ Белорусского радио. Возглавляла радиостанцию «Белорусская молодёжная», после увольнения с которой в 1994-ом создала независимую радиостанцию «Радио 101,2», закрытую властями в 1996-ом. С 1994 по 1995 гг. возглавляла белорусский корпункт радио «Свобода». С 1995 г. – председатель Белорусской ассоциации журналистов.

Олег Манаев – род. в 1952 г., социолог. В 1974-ом окончил БГУ. Кандидат философских наук (1983), доктор социологических наук (1991). В 1992–1999 гг. – профессор кафедры социологии БГУ. С 1992-ого – директор Независимого института социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ), закрытого белорусскими властями весной 2005 г. и вынужденного перерегистрироваться в Литовской Республике. В 1990 г. был одним из организаторов

Объединенной демократической партии Беларуси (нынешняя ОГП). В 1992 году стал одним из учредителей, а затем председателем правления Белорусского фонда Сороса. В сферу его научных интересов входят: проблемы масс-медиа и демократии, теоретические проблемы эффективности СМИ, влияние СМИ на индивидуальность.

Александр Милинкевич – род в 1947 г., политический и общественный деятель. В 1969-ом окончил физико-математический факультет гродненского пединститута. В 1969–1972 гг. учился в аспирантуре Института физики АН Беларуси. Кандидат физико-математических наук. Стажировался в университете Монпелье (Франция, 1980) и Калифорнийском университете (США, 1998), прошёл курс обучения в Европейском центре исследования проблем безопасности в Гармиш-Партенкирхене (Германия, 2000). В 1980–1984 гг. заведовал кафедрой Сетифского университета (Алжир). С 1984 по 2000 гг. – доцент кафедры общей и теоретической физики гродненского Государственного университета им. Я. Купалы. С 1990 по 1996 гг. – заместитель председателя горисполкома Гродно. Руководитель программ Фонда содействия локальному развитию. В 2001-ом был избран руководителем избирательного штаба кандидата в президенты Семёна Домаша. На Конгрессе демократических сил Беларуси, состоявшемся 1–2 октября 2005 г. в Минске, избран единым кандидатом от оппозиции на президентских выборах 2006-ого. По официальным данным, во время голосования 19 марта 2006 г. набрал 6% голосов избирателей.

Анатолий Михайлов – род. в 1939 г., философ, педагог. В 1961-ом окончил БГУ. В 1966–1974 гг. и с 1980 г. в БГУ (с 1987 г. заведующий кафедрой). В 1974–1980 гг. – сотрудник Центра социального развития и гуманитарных дел (Нью-Йорк – Вена). С 1992-ого ректор ЕГУ, закрытого белорусскими властями в 2004 г. и перерегистрированного в Литовской Республике. Академик НАН Беларуси. Доктор философских наук (1986). В сферу научных интересов входит история философии, современная западная философия и методология гуманитарных знаний.

Алексей (Алесь) Михалевич – род. в 1975 г., политик. Заместитель председателя Партии БНФ (с 2003), председатель Минской областной организации БНФ. Окончил юридический факультет БГУ (отделение политологии). Возглавлял Объединение белорусских студентов и Молодёжный информационный центр, закрытые белорусскими властями. Генеральный директор совместного белорусско-польского предприятия ООО «Аркадия». В 2003-ем был избран депутатом Пуховичского райсовета.

Татьяна Протыко – род. в 1951 г., правозащитница. Работала в Институте истории НАН Беларуси. Кандидат философских наук (1983). С 1992 по 1994 гг. – старший редактор Белтелерадиокомпании, редактор радиожурнала «Наша мінуўшчына», политический комментатор. С 1995 г. – председатель общественного объединения «Белорусский Хельсинкский комитет».

Андрей Санников – род. в 1954 г., политик. В 1977-ом окончил минский педагогический институт иностранных языков, в 1989 г. – Дипломатическую академию МИД СССР. Чрезвычайный и полномочный посол Республики Беларусь. В 1995–1996 гг. был заместителем министра иностранных дел Республики Беларусь; накануне референдума 1996-ого ушёл в отставку. Координатор гражданской инициативы «Хартия-97» по международным делам. Лауреат Международной премии им. Бруно Крайского в области прав человека (2005).

Владимир Улахович – директор Центра международных исследований БГУ. Закончил БГУ, аспирантуру в Академии общественных наук (Москва). В сферу его научных интересов входят отношения ЕС со странами-соседями, международные организации, внешняя политика Беларуси.

Валерий Фролов – род. в 1947 г., политик. Генерал-майор в отставке. Окончил Харьковское высшее танковое командное училище (1970), Военную академию бронетанковых войск (1977), Академию Генерального штаба Вооруженных Сил СССР (1991), Академию управления при президенте Республики Беларусь (2000). Дослужился до должностей начальника штаба армейского

корпуса Вооруженных сил Республики Беларусь (1993–1994), командира 28-го армейского корпуса (1994–2000). С 2000 по 2004 гг. – депутат т. н. Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь второго созыва, лидер оппозиционно настроенной депутатской группы «Республика». С 2005 г. – член Центрального комитета Белорусской социал-демократической партии («Громада»). Отказался от участия в президентских выборах 2006 г. в пользу лидера БСДП (Г) Александра Козулина, вошел в предвыборный штаб Козулина.

Станислав Шушкевич – род. в 1934 г., радиоэлектроник, политик. В 1956-ом окончил физико-математический факультет БГУ, в 1959 г. – аспирантуру Института физики АН БССР. Доктор физико-математических наук. Руководил кафедрой ядерной физики и электроники БГУ, занимал должность проректора по научной работе. В 1989–1991 гг. – народный депутат СССР, член Межрегиональной депутатской группы, в 1990–1995 гг. – депутат Верховного совета Беларуси XII созыва, в 1990–1991 гг. – первый заместитель председателя Верховного совета Белоруссии. 9 сентября 1991-ого избран председателем Верховного совета Беларуси. 7–8 декабря 1991 г. во время встречи в Беловежской пуще (Вискули) с президентами России Борисом Ельциным и Украины Леонидом Кравчуком поставил подпись под Беловежскими соглашениями о ликвидации СССР и создании СНГ. 26 января 1994 г. снят с поста председателя Верховного совета Беларуси. Во время первых президентских выборов в Беларуси (1994) набрал в первом туре менее 10%. С 1998-ого – председатель партии Белорусская социал-демократическая громада.

Всеволод Янчевский – род. в 1976 г., политик, журналист. Был активистом президентской кампании (1994) А. Лукашенко, членом предвыборного штаба (1995) С. Шушкевича во время выборов в Верховный совет. Состоял в партии «Славянский собор „Белая Русь“». В 1998-ом окончил юридический факультет БГУ, в 2000 г. – факультет международных отношений того же университета. Несколько лет в ранге первого секретаря Центрального комитета возглавлял Белорусский патриотический союз молодежи (БПСМ). В 2005-ом назначен главным редактором созданного Администрацией президента журнала «Планета».